

STUDIA SLAVICA
XX

Таллинский университет
Институт гуманитарных наук

STUDIA SLAVICA

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
МОЛОДЫХ ФИЛОЛОГОВ

XX

Таллин 2024

STUDIA SLAVICA XIX

Сборник научных трудов молодых филологов

Редакционная коллегия:

Р. С. Войтехович (Тарту)

С. Н. Доценко (Таллинн)

Г. Карпи (Неаполь)

Д. Кенанов (Велико-Тырново)

Н. А. Нечунаева (Таллинн)

А. Б. Рогачевский (Тромсё)

И. М. Моисеенко (Таллинн)

Ответственные редакторы:

Инна Адамсон (лингвистика)

Анна Симагина (литературоведение)

Корректоры:

Марина Алексеев, Алина Литовкина, Денис Бобровник

Таллинский университет

Институт гуманитарных наук

Нарвское шоссе, 25, 10120 Таллин, Эстония

Авторское право: Анна Симагина, Инна Адамсон (составители)
и авторы статей, 2024

Авторское право: Институт гуманитарных наук Таллинского
университета, 2024

ISSN 2674-2160

Данное издание осуществлено при финансовой поддержке
TÜNI Uuringufond

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

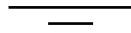
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ольга Журавлева (Рига)
Социокультурное пространство советских закрытых городов: культурное наследие и переосмысление в рамках постсоветской документальной прозы 11
- Глеб Маматов (Новосибирск)
Образ Творца-Поэта в «Автоматических стихах» Бориса Поплавского 22
- Полина Мамышева (Санкт-Петербург)
«В этом флотском борще плавают обломки кораблекрушения» (советская кухня в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок») 41
- Степан Попов (Санкт-Петербург)
Между литературной теорией и социальным анализом: о прагматике и эпистемологии «Моего временника» Бориса Эйхенбаума 53
- Анна Симагина (Таллин)
Об одном чиновнике, лично знавшем А. С. Пушкина, и потомках его в Эстонии 67
- Валерия Шуленина (Москва)
«Армянский текст» в русской литературе первой половины XX века: зарождение и развитие 89

II ЛИНГВИСТИКА

- Павел Барановский (Калининград)
Концепция частотного словаря языка Бориса Рыжего 103
- Алтана Базаржапова (Санкт-Петербург)
<История про + Асс>: новое в грамматике конструкций 117
- Ирина Григорьева (Минск)
Русский язык будущего: гендерно нейтральный
или гендерно инклюзивный? 129
- Ирина Демьянова (Таллин)
Роль сказки в развитии монологической речи
русско-итальянских детей-билингвов 145
- Полина Довгопят (Санкт-Петербург)
Специфика иерархии терминов искусствоведческой
терминосистемы 163
- Татьяна Колосовская (Санкт-Петербург)
Отдых и *немножко нервно*: об одном интересном
синонимическом сближении в повседневной русской речи 173
- Елизавета Корешкова (Калининград)
Реализация фонетических рефлексивов в современной
русской прозе (на примере романов А. Чудакова «Ложится
мгла на старые ступени», Е. Водолазкина «Брисбен»
и рассказа М. Степновой «Тудой») 183
- Екатерина Костина (Санкт-Петербург)
Кто как отдыхает: наборы ключевых слов в рассказах
об отдыхе экстраверта и интроверта 192

Виктория Ложкина (Санкт-Петербург) От гиперкорректности – к гипервежливости: об одной распространенной аномалии в студенческой речи	201
Юлия Локалина (Санкт-Петербург) Есть ли предел интенсификации в языке: от наречия к хештегу	212
Анна Музычук (Санкт-Петербург) Языковая рефлексия в поэтических произведениях И. А. Бродского: уровень лексического значения слова	220
У Нань (Санкт-Петербург) Форма-идиома устной речи как грамматическая конструкция	235
Фан Нгуен Хань (Москва) Сопоставительный анализ консонантных систем вьетнамского и русского языков	243
Марина Росип (Санкт-Петербург) Контактный глагол <i>представляешь</i> на шкале грамматикализации	253
Екатерина Яковлева (Санкт-Петербург) О неоднородности (спорности) неоднословных деэвфемизмов в «Словаре эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной	263
Maksim Shmalts (Moscow, Tübingen) Derbi: Deutscher regelbasierter Inflektor	274
Summaries	285

I

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО СОВЕТСКИХ
ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ: КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
В РАМКАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ
ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Ольга Журавлева (Рига)

Атомный проект имел огромное влияние на историческое, политическое и социально-экономическое развитие России. Возможность применения атомной энергии в военных целях касалась каждого отдельно взятого человека и советского общества в целом. Двадцать миллионов граждан Страны Советов ежегодно было задействовано в изготовлении, хранении и транспортировке атомного оружия.

Закрытый город как единица российского атомного комплекса специализировался на производстве оружия массового поражения. Большинство таких городов было построено на территории Южного Урала с 1945 по 1960 г.: Челябинск-40, Свердловск-45, Нижний Тагил-39, Косулино-1, Златоуст-20, Каргалы-6. Вследствие засекреченности исторических материалов проблематика особенностей проживания в закрытых городах, ментальность социальных групп, а также вопросы идентичности горожан были и остаются малоизвестной страницей российской истории.

Основные материалы, на которые мы будем здесь ссылаться, это воспоминания ученых, которые жили и работали на Урале. В этих мемуарах детально представлена картина становления Курчатовского ядерного комплекса, приоритетные задачи, проанализированы особенности структуры комсомольского и партийного аппаратов, и их взаимодействия с южноуральцами и молодыми техническими специалистами.

Центральным материалом послужили воспоминания Николая Семеновича Работнова (1936–2006), выдающегося ученого-ядерщика, чья юность в период с 1949 по 1953 г. прошла в Челябинске-40 (см.: Игнатюк 2020: 3).

В приоритете нашего исследования – изучение специфики культурного пространства советских городов закрытого типа через эготексты и литературные произведения, отражающие рецепцию этого пространства и особенности его репрезентации в постсоветской прозе. На сегодняшний день история закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) изучена мало и фрагментарно (ср.: Запарий, Толстиков 2018: 115). Какие-то аспекты рассмотрены неоднократно, как, например, зарождение атомной промышленности в России, а какие-то не изучены вовсе, например национальная составляющая, культурные традиции, городской фольклор. Исследовательские работы двухтысячных годов во многом перекликаются друг с другом и в вопросах государственной политики того времени придерживаются единого мнения: без ядерного оружия СССР никогда бы не стал великой державой (см.: Кузнецов 2015: 68).

Решающее обстоятельство, которое негативно повлияло на изучение проблематики закрытых городов, это то, что большинство из них по-прежнему имеют статус секретного объекта. Это касается прежде всего города, о котором мы будем говорить более подробно, – Челябинске-40 (в 1966–1993 гг. Челябинск-65, с 1994 г. Озерск). Несмотря на прошедшие годы и неоднократную смену

политической власти в России, отношение к атомному проекту, по уровню человеческих вложений несопоставимому, наверное, ни с одним советским проектом, кроме космического, до сих пор двойное. С одной стороны, это великодержавный прорыв в ядерное будущее страны, а с другой – касающиеся этого прорыва архивные данные засекречены и недоступны для изучения.

ЗАТО строились за пределами других населенных пунктов, их культурная среда формировалась искусственно. Целью приезжавших на режимный объект была организация уникального производства для обеспечения безопасности государства. Социальный состав населения подобных городов был неоднороден: их жители сильно различались по уровню образования, мировоззрению и т. д. Вместе они заложили основу новой социокультурной среды, которая характеризовалась отсутствием исторических истоков и вторичностью (см.: Ковригина 2016: 20).

Второй важнейшей особенностью социокультурного фона закрытых городов была засекреченность. С момента основания в них царил обстановка тотальной секретности. Строжайший режим, установленный в закрытых городах, стал одной из причин возникновения в атомной отрасли своего рода «государства в государстве». В середине 1950-х гг. на территории закрытых городов были введены постоянные пропуска для всех работающих и временные для членов их семей. Выезд за пределы зоны разрешался только по служебной необходимости.

В. Лютов вспоминает:

К месту назначения также добирались секретно. На вокзалах в Челябинске и Свердловске командированных встречали представители ПГУ. По прибытию в Кыштым садили в неприметную машину – “коломбину” – с зашторенными окнами, чтобы нельзя было сориентироваться на местности. “Можно представить себе состояние приехавших, когда они видели, что въезжают на

территорию, огражденную колючей проволокой, охраняемую вооруженными солдатами”. Человеку, попадавшему на Базу-10, казалось, что он как будто “исчезал”, “выпадал из мира” – ради неизвестной, но очень важной цели... (Лютов 2014: s. p.).

«Выпадали из мира» не только новоприбывшие сотрудники будущего атомного комплекса – его невидимой стороной были заключенные, игравшие немаловажную роль в формировании городской культуры. Труд заключенных широко использовался на самых тяжелых и неквалифицированных работах по созданию производственно-материальной базы строительства и предприятий. С 1946 по 1948 г. заключенные работали на заготовке леса, на лесопильных заводах, в каменоломнях, на строительстве дорог и коммуникаций. Состав заключенных, работавших на уральском строительстве атомной промышленности, был неоднороден: среди них были как отбывающие наказание за уголовные преступления, так и политзаключенные или осужденные за незначительные преступления. Это способствовало, во-первых, рецидивам преступлений, во-вторых, насаждению уголовных порядков и традиций в городской среде.

В рамках проекта «Мой ГУЛАГ» о своей жизни рассказала Александра Павловна Успенская, учительница сельской школы под Ленинградом, на которую написал ложный донос сын одной из ее коллег, после чего она была осуждена по статье 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда) и в начале 1950-х годов отбывала часть наказания на переработке оружейного плутония в Челябинске-40. Вот фрагмент ее интервью: «После Мончегорска я была в Челябинске-40. Это был лагерь, где вырабатывают атом, закрытый лагерь. Там долго не держат: определенное время подержат, и уматывай. Чтобы не знали, чего и как» (Успенская 2020: 143).

Администрации управлений строительства атомных объектов обязаны были проводить для заключенных инструктажи по технике безопасности и обеспечивать ее соблюдение. Несмотря на

это, несчастные случаи на производстве были довольно частыми, в том числе и с летальным исходом. Производственный травматизм, продолжительное шумовое воздействие, вдыхание пыли, содержащей кремний и кварц, нередко приводили к тому, что рабочие или становились инвалидами, или умирали (см.: Кузнецов 2015: 111).

Образы заключенных присутствуют во всех исследуемых литературных источниках: «власовцы» и «репатриированные» – пленные, пересаженные из немецких лагерей в сталинские, мелкие спекулянты и воры, освобожденные сразу после войны, расконвоированные женщины, в основном молодые, которые выполняли в городе все хозяйственные работы.

Из воспоминаний Николая Работнова:

А типичным случаем был Гриша Р., совсем молодой парень, водивший с нами компанию тремя годами позже. Он учился в мореходке и при каботажном рейсе в Стамбул догадался купить на тамошней барахолке... пистолет. Результат – три года, из которых он при щедрой системе зачетов в Сороковке отсидел, кажется, всего год (Работнов 2000: 160).

Строительные зоны по утрам заполнялись. Бесконечные колонны заключенных в сопровождении автоматчиков входили в город по проспекту Сталина, сворачивали к быстро удлинявшемуся проспекту Берия, растекались по забранным колючкой закуткам. С болью и стыдом, как наяву, вспоминаю я сейчас эту картину, которую ежедневно совершенно равнодушно наблюдал по дороге в школу – занятия в ней, как и работа в зонах, начинались в восемь часов. И раздражался помехой – дорогу иногда нельзя было перейти минут по десять! Бывало, их проводили раньше и усаживали за проволокой в несколько рядов, лицом к улице. Моменты, когда приходилось идти мимо, я особенно не любил, подбирался, ожидая насмешливого окрика, жеста, грубого подшучивания. Но этого не было никогда (Там же).

Меня просто корежило – корежит и сейчас – воспоминание о бесконечных колон<n>ах эков в “Сороковке”, которые я ежедневно встречал по дороге в школу. Для меня – пятнадцатилетнего – они были деталью городского пейзажа. Даже любопытства особого не помню, так<,> мимолетное. Ни в одно лицо не взгляделся (Работнов 1984: s. p.).

Победа Советского Союза в войне создала атмосферу национального единения, которое стимулировало коллективное чувство собственного достоинства. Послевоенный дискурс был связан не столько с преодолением разрухи, сколько с грядущей победой над заокеанским капиталистическим миром. Собирательный образ врага в глазах советского человека неизменно имел европейские черты. Синтезировать неприятеля из союзника было несложно: достаточно было напомнить, что капиталистический мир жесток, и уже этим объяснялась его ущербность и несостоятельность. Именно вышеперечисленные составляющие обеспечили безоговорочное принятие жителями закрытых городов всех трудностей, характерных для жизни и работы в рамках ЗАТО.

Каким образом в СССР можно было попасть на работу на ядерный закрытый объект? По комсомольской путевке, переводом или написав личное заявление. В случае получения высшего образования на территории Советской Прибалтики и при наличии военной кафедры в вузе, как это было в Рижском политехническом институте, дипломированный специалист мог получить направление на закрытый объект. Огромное значение имели личностные характеристики: социальное происхождение, политическая благонадежность, профессиональные показатели, отсутствие судимости, а также прежний район проживания.

Пользуясь опытом жизни на территории закрытого города в течение 15 лет, автор может заверить, что по состоянию на 1975 год на территории Челябинска-65 единственной семьей из Латвии была ее семья. Основной контингент составляли военнослужащие из

России, Украины и Белоруссии. Доля инженерно-технических работников из других республик СССР была крайне мала. Прибалтика находилась на особом положении и не вызвала доверия у представителей власти, в противовес русским, украинским и белорусским специалистам.

Случались и обратные ситуации, когда несоответствие параметрам отбора, например беспартийность или неподходящее родство, служило рычагом воздействия на человека и выбора у него не оставалось, как это произошло с отцом Николая Работнова:

Отец был беспартийным (и оставался им до смерти Сталина), но его вызвали в обком и предложили новую важную работу по специальности, упомянув про сестру, которая там уже работает и хорошо себя зарекомендовала. На робкий вопрос: “Могу ли я отказаться?” – было мягко сказано: “Можете, конечно, но мы вам очень не советуем...” А затем его в отличие от сестры вызывали и в Москву, в ЦК, поскольку, как выяснилось, должность ему планировалась номенклатурная. Он поднял вопрос о зарплате и понял, что допустил неловкость. Было кратко сказано: “Ну что вы, товарищ Работнов! Мы же вас не на торфоразработки посылаем!” Когда ему назвали сумму подъемных – двадцать пять тысяч – стало ясно, что да, не на торфоразработки (Работнов 2000: 156).

Жители закрытых городов в большинстве своем отличались наличием высшего или среднего профессионального образования. Основу составляли инженерно-технические работники. В 1950 году на 100 рабочих в среднем приходилось 29 инженеров и техников, что превышало общероссийские показатели в два раза. Поскольку отбор осуществлялся на основании строгих профессиональных требований, в ЗАТО концентрировались специалисты высокого уровня по следующим специальностям: физика, химия, математика, горное, лесное, инженерное дело. С различными статистиче-

скими данными о деятельности инженерно-технических отделов можно ознакомиться в ряде монографий Виктора Кузнецова – все они посвящены тем или иным аспектам функционирования ЗАТО. Важнейшая из них, «Атомные закрытые административно-территориальные образования. История и современность», содержит обширный материал о становлении атомной промышленности в СССР (см.: Кузнецов 2015; Кузнецов 2016).

ЗАТО строились не только на территории России, но и на территории других республик, входивших в состав СССР. Такими образованиями были, например, Межгорье в Республике Башкортостан, Скрунда-1 в Латвии, Силламяэ в Эстонии, где в 1946 году было принято решение построить сланцехимический завод по извлечению урана из местного сырья – диктионемового сланца – на месте разрушенного во время войны сланцеперегонного завода. Строительство, как и в случае с Челябинском-40, начинали военные и заключенные (см.: Кивисельг 2014: 6). Во избежание утечки информации город был засекречен, поэтому завод и окрестности стали закрытой территорией. Эта засекреченность градообразующих предприятий была первопричиной возникновения массы слухов и домыслов, но это компенсировалось ощущением гордости за оказанное государством доверие и материальные блага, доступные жителям ЗАТО.

В 1960-е годы люди начинают активно приобретать товары бытового назначения: автомобили, мотоциклы, холодильники, стиральные машины, телевизоры, телефоны. По насыщенности теми или иными товарами закрытые города к началу 1970-х годов опережают областные центры. С наращиванием ядерного потенциала растет и уровень потребления. Жители закрытых городов хорошо понимали, что их заработная плата выгодно отличается от оплаты труда в других городах. Образование также было на высоком уровне, кадры ковались на месте без отрыва от производства. В силу понятных причин сфера досуга была очень востребована. Горожане

посещали кинотеатры и танцплощадки, занимались спортом, кружковой деятельностью, ходили в театр и библиотеку. Н. Работнов вспоминает: «К нашему приезду там были не только кинотеатры, стадионы и спортзалы, но и эллинг с яхтами на озере. А в эллинге не только швертботы, но и настоящие килевые яхты вплоть до “шхерного крейсера” Л-4, и отнюдь не для прогулок начальства, а для большой яхт-секции. Могут сказать – с жиру бесились, а страна голодала» (Работнов 2000: 162–163).

В конце 1940-х и начале 1950-х гг. основная часть жителей закрытых городов проводила свободное время с коллегами или с семьей. Отдых вне секретной зоны стал возможен только во второй половине 1950-х гг.

В условиях секретности и ввиду практически полного отсутствия знаний о радиоактивных веществах население не имело достоверной информации об их воздействии на здоровье. Н. Работнов пишет:

Радиационные поражения первых лет в Сороковке были следствием многих факторов. Во-первых, очень и очень многого еще не знали, а во-вторых, опасность радиации недооценивали. Первая в мире норма допустимого облучения, установленная Международным комитетом по радиационной защите, была шестьдесят рентген в год (!). <...> В Сороковке в первое пятилетие норма была – тридцать. Если бы хоть она соблюдалась...

Не будет преувеличением сказать, что, по современным меркам, первые годы работы Сороковки были непрерывной радиационной аварией. Но дело в том, что в отношении охраны жизни и здоровья работников там фактически действовали если не нормы, то обычаи ГУЛАГа военного времени (Работнов 2000: 166–167).

Несмотря на все вышесказанное, развитая социальная и производственная инфраструктура, приоритетное финансирование, рост

качества жизни и противопоставление обычным городам, в которых зачастую нечего было есть, сформировали ряд специфических черт элитности населения закрытых городов. Наиболее высокий социальный статус имели инженерно-технические работники. Считалось, что данная группа является вершиной интеллектуального развития и социального положения. Но поскольку каждый из работников системы ЗАТО вносил свой вклад в становление ядерного производства, конечная цель – создание ядерного оружия – принималась как «общая» и «своя» для любого сотрудника закрытого города, будь то ученый или работница цеха. Таким образом устанавливался социальный баланс, который на различных уровнях поддерживался экономически.

Вследствие культурных особенностей ЗАТО сформировался новый класс научно-технической элиты, не имевший аналогов на территории СССР. Фактор благосостояния играл решающую роль в выборе места работы для большинства сотрудников. Социальное равенство в ЗАТО поддерживали искусственно, чтобы не разобщать трудящихся. Жизнь за колючей проволокой не мешала горожанам комфортно проводить время, заниматься профессиональными обязанностями и карьерным ростом. Близость ГУЛАГа как карающей организации для работающих в ЗАТО была обыденностью и не влияла на их производственную карьеру и социальную жизнь. Симбиоз научно-технической интеллигенции и охранных ведомств ЗАТО позволил реализовать атомный проект и создать новый вид закрытого идеологического сообщества, которое действовало в режиме секретности и в интересах государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Запарий В. В., Толстикова В. С. 2018.** Рецензия на монографию В. Н. Кузнецова «Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность. Часть 2. По-

- стсоветский период». – Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 18. № 1. С. 115–118.
- Игнатюк А. В. 2020.** Предисловие. – Работнов Н. С. Избранные труды. Воспоминания / Отв. ред. А. В. Игнатюк. Обнинск: АО «ГНЦ РФ – ФЭИ». С. 3–8.
- Кивисельг И. 2014.** Самый «закрытый город» Ида-Вирумаа. – Северное побережье. 6 марта. С. 6–7.
- Ковригина В. А. 2016.** Особенности социальной среды в закрытых административно-территориальных образованиях. – Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: Теория и практика. № 5. С. 19–23.
- Кузнецов В. Н. 2015.** Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: История и современность. Ч. 1: Советский период. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Кузнецов В. Н. 2016.** Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: История и современность. Ч. 2: Постсоветский период. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Лютов В. 2014.** Несекретная история: Озерск (часть вторая). – «Провинциальные тетради» Вячеслава Лютова. LiveJournal. <https://lyutov70.livejournal.com/53534.html> (Дата обращения: 01.04.2022).
- Работнов Н. 1984.** [Дневниковая запись от 15 сентября 1984 г.]. – Прожито. <https://corpus.prozhito.org/note/19199> (Дата обращения: 01.04.2022).
- Работнов Н. 2000.** Сороковка. – Знамя. № 7. С. 155–174.
- Успенская 2020.** Александра Успенская: «В общем, им надо было кого-то посадить... Спросить тоже “за что” – ни за что!». – Мой ГУЛАГ: Личная история. Книжная серия видеопроекта Музея истории ГУЛАГа. М.: Музей истории ГУЛАГа; Фонд Памяти. С. 138–149.

ОБРАЗ ТВОРЦА-ПОЭТА
В «АВТОМАТИЧЕСКИХ СТИХАХ»
БОРИСА ПОПЛАВСКОГО

Глеб Маматов (Новосибирск)

Как отмечает исследователь творчества Б. Поплавского Е. Менегальдо, сборник «Автоматические стихи» представляет собой эксперимент с приемами французского сюрреализма (см.: Менегальдо 2009: 528). Особенно это касается концепции бессознательного, разработанной в трудах Фрейда, оказавших весомое влияние на сюрреализм: «Открытия Зигмунда Фрейда о бессознательных процессах, управляющих человеческой психикой, навели сюрреалистов на мысль о том, что надо писать как бы “под диктовку” бессознательного» (Там же). Е. Менегальдо также отмечает, что Поплавский был «в полном согласии с сюрреалистами», и, ссылаясь на его концепцию бессознательного, изложенную в статье «По поводу... Джойса», утверждает, что поэт следовал этим принципам, пытаясь проникнуть в глубины сознания, что было для него способом покорить Трансцендентное: «Погружение в индивидуальное, в личное – вовсе не “любование своим пупом”, а единственный способ приобщиться к сверхиндивидуальному» (Там же).

Понимание «Автоматических стихов» как экспериментирования с приемами сюрреализма стало общим местом в науке. Собственно, сам поэт дал не один повод для этой трактовки книги, которую он

определил как «сюрреалистические автоматические стихи», добавив: «Причем я совершенно не знаю, как в них разобраться» (Поплавский 2013: 107). Эта мысль подтверждается и наблюдениями Н. Б. Лапаевой, выделившей основные сюрреалистические приемы, которые поэт использовал в лирике и прозе. Прежде всего это «ниспровержение всего традиционно-отжившего в искусстве» (Лапаева 2004: 285), разрушение привычной логики вещей и принцип оксюморона: «Поплавский добился высокой степени “сюрреалистической” убедительности, когда для создания противоречивости смыслового пространства своих “автоматических” произведений он усилил оксюморонность» (Там же: 288). Стоит учитывать и наблюдения Л. Ливака о приеме расширенной метафоры, распространенной у французских сюрреалистов (Р. Десно, А. Рембо, А. Бретона) и Поплавского, представляющей собой конструкцию, состоящую из «основной» метафоры и множества образов, повторяющих ее и связанных с ней на уровнях семантики и синтаксиса (см.: Livak 2000: 180), и частотных в сюрреализме и у русского поэта водных, морских образов, маркирующих уход в пучину бессознательного (река, море, лодка, раковина, корабль, субмарина) (см.: Там же: 183). Все указанные приемы находят свое место в «Автоматических стихах».

Собственно, на сюрреалистическое начало книги указывает и слово *автоматические* в названии, что позволяет допустить мысль о связи стихов с принципом автоматизма, характерным для сюрреализма. Но понятие автоматизма связано у Поплавского с творчеством и музыкой, что очевидно и в книге стихов, и в его публицистике. Поэт размышляет об автоматизме в статье об «Улиссе» Дж. Джойса, в которой он писал о бессознательном, чьим воплощением и был указанный прием, под которым сюрреалисты подразумевали поток ощущений, порождающийся неконтролируемым состоянием психики. В этом контексте создатель произведения – механизм, фиксирующий переживаемые им впечатления, о чем пишет А. Бретон в «Манифесте сюрреализма» (см.: Бретон 1986: 45).

Все это обуславливает тот факт, что исследователи сравнивают поэтику Поплавского с творчеством представителей французского сюрреализма. Л. Сыроватко и Л. Прадивлянная рассматривают связь образности с бессознательным, видя «Автоматические стихи» как языковой хаос (см.: Сыроватко 2007: 57–85; Прадивлянная 2019: 116–124). Их идеи перекликаются с научной концепцией, представители которой исследуют соотношение поэтики Поплавского и сюрреализма, – например, С. Карлинский (см.: Karlinsky 1967: 605–617), Л. Ливак (см.: Livak 2000: 177–194), Н. Лапаева (см.: Лапаева 2004: 284–290), А. Чагин (см.: Чагин 2008). Сюрреалистические идеи нашли отражение в «Автоматических стихах». Важно и то, что произведения в этой книге близки миниатюрам из цикла «Изречения Рака-Отшельника» из поэмы А. Бретона и Ф. Супо «Магнитные поля» (1920). Сопоставим стихотворения из обеих книг.

Дитя плетет жемчужное отчаянье
Вдохновляясь коробочками для причастия
Рождения загадка первоклассное уравнение на ноте до
Баррикадирует окно его ресниц
Играет младшей сестры молитвой в ней больше серебра
Обиды терпит
От двух до трех
Размножается как микробы из учебника делением отпавший
от него имеет крылья
Он думает о красивых кариокинессах
Во время мессы

(Бретон, Супо 1994: 52)

Образ мальчика, который создается в этой миниатюре, построен на приеме коллажа, калейдоскопа из не связанных между собой образов и каламбуров. Мальчик представлен как ткач, плетущий свое отчаяние, как ожерелье из жемчугов. Но с третьей строки его образ лишается человеческого облика, он представлен как здание («окно

его ресниц»), а затем и как размножающийся микроб из учебника по биологии, он порождает неизвестных крылатых существ, что позволяет говорить о трансформации ребенка в чудовище. Образ этот абсурдный. Сознание поэта создает фантастического героя, имеющего черты различных реальных и неведомых созданий. Возможно, в этом тексте есть и сюжетная ситуация: мальчик слушает мессу в соборе и засыпает под некие размышления о рождении человека, которые кажутся ему скучными и вводят его в отчаяние, потому он уходит в состояние дремы. Но и такую трактовку поэт намеренно затрудняет, шокируя читателя экзотичностью и алогичностью образов.

Выделим форму миниатюры, связанную с сюрреалистическими принципами А. Бретона. Во-первых, отсутствие знаков препинания, отчего текст можно интерпретировать как порождение чистого разума, извлечение слов без смысловых пауз и эмоциональных акцентов, как сплошной звуковой поток. Во-вторых, поэт использует разные по длине строки, лишённые ритма и размера, по сути, стихотворение оказывается совершенно алогичным и по образности, и по форме, что коррелирует с образом героя, чей облик меняется на протяжении всего стихотворения.

Схожим способом написаны «Автоматические стихи», например:

Руки колесного города
Опускались глубоко в воду
В доме пустом газета поднималась на небо
Там катились шары голубые в песок на свободу
День был всюду где нужно и только над жизнью он не был
В море цветы отдыхали
Им шептали холодные зори
Непонятные людям спокойные песни слова
Они улыбались, они от судьбы отдыхали
Их огромная в ад наклонялась и падала в сон голова

(Поплавский 2009: 369)

В этом стихотворении принципы поэтики Бретона доведены до предела. Поплавский сохраняет и отсутствие знаков препинания, как бы мешающих, задерживающих течение мысли, но использует свободную рифму и полиметрии. Если в предыдущем произведении создавался абсурдный образ мальчика, то у Поплавского некоего единого героя здесь нет, все строится на хаотичном сплетении самых разных образов в оксюморонных сочетаниях: «В море цветы отдыхали». Цветам поют колыбельные («Непонятные людям спокойные песни слова») «холодные зори», а к небу стремится газета, и где-то на границе между водой и сушей на песке «катились шары голубые». При всей хаотичности образов, в отличие от лирического коллажа Бретона, сюжет вырисовывается яснее. Колесный город (возможно, подразумевается музыкальная шкатулка, куда помещали игрушечные башни и дома, двигавшиеся по кругу в такт механической музыке колокольчиков), опускающий руки под воду, противопоставлен миру жизни, цветам, которые не могут изменить свою участь: «Их огромная в ад наклонялась и падала в сон голова». Единственное спасение для них – погружение во сны. Но образы шаров, летающих газет, спящих и слушающих колыбельные цветов – все это абсурдная сюрреалистическая образность, чьи части соединены по тому же принципу калейдоскопа, что и у Бретона. Поплавский использует основные мотивы сюрреализма: сон и уход под воду, в связи с чем стихотворение можно интерпретировать как процесс творческого акта и описание работы разума поэта.

Как видно по этому произведению, для Поплавского сюрреализм играл значимую роль. Влияние на «Автоматические стихи» могла оказать поэзия А. Бретона и Ф. Супо («Изречения Рака-Отшельника»). Но в книге Поплавского обнаруживаются элементы лирического сюжета, что практически невозможно у сюрреалистов. Отход от идей этого течения можно обнаружить и в эстетических трудах поэта. В упомянутой статье об «Улиссе» Джойса можно найти сентенцию, которая является ключом к пониманию сюрреализма у

Поплавского: «Конечно, “Улисс” не есть только документ, а продукт огромного отбора и сложнейшей конструкции, почти невидимого соединения множества дней. <...> Но отнюдь не отбора и выдумывания мыслей, а отбора бесчисленных текстов-документов, написанных бесконтрольно» (Поплавский 1996: 275). В сюрреализме поток сознания – стихийный творческий порыв, который не имеет смысловых и формальных очертаний. У Поплавского художник не только изучает картины во время своего ухода в бессознательное, но и тщательно отбирает наиболее приемлемые из них для своего произведения. В других статьях поэт выделяет близость автоматизма к визионерству, волшебству и трансу, подобному заклинанию. Создание произведения – не работа бессознательного, а регулируемый процесс выбора частного из множества. Это подразумевает труд творческой мысли и конструирование текста, что не соотносится с художественными установками сюрреалистов.

Для поэта стихотворчество близко музыке как магическому непознаваемому, дионисийскому течению, охватывающему творца, превращающему его в чародея: «Так создается мелодия; если поэт умеет ее изолировать и развить, разрастается в стихотворение, т. е. спасти от исчезновения хочет поэт некое ощущение, причем понял он это, может быть, только через музыку, т. е. используя магическую эвокационную силу музыки, подобную заклинанию» (Поплавский 1996: 99). Данные идеи, высказанные самим Поплавским, позволяют видеть «Автоматические стихи» не как экспериментальный сюрреалистический сборник, а как связную книгу, состоящую из тщательно отобранных произведений и имеющую четкую концепцию. Целью предлагаемой статьи является выявление образа поэта и мотива творчества, оказывающихся связующим звеном между всеми стихотворениями книги и создающих ее лирический сюжет и смысловую целостность.

Для изучения образа поэта, которым является лирический герой, обратимся к мысли Л. Сыроватко, отмечавшей, что у

Поплавского возникает особый тип лирического героя. Она пишет: «“Ячество” футуристов Поплавскому не было свойственно никогда»; тексту Маяковского противопоставляется «текст Поплавского с лирическим героем – “наблюдателем извне”» (Сыроватко 2007: 57). Данное утверждение не является бесспорным. Герой у Поплавского представлен через персонажей, упомянутых в миниатюрах эксплицитно или имплицитно. Более того, они могут не играть существенной роли в стихотворении, но все они являются двойниками героя-поэта, что позволяет обозначить принцип двойничества как прием зеркала, отражающего центрального героя через различные персонификации. Данная зеркальность особенно заметна в «Автоматических стихах», где система двойников разветвленная, а герой книги – многоаспектная личность, проявляющаяся во всех стихотворениях, как в зеркалах с разными ракурсами. «Отражения» лирического героя мы делим на четыре группы:

- 1) Путник, путешественник, отшельник, странник.
- 2) Владелец некоего сакрального знания, отшельник, философ.
- 3) Некое воплощение божества и Теурга (Христос, Орфей).
- 4) Творец, поэт, музыкант, Артур Рембо.

Творец у Поплавского связан и с мотивом музыки, который часто возникает в книге. Но искусство звуков обуславливает и ее необычную композицию. Важно учитывать мысль Сыроватко о контрапункте. Согласно ее концепции, «Автоматические стихи» – «сложно организованная система циклов, внутри которых действуют как цепная, так и параллельная связь, а единство всего целого обеспечивается периодическими возвратами к уже варьировавшимся в пределах предыдущих циклов образам в соединении с новыми, постепенно нарастающими в циклах последующих, мотивами. Такие соединения образуют своего рода стихотворения-“контрапункты”» (Сыроватко 2007: 78–79). В этом случае важно обращение поэта к музыке, которая для сюрреалистов не играла особой роли:

«Известно, что отцы-основатели сюрреализма пренебрежительно относились к музыке, сводя ее до уровня звукового сопровождения видеоряда. У Поплавского музыка, наоборот, имеет ценность лишь постольку, поскольку обладает нематериальным *духом*» (Токарев 2011: 41; курсив автора).

Вернемся к идее о контрапункте Л. Сыроватко. Свою теорию она развивает на основе анализа первого, «крестового» цикла книги, состоящего из четырех стихотворений. Она выделила этот цикл на основе сходств в пространственной структуре («направление движения сверху вниз, от полюса к полюсу», с севера на юг [Сыроватко 2007: 79–80] в этих произведениях) и единых образов и мотивов (бродяга, движение, падение). При этом финальная, четвертая миниатюра является контрапунктом, в котором темы предыдущих стихотворений соединены вместе: «проговариваются основные мотивы цикла, включаются в новый контекст узнаваемые детали <...>. В то же время появляются образы, которые будут реализованы даже не столько в со-предельных, сколько в стихотворениях более отдаленных циклов (моряки, корабли, дирижабли, флаги, подробно прописанный “феерический театр” с “пылью декораций” и “пылью кулис”, “пустым черным залом”, луна, замки, башни, птицы)» (Сыроватко 2007: 81). Таким образом, циклы в «Автоматических стихах» строятся на сцеплении образов и мотивов, повторяющихся в нескольких рядом расположенных миниатюрах, объединенных сходствами в символической и пространственно-временной структурах, которые в итоге соединяются в главном произведении цикла, названном контрапунктом. Это наблюдение исследователя позволяет говорить об изошренном конструировании композиции книги, что имело очевидный смысл для поэта и связывается с сюжетом «Автоматических стихов», который как бы «зашифрован» для читателя сложными сюрреалистическими приемами.

Исходя из этой мысли, мы применили метод Л. Сыроватко ко всем произведениям книги, выделив 46 различных по объему

циклов и стихотворений-контрапунктов (фуг). Вычленение циклов позволяет допустить мысль о неабсолютности сюрреалистической поэтики книги, а также понять и рассмотреть ее сюжет.

Таблица 1. Внутренние циклы «Автоматических стихов»

№	Название цикла	№ стихотворений, входящих в цикл	Основные темы
1.	«Крестовой»	1, 2, 3, 4	Искусство/Музыка. Небо. Вода. Птицы. Смерть.
2.	«Водный»	5, 6, 7, 8, 9	Искусство/Музыка. Небо. Вода. Птицы. Смерть. Цветы.
3.	«Музыкальный»	10, 11, 12, 13	Искусство/Музыка. Небо. Смерть. Цветы. Светила. Время.
4.	«Высотный»	14, 15, 16, 17	Искусство/Музыка. Небо. Вода. Птицы. Смерть. Высота. Зрение.
5.	«Небесный»	18, 19, 20	Искусство/Музыка. Небо. Смерть. Светила. Падение.
6.	«Цикл о звуках»	21, 22	Искусство/Музыка. Небо. Светила. Падение.
7.	«Цикл о сне»	23, 24	Небо. Вода. Птицы. Сон.
8.	«Цикл о цепях»	25, 26	Искусство/Музыка. Сон. Заточение ¹ .
9.	«Цикл о сне» № 2	27, 28, 29, 30, 31	Искусство/Музыка. Сон. Небо. Вода. Время.
10.	«Цикл о времени»	32, 33, 34, 35	Искусство/Музыка. Время. Небо. Вода. Высота. Сон.
11.	«Ночной»	36, 37, 38, 39	Искусство/Музыка. Небо. Цветок. Сон. Время.
12.	«Цикл об одиночестве»	40, 41, 42, 43	Искусство/Музыка. Небо. Вода. Заточение.

13.	«Цикл об иных мирах»	44, 45, 46	Искусство/Музыка. Сон. Заточение.
14.	«Цикл о смерти»	47, 48, 49	Искусство/Музыка. Небо. Вода. Птицы. Смерть. Светила. Время. Ад и Рай.
15.	«Каменный»	50, 51, 52, 53, 54	Искусство/Музыка. Небо. Смерть. Время. Ад и Рай. Камень, Медуза Горгона.
16.	«Цикл о падении»	55, 56	Искусство/Музыка. Время. Падение.
17.	«Музыкальный» № 2	57, 58, 59, 60	Искусство/Музыка. Небо. Время.
18.	«Африканский» ²	61, 62	Искусство/Музыка. Небо. Смерть. Сон. Заточение.
19.	«Цикл о звуках» № 2	63, 64, 65, 66	Искусство/Музыка. Небо. Заточение. Ад и Рай. Птицы.
20.	«Небесный» № 2	67, 68	Искусство/Музыка. Небо. Падение.
21.	«Цикл о времени» № 2	69, 70	Небо. Вода. Заточение. Падение.
22.	«Подземный» ³	71, 72, 73, 74, 75, 76, 77	Подземелье. Ад. Фумарол. Небо. Вода. Заточение. Время.
23.	«Цикл о сне» № 3	78, 79	Искусство/Музыка. Смерть. Сон.
24.	«Подземный» № 2	80, 81, 82, 83, 84	Искусство/Музыка. Небо. Вода. Светила. Заточение.
25.	«Цикл об отречении»	85, 86, 87, 88	Искусство/Музыка. Небо. Светила.
26.	«Небесный» № 3	89, 90	Искусство/Музыка. Небо. Время. Ад и Рай.
27.	«Подземный» № 3	91, 92, 93, 94, 95, 96	Искусство/Музыка. Небо. Сон. Заточение. Христианская тема.

28.	«Цикл о сне» № 4	97, 98, 99	Заточение. Время. Христианская тема.
29.	«Цикл об отречении» № 2	100, 101, 102	Искусство/Музыка. Небо. Христианская тема.
30.	«Цикл о болезни»	103, 104	Небо. Смерть. Время.
31.	«Музыкальный» № 3	105, 106, 107, 108	Искусство/Музыка. Небо. Христианские мотивы.
32.	«Книжный»	109, 110, 151	Искусство/Музыка. Христианские мотивы. Высота. Время.
33.	«Заревой» или «Солнечный»	111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 131, 132	Искусство/Музыка. Небо. Птицы. Смерть. Светила. Время. Город.
34.	«Цикл о голосе» ⁴	128, 129, 130	Искусство/Музыка. Небо. Смерть. Светила.
35.	«Цикл сожжения»	133, 134, 135	Небо. Смерть. Светила. Огонь.
36.	«Цикл о тишине»	136, 137, 138	Искусство/Музыка. Небо. Вода. Смерть.
37.	«Цикл об Орфее»	139, 140, 141	Искусство/Музыка. Небо. Светила. Время. Стекло.
38.	«Цикл о смысле жизни»	142, 143, 144, 145, 146	Искусство/Музыка. Жизнь. Падение.
39.	«Цикл о звуках» № 3	147, 148, 149, 150, 154, 155	Искусство/Музыка. Небо. Вода. Смерть. Светила. Жизнь.
40.	«Вселенский»	151, 152, 153	Искусство/Музыка. Небо. Смерть.
41.	«Стекланный»	156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167	Искусство/Музыка. Небо. Вода. Цветок. Стекло.

42.	«Внутренний монолог»	168, 169, 170, 171, 172	Искусство/Музыка. Небо. Светила. Высота. Жизнь.
43.	«Солнечный» № 2	173, 174, 175	Небо. Светила. Христианские мотивы.
44.	«Озерный»	176, 177	Искусство/Музыка. Небо. Вода.
45.	«Цикл о чуде»	178, 179, 180, 181	Искусство/Музыка. Ад и Рай. Смерть. Светила. Зеркало. Христианские мотивы.
46.	«Цикл ухода»	182, 183, 184, 185	Искусство/Музыка. Небо. Светила.

¹ К нему относятся подземные и подводные локусы.

² Действие разворачивается в Египте и в Сахаре.

³ Название обусловлено образами подземелья и ада.

⁴ Стихотворения строятся как диалоги.

На основании представленной таблицы мы можем сделать следующие выводы:

1. Количество циклов в «Автоматических стихах» ограничено.
2. Несмотря на то, что в книге все стихи идут без названия и подряд друг за другом, поэт разделил их на циклы, объединенные пространственно-временной структурой («Африканский», «Озерный»), образом или мотивом («Стеклянный», «Цикл о времени»).
3. Циклы не имеют жестких границ и свободно взаимодействуют друг с другом.
4. В «Автоматических стихах» есть повторяющиеся циклы, дистанцированные друг от друга, что позволяет говорить о круговом, вращающемся развитии сюжета и динамической композиции, как и о взаимосвязи общих тем, повторяемых в циклах в различных вариациях. На это вращение, кружение указывают и частотные образы круга, веретена, колеса, часовых механизмов (циферблаты, куранты). Исходя из предыдущего вывода

можно заключить, что композиция книги близка круговому механизму, состоящему из вращающихся и взаимодействующих между собой шестерней и колес. Необходимо выделить, что некоторые темы переходят из одного цикла в другой, причем с той или иной частотностью, что позволяет говорить о сложном контрапунктическом единстве всей книги.

Единый для всех «крутящихся» циклов образ, скрепляющий их между собой, это герой-творец, который идет по лабиринту, представленному как подземный/подводный мир, ад, единственным спасением из которого является уход вверх. Фигура этого творца представлена по-разному в каждом цикле, но его связь с творчеством остается неизменной во всех циклах.

В первом стихотворении возникает мотив, который будет развиваться и варьироваться в остальных циклах, но в основе он имеет константный смысловой стержень – нисхождение: «Путешественник спускается к центру земли» (Поплавский 2009: 315). Рассмотрим фразу: «Все оставлено / Только вдали память говорит с Богом» (Там же). Герой оставляет былую жизнь. Происходит разделение времени на прошлое и будущее, которое станет странствием в подземелье. Связь с литературой («Путешествие к центру Земли» Жюль Верна) подчеркивает творческое начало героя, которое родственно особому сакральному знанию, ведь во второй миниатюре подчеркивается связь героя-бродяги с музыкой и получением некоего особого мистического знания, которое дарует ему духовную истинную свободу от бытия, на что указывает религиозная символика: «А в тени колокоelni бродяга играет на флейте»; «...Он разгадал / Крестословицу о славе креста / Он свободен» (Там же). Поэт – носитель творческого, сакрального начала, что традиционно для русской классической поэзии.

В дальнейших текстах мотив нахождения на глубине варьируется, возникают локусы древнеегипетской гробницы, морской пучины,

подземелья, пещеры. Таким уходом может стать и исчезновение-смерть в собственной поэзии. В миниатюре № 100 А. Рембо исчезает в своих стихах, погибая для мира, но обретая бессмертие в поэзии: «Рембо молчит и снег летит быстрее / Он нас покинул, Свет, он умирает: / В свои стихи уходит от гостей» (Поплавский 2009: 364). В ряде текстов герой представлен как музыкант, который поет, играет на флейте, рояле и скрипке: «А на дне моря философ играет на скрипке» (Там же: 327); «С горячих рук больного музыканта / Стекала музыка холодная в окно» (Там же: 343); «Гений рояля по-прежнему важно звучал» (Там же: 367).

Подземный/подводный мир можно рассматривать и как маркер бессознательного, куда уходит поэт-путешественник, и как специфическое воплощение орфического мифа, столь важного для поэта. В начале книги возникают разные вариации сюжета об Орфее в Аиде (скрипач на дне, отшельник в подземной тюрьме). В финале появляется мифологема об Орфее-Боге – в триптихе из миниатюр № 139, 140, 141. Данный цикл строится по принципу «тезис – антитезис – синтез». Если первые два стихотворения противопоставлены друг другу, то в последнем происходит как бы разрешение этой оппозиции и основные темы сведены в единое целое. Рассмотрим данный цикл более подробно.

Первое стихотворение – образец микрокосмоса книги. Мир одновременно и вращается, и стоит на месте: «Колесо судьбы кружит на месте» (Поплавский 2009: 380). «Дивный голос снежного Орфея» (Там же) призывает людей, с одной стороны, к соборности и единству: «Братья, братья, будем плакать вместе / Будемте друг друга целовать» (Там же), с другой стороны, к самоубийству: «Братья, поцелуйтесь и умрите» (Там же). В Орфее подчеркнуто дьявольское начало: «Поцелуй и смерть – вся мудрость змия» (Там же). Орфей – поэт смерти и поэт любви. В нем соединены Эрос и Танатос.

Во втором стихотворении Орфей аполлоничен, что противопоставлено первому тексту: «В золотых своих лучах блистая /

Слышен голос снежного Орфея» (Поплавский 2009: 380). Но и этот аполлонизм оказывается смертельным для того, кто придет на его голос. Мир, где разворачивается действие миниатюры, состоит из снега и льда и соткан из солнечных лучей. Это грань между снежной и солярной сферами. Гибель путника, которого призывает Орфей, – залог инициации и преобразования: «Ты забудешь прошедшую жизнь / Ты как лед просветлеешь на солнце / Зимы неземной» (Там же). Орфей выступает как судья, держащий «весы золотые» (Там же), он управляет судьбой, смертью и дарует вечность.

Финальное стихотворение-четверостишие аккумулирует в себе все темы предыдущих миниатюр: «Царь святых привидений и фей / Спит на солнце снежный Орфей / А стеклянное время течет отражаясь / И все молчит» (Поплавский 2009: 381). Орфей – небесный царь, повелитель волшебства и смерти. Мир вокруг него – сфера сна, где время остановилось, подобно реке, закованной льдом. Сказочный Орфей соединяет в себе различные состояния жизни и природы: тепло, свет солнца и холод зимы, он и освещает мир теплом светил, и дарует ему чудо, причем на крайнюю близость волшебству указывает рифма-анжамбеман «фей – Орфей», но он же погружает мир в снежное царство смерти и статичности. Орфей – высшее воплощение музыкального начала в творце, которое для Поплавского является центральной темой. Это обуславливает тот факт, что музыка становится онтологической категорией, примером чего является миниатюра № 125:

Волны дождя покрывают скелеты деревьев
Дальше – болото, там грезит плотина о жизни
В маленькой фабрике труженик спит белоснежный
Только колеса вращаются сами
Все близко, все там – за рекой – далеко бесконечно
Все вечно
Все здесь
Все нигде

Тихий звук

Звук...

(Поплавский 2009: 373)

Это стихотворение можно трактовать как описание сознания засыпающего, уходящего в сон героя, на что указывает постепенное укорочение размера и синтаксиса, постепенное уменьшение количества слов, а также повторение слова *звук* в конце предпоследнего и в начале последнего стихов с многоточием в конце, что знаменует уход в сон, дрему. Истинное бытие существует за пределами мира в метафизической бездне, рождающей звук. Исчезновение в инобытии маркируется фигурой умолчания – графическим символом пропасти. Звук оказывается хаосом, в который падает все мироздание, – эта тема обуславливает особенности синтаксиса и ритмической структуры миниатюры, которая имеет особое развитие. Если картины, описываемые бодрствующим героем, написаны пятисложными и четырехсложными дактилями, то стих «Все близко, все там – за рекой – далеко бесконечно» – пятистопным амфибрахийем со свободными цезурами: U-U / U- / UU- / UU- / UU-U. Важно, что цезуры отрывают ударный амфибрахийский икт от безударного слога во второй и третьей стопах, а также финальный слог, представляющий собой усеченный амфибрахий. Такая ритмически замедленная и усложненная структура стиха связана со смысловым наполнением этой строки. В этом стихе появляется мотив грани между явью и уходом в себя, в сон, что может также обыгрываться усеченной стопой, как бы символизирующей засыпание героя и его затихание «на полуслове». Следующие за этим стихом строки укорачиваются и оканчиваются строчкой из одного слова *звук* с многоточием (фигура умолчания), знаменующим абсолютное исчезновение героя из реальности. Тема созидания и витальности звука находит яркое воплощение в финальной миниатюре:

Кто вы, гордые духи?
Мы с Земли улетевшие звуки
Мы вращаемся в вихре разлуки
И муки
Мы мстим небесам
Нет, отсияйте, забудьте
Поцелуйте усталые руки
Только больше не будьте
Простите
Прости ты сам

(Поплавский 2009: 404)

Герой лишается плоти и трансформируется в поток звуков, бороздящий Космос. Происходит развеществление лирического субъекта, он полностью растворен в музыкальном вихре собственного звучания. Именно эта метаморфоза позволяет ему обрести свободу и покинуть земной мир, а исчезновение в звуках, в материале собственного творчества – духовный идеал для Творца, чей образ в «Автоматических стихах» является центральным и задает сюжет пути-возвышения, во время которого поэт переживает преобразование. Его изменение связано с музыкальным началом, выраженным мотивами пения и игры на музыкальных инструментах, орфической мифологией и восприятием категории звука как онтологической и витальной. Трансформацию героя можно трактовать следующим образом. В начале книги это падающий под землю путник, становящийся должным пройти низший мир, чтобы выбраться к свету; затем это Орфей-Божество, символизирующий творчество как целостное и божественное, скрепляющее противоположные элементы бытия начало; и, наконец, поток звуков, вырывающийся из земного мира в звездные сферы Вселенной. В «Автоматических стихах» музыка становится силой, которая способна созидать мир, а исчезновение в ней, равнозначное растворению в собственном искусстве, – наивысший

бытийный идеал для Творца. В книге выстраивается цельная концепция поэта и музыки-творчества, что формирует ее сюжет, символическую и мотивную структуру. Исходя из этого, позволим себе допустить, что «Автоматические стихи» – это не поэтический эксперимент в сюрреалистическом стиле, а книга, в которой с помощью определенных сюрреалистических приемов (мотив бессознательного, форма стихов) поэтически осмыслена концепция Творца, искусства и созидания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бретон А. 1986.** Манифест сюрреализма. – Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / Сост., предисловие, общая ред. Л. Г. Андреева. М.: Прогресс. С. 40–73.
- Бретон А., Супо Ф. 1994.** Магнитные поля. – Антология французского сюрреализма: 20-е годы / Сост., пер. с французского, комментарии С. А. Исаева и Е. Д. Гальцовой. М.: «ГИТИС». С. 12–60.
- Лапаева Н. Б. 2004.** Борис Поплавский и сюрреализм: Опыт «автоматического» письма. – Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: Национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 284–290.
- Менегальдо Е. 2009.** Комментарии. — Поплавский Б. Собр. соч.: В 3-х тт. Т. 1: Стихотворения / Сост., вступительная ст., комментарии Е. Менегальдо. Подготовка текста А. Н. Богословского, Е. Менегальдо. М.: Книжица; Русский путь; Согласие. С. 465–544.
- Поплавский Б. 1996.** Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма. М.: Христианское издательство.
- Поплавский Б. 2009.** Собр. соч.: В 3-х тт. Т. 1: Стихотворения / Сост., вступительная ст., комментарии Е. Менегальдо. Подготовка текста А. Н. Богословского, Е. Менегальдо. М.: Книжица; Русский путь; Согласие.

- Поплавский Б. 2013.** Небытие: Неизвестные стихотворения 1922–1935 годов / Сост., подготовка текста и комментарии С. Кудрявцева. М.: Гилея.
- Прадивлянная Л. 2019.** Смыслообразующая функция эвфонических элементов в сюрреалистической поэзии. – Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету. Серія: Філологічні науки. Вип. 18. С. 102–110.
- Сыроватко Л. В. 2007.** «Русский сюрреализм» Бориса Поплавского. – Культурный слой. Вып. 7: Гуманитарные исследования. О стихах и стихотворцах. Калининград: Издательство «НЭТ». С. 51–85.
- Токарев Д. 2011.** «Между Индией и Гегелем»: Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М.: Новое литературное обозрение.
- Чагин А. И. 2008.** Пути и лица: О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН.
- Karlinsky S. 1967.** Surrealism in Twentieth-Century Russian Poetry: Churilin, Zabolotskii, Poplavskii. – Slavic Review. Vol. 26. No. 4. P. 605–617.
- Livak L. 2000.** The Poetics of French Surrealism in Boris Poplavskii's Poetry of 1923–1927. – The Slavic and East European Journal. Vol. 44. No. 2. P. 177–194.

«В ЭТОМ ФЛОТСКОМ БОРЩЕ ПЛАВАЮТ
ОБЛОМКИ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ»
(СОВЕТСКАЯ КУХНЯ В ДИЛОГИИ
И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ
СТУЛЬЕВ» И «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»)

Полина Мамышева (Санкт-Петербург)

Национальная кухня является важной частью культуры каждого народа: она многое говорит об особенностях его мышления, психологическом складе нации и уровне ее развития. В произведениях мировой литературы кулинарные наименования могут играть роль своеобразного кода, с помощью которого характеризуются и оцениваются персонажи и события их жизни.

Особый интерес для изучения в этом плане представляет гастрономический дискурс русской советской литературы, поскольку, как отмечал В. В. Похлебкин в «Кухне века», именно в первые годы советской власти сложилось новое кулинарное направление, которое значительно отличалось от русской кухни предшествующей эпохи. В основу нового типа питания был положен не кулинарный, а социальный принцип: советская кухня должна была обслуживать социалистическое общество, помогая людям восстанавливаться после тяжелого труда и сохраняя их здоровье и силы (см.: Похлебкин 2000: 146–147).

Новая пищевая традиция не формировалась стихийно, под влиянием возможностей и потребностей нации, а строилась на теоретической базе и контролировалась государством как механизм, призванный выполнять определенные функции, поэтому кулинарный принцип не учитывался ее создателями. Внимание организаторов и участников общественного питания было привлечено в основном не к гастрономическим вопросам, а к техническим и санитарным проблемам, связанным с контролем качества пищи и чистотой предприятий (см.: Там же).

Кроме того, в СССР считалось, что «хорошая, ресторанный, вкусная пища – это принадлежность лишь праздничного, редкого, а не повседневного стола, а сам праздничный и, следовательно, любой вкусный стол составляет не компонент регулярного, нормального питания, а один из элементов исключительного состояния и развлечения» (Похлебкин 2000: 150), поэтому вкусовые качества новой кухни считались делом второстепенным.

Особенности новой пищевой традиции описаны во многих произведениях советских писателей – в том числе в романах «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», отличительной чертой которых является наличие в них многих деталей быта 1920–1930-х годов.

Важно отметить, что действие романа «Двенадцать стульев» происходит в 1927 году – в период нэпа, когда развивалось частное предпринимательство и появилась похожая на дореволюционную еду и дорогие рестораны. Существовали, таким образом, сразу две кухни – советская и нэпманская. Дорогим ресторанам противостояли кооперативные и государственные столовые, в которых питание было очень дешевым или даже бесплатным.

Главные герои дилогии Ильфа и Петрова – не передовики производства и не члены профсоюзов, поэтому они вынуждены платить за пищу в столовой намного больше. Многие герои «Двенадцати стульев» зарабатывают мало и стараются сократить расходы на

пищу – например, переходят на вегетарианское питание, как Коля и Лиза.

Создавая литературную кулинарию, авторы ориентировались на раблезианскую традицию. Ю. К. Щеглов отмечает в комментарии к «Золотому теленку», что Рабле был любимым писателем Ильфа (см.: Щеглов 2009: 470).

В «Двенадцати стульях» встречается и прямая отсылка к Рабле в связи с кулинарной темой: «Кто же этот розовощекий индивид – обжора, пьянчуга и сластун? Гаргантюа, король дипсодов?» (Ильф, Петров 2001: 156). Ю. К. Щеглов указывал на то, что королем дипсодов был не Гаргантюа, а Пантагрюэль, его сын: «Первый имел сверхъестественную способность к еде, второй – к выпивке, и, вероятно, соавторы намеренно слили их в образ “обжоры и пьянчуги”» (Щеглов 2009: 190).

Тема еды у Ильфа и Петрова возникает не только в романах. Так, в путевом очерке «Одноэтажная Америка» большое внимание уделяется описанию кафетериев и автоматов с едой, распространенных в США.

В системе советской кухни рестораны с чистыми скатертями, живой музыкой и большим выбором блюд были противопоставлены столовым с грязью, бедным ассортиментом и низким качеством пищи. Это противопоставление показано в рассказе Ильфа и Петрова «Халатное отношение к желудку».

В настоящей статье рассматриваются упоминания пищевых продуктов в романах «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», определяются особенности и функции этих упоминаний. Проанализировав все пищевые наименования, которые встречаются в романах, мы разделили их на три категории: названия блюд, отражающие кулинарный репертуар эпохи, кулинарные тропы и кулинарные лозунги.

Прежде чем перейти к анализу кулинарного кода романов, остановимся на одной текстологической проблеме, связанной с их

изданием. Как известно, существует несколько вариантов дилогии Ильфа и Петрова: версия 1961 года (романы вышли в составе пятитомного собрания сочинений, которое неоднократно переиздавалось), реконструкция текстов, выполненная М. П. Одесским и Д. М. Фельдманом (1997 год – «Двенадцать стульев», 2000 год – «Золотой теленок»), и редакция А. И. Ильф (2001 год – «Двенадцать стульев», 2003 год – «Золотой теленок»).

Мы опирались на текст, восстановленный А. И. Ильф. Наш выбор обосновывается тем, что издание 1961 года было в значительной степени подвержено цензурным сокращениям и поэтому не может быть названо последней волей авторов, а версия Одесского и Фельдмана представляет собой совокупность всех возможных редакций романов, реконструированную по рукописям, и также не может считаться эталонным текстом. Редакция же А. И. Ильф представляет собой наиболее выверенный и близкий к задуманному вариант романов.

Перейдем теперь к анализу того, что едят и пьют герои Ильфа и Петрова и какую роль в романах играют гастрономические предпочтения персонажей.

КУЛИНАРНЫЙ РЕПЕРТУАР ЭПОХИ

Дилогию Ильфа и Петрова называют энциклопедией советской жизни 20–30-х годов XX века, поскольку в ней отразились основные культурно-бытовые особенности эпохи – в том числе и специфический кулинарный репертуар. Наименования блюд, которые употребляют герои, выполняют в романах несколько функций.

Одни продукты символизируют ушедшую эпоху. Например, рассказ о молодости Ипполита Матвеевича Воробьянинова сопровождается упоминанием пьяных вишен и шампанского Аи, а в главе «Прошлое регистратора загса» приводится меню одного из городских кафе: «Судачки попьет. Жаркое – цыпленок. Малосольный

огурец. Суфле-глясе Жанна д'Арк. Шампанское Мумм (зеленая лента)» (Ильф, Петров 2001: 40). Подобные элитные продукты были не характерны для советской кухни и ассоциировались с прошлым страны.

Во время поиска стульев в музее мебели Ипполит Матвеевич мечтает о редерере: «Ему хотелось увлекать и под шум оркестров пить редереры с красоткой из дамского оркестра в отдельном кабинете» (Ильф, Петров 2001: 182). Редерер – это шампанское, получившее распространение в России в середине XIX века (см.: Щеглов 2009: 211). Оно подавалось к императорскому столу и было связано с дореволюционной Россией.

Другие блюда характеризуют жизнь начала 1930-х. Продукты, распространенные в этот период, перечисляются, например, в отступлениях, которые присутствуют в обоих романах. Так, в отступлении о пешеходах, с которого начинается «Золотой теленок», говорится о пользе сои, из которой можно «изготовить сто четырнадцать вкусных питательных блюд» (Ильф, Петров 2003: 13). Культ сои был распространен в начале 1930-х и объяснялся продовольственным дефицитом: соей пытались заменить труднодоступные продукты.

В отступлении о пассажирах поезда («Двенадцать стульев») перечисляются блюда, которые советский гражданин берет с собой при отправлении в дорогу: «жареного цыпленка, который для него дорог, крутые яйца, вредные для желудка, и маслины. Когда поезд прорезает стрелку, на полках бряцают многочисленные чайники и подпрыгивают завернутые в газетные кульки цыплята, лишенные ножек, с корнем вырванных пассажирами» (Ильф, Петров 2001: 36).

Кроме того, в обоих романах изображены заведения общепита, которые стали распространяться в СССР после введения новой пищевой политики. В «Двенадцати стульях» Лиза и Коля питаются морковными, гороховыми и картофельными сосисками в

вегетарианской столовой, а в «Золотом теленке» Зося с мужем едят борщ на пищевом комбинате.

Во взаимоотношениях Лизы и Коли можно также увидеть пародийную деформацию мотива победы голода над любовью, который встречается в текстах XIX века: «Мельмот Скиталец» Ч. Р. Метьюрина, «Новый Жоко» и «Последнее самоубийство» В. Ф. Одоевского, «Ученое путешествие на Медвежий остров» О. И. Сенковского и др. В перечисленных произведениях любовные отношения героев оказываются побеждены стремлением к самосохранению: недостаток пищи разрушает даже самую сильную страсть, и в финале один из любленных утоляет голод плотью другого. В «Двенадцати стульях» также возникает мотив испытания любви голодом: Лиза, в отличие от Коли, не хочет обедать в вегетарианской столовой, потому что она любит мясо, «а там котлеты из лапши» (Ильф, Петров 2001: 168). В романе Ильфа и Петрова герои не поедают друг друга, однако их чувства явно не выдерживают испытания голодом: после ссоры Лиза убегает из дома. Поскольку для диалогии характерны пародирование мотивов классической литературы в целом и отсылки к Одоевскому в частности (на них неоднократно указывает Ю. К. Щеглов в комментарии к романам), нам кажется, что такая трактовка эпизода допустима.

Отдельно отметим продукты, которые являются для героев символами изобилия и богатства. В «Двенадцати стульях» Остап говорит Ипполиту Матвеевичу, что, найдя сокровище, они будут «крем Марго кушать» (Ильф, Петров 2001: 119).

Массовое изготовление мороженого началось в СССР в 1932 году – несколько позже, чем были написаны романы Ильфа и Петрова. Однако и во время нэпа мороженое было. Щеглов в комментарии к «Двенадцати стульям» пишет: «В годы нэпа среди других элементов прежнего быта возродился и мороженщик со своим двухколесным зеленым или голубым сундуком» (Щеглов 2009: 269).

Такое мороженое, как крем Марго, украшенное фисташками и виноградом, было доступно только богатым людям и считалось излишеством, поэтому у Остапа оно ассоциируется с достатком и роскошью.

Развивая мысль о проведении в Васюках шахматного турнира, Остап не забывает упомянуть, что потенциальных гостей нужно будет «снабжать» – «овощи, фрукты, икра, шоколадные конфеты» (Ильф, Петров 2001: 343). Перечисленные блюда принадлежали к праздничной кухне и могли употребляться только на торжественных мероприятиях, к которым и относится изображаемый Остапом шахматный турнир.

Названия продуктов также служат маркерами географических регионов, в которых оказываются персонажи.

В обоих романах сюжет связан с постоянными перемещениями героев по стране, и, приезжая в разные уголки Советского Союза, герои в каждой местности употребляют блюда, характерные именно для региона их пребывания.

Так, по дороге в Тифлис Остап и Киса ели чуреки, а на Кавказе запивали «пахучий шашлык сладеньким кипиани», или «зелень и соленый грузинский сыр» (Ильф, Петров 2001: 395): перечисленные продукты были отличительной чертой кавказского региона.

В одесской молочной Шура Балаганов запивает кремовую трубочку сельтерской водой с сиропом – сладости и сиропа ассоциируются исключительно со старой Одессой: они, как указывает Ю. К. Щеглов, «были нежным воспоминанием детства всех старых одесситов» (Щеглов 2009: 558). Остап и Корейко, возвращаясь с открытия Турксиба, пьют кумыс – напиток, традиционный для Средней Азии.

Наконец, пицца может быть способом характеристики героя.

В «Золотом теленке» дается такое описание завтрака Корейко: «Он вынул из ящика заранее очищенную сырую репку и, чинно глядя вперед себя, съел ее. Потом он проглотил холодное яйцо

всмятку. <...> Все геркулесовцы увенчивали свой завтрак чаем. Александр Иванович выпивал стакан белого кипятку вприкуску. Чай возбуждает излишнюю деятельность сердца, а Корейко дорожил своим здоровьем» (Ильф, Петров 2003: 62–63).

Гастрономические предпочтения героя выдают его стремление скрыть свое материальное положение: пища его настолько проста, что никто не может заподозрить у него наличие больших сбережений. Поскольку действие «Золотого тельца» происходит в 1930 году, когда нэп уже заканчивается, Корейко вынужден скрывать свои миллионы.

Кроме того, сама фамилия Александра Ивановича вызывает ассоциацию с названием мясного продукта – корейка.

Возможно, в меню Корейко также нашли отражение труды врача-диетолога профессора М. И. Певзнера, который рекомендовал гражданам питаться нейтральными по вкусу блюдами, не употреблять приправы, пряности и жареную пищу. И. В. Глуценко в книге «Общепит. Микоян и советская кухня» пишет, что под влиянием идей Певзнера «в советской кулинарии понятие “вкусное” заменялось понятием “полезное”» и «восторжествовал формальный подход к оценке пищи – сколько в ней жиров, углеводов, минеральных солей» (Глуценко 2015: 65). По этому принципу составляет свое меню и Корейко.

Несколько отсылок к пище связано с конторой «Геркулес». Учреждение находится в бывшем гостиничном ресторане, а его название напоминает о крупе «геркулес», за счет чего создается комический эффект – на это указывает Щеглов в комментарии к романам (см.: Щеглов 2009: 380).

Служащие «Геркулеса» во время перерывов питаются бутербродами: «Когда Остап и Балаганов подымались по лестнице, раздался тревожный звонок, и сразу же из всех комнат выскочили служащие. Стремительность этого маневра напоминала корабельный аврал. Однако это был не аврал, а перерыв для завтрака. Иные из служащих

поспешили в буфет, чтобы успеть захватить бутерброды с красной икрой. Иные же делали променады в коридорах, закусывая на ходу» (Ильф, Петров 2003: 115); «По коридору разгуливали сотрудники, поедая большие, как лапти, бутерброды. Был перерыв для завтрака» (Ильф, Петров 2003: 283). Отметим, что во второй цитате кулинарное наименование является *объектом* сравнения, а не эталоном, что не характерно для анализируемых текстов.

Ю. К. Щеглов считал, что в главах, посвященных «Геркулесу», гастрономические мотивы являются вторыми по частоте после inferнальных: «Нависающая тень чистки лишь подстегивает аппетит, с которым работники этого учреждения едят, пьют чай, закусывают как в отведенное для этого время, так и помимо него» (Щеглов 2009: 387).

В сатирическом описании завтраков работников проявляется ирония соавторов над уже упомянутой чертой советских учреждений: служащие начинают рабочий день с приема пищи и посторонних дел, а свои обязанности исполняют неохотно, имитируя сильную загруженность.

КУЛИНАРНЫЕ ТРОПЫ

Названия блюд также выполняют в романах функцию тропов, чаще всего – метафор или сравнений. Приведем примеры метафор: «небо было в мелких облачных *клетках*» (Ильф, Петров 2001: 116; здесь и далее курсив наш); «некоторое время мы продержимся впереди автопробега, снимая *пенки, сливки* и тому подобную *сметану* с этого высококультурного начинания» (Ильф, Петров 2003: 66); «черноморский полдень заливал город *кисельным* зноем» (Там же: 99). Сравнения: «как большая *редька*, висел на парашютном кольце человек с чемоданчиком» (Ильф, Петров 2001: 344); «внизу на тарелочке лежал незнакомый город. Он был нарезан аккуратно, как *торт*» (Там же: 85); «вода лилась теплая, как скверный *чай*» (Там же: 399).

Пища также используется в романах для описания внешности некоторых героев. По такому принципу построен, например, портрет Корейко: «На красном сургучном лице сидели желтые *пшеничные* брови и белые глаза. Английские усики цветом тоже походили на созревший *злак*» (Ильф, Петров 2003: 53). Похожим образом создаются портреты других героев: «Лучшим украшением лица Агафона Шахова была *котлетообразная* бородка. Полные щеки цвета *лососинового мяса* были прекрасны» (Ильф, Петров 2001: 158); «лицо Гаврилина было похоже на гладко обструганную *репу*» (Там же: 130); у Ибрагима «волосы были цвета *сбитой ячницы*» (Там же: 291).

Наименования продуктов могут обозначать цвет или форму предметов: «*карамельно-зеленое* вечернее небо» (Ильф, Петров 2001: 199); «к вечеру она [Антилопа-Гну] стала неузнаваемой и блистала всеми оттенками *яичного желтка*» (Ильф, Петров 2003: 97); «*яйцевидный* оранжевый дирижабль» (Ильф, Петров 2001: 344); у саквояжа Остапа «толстенький *колбасный бок*» (Ильф, Петров 2003: 68).

На наш взгляд, подобные сравнения и метафоры выполняют две функции: во-первых, юмористическую, а во-вторых, функцию обновления языка. Ильф и Петров во всех произведениях стремились использовать оригинальные сочетания слов и избегать штампов – вероятно, кулинарные тропы являются еще одним проявлением этой особенности языка их произведений.

КУЛИНАРНЫЕ ЛОЗУНГИ

В СССР придавалось большое значение лозунгам, посвященным разным аспектам жизни: в 1920-е годы были особенно популярны лозунги о государственных внутренних займах, кооперации, борьбе с бюрократизмом и т. п. С их помощью было удобно влиять на сознание народных масс, предписывая им определенные правила поведения.

В дилогии Ильфа и Петрова встречаются следующие лозунги на гастрономическую тему: «Пища – источник здоровья», «Одно яйцо содержит столько же жиров, сколько ½ фунта мяса», «Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу», «Мясо – вредно» (Ильф, Петров 2001: 80); «В бедном окне мастерской штемпелей и печатей наибольшее место занимали эмалированные дощечки с надписями: “Закрыто на обед”, “Обеденный перерыв с 2 до 3 ч. дня”, “Закрыто на обеденный перерыв”» (Ильф, Петров 2003: 24); «Пиво отпускается только членам профсоюза» (Там же: 26).

Ю. К. Щеглов считает, что в приведенных лозунгах проявляется ирония сатириков над неуместностью многих советских плакатов и инструкций, повсеместно распространенных в СССР (см.: Щеглов 2009: 131–132). На наш взгляд, перечисленные лозунги оказываются также обращены к актуальным проблемам 1920–1930-х годов: расхищению казенного имущества, товарному голоду, бюрократизму советских учреждений.

Плакаты, развешанные в столовой 2-го дома Старсобеса, неслучайно предупреждают о вреде мяса: лозунги были придуманы Альхеном, который присваивает казенные деньги. Мясо стоило дорого, поэтому его «во 2-м доме собеса <...> к обеду не подавали» (Ильф, Петров 2001: 81): Александр Яковлевич делал вид, что заботится о старухах и не дает им мяса, потому что оно вредно.

Старушки едят подгоревшую кашу, в то время как Альхену «бог послал <...> на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селедки, украинский борщ с мясом первого сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок» (Ильф, Петров 2001: 83). На столе героя стоят одновременно украинский борщ и еврейский форшмак: пища могла быть интернациональной не только в национальных республиках.

В объявлении «Пиво отпускается только членам профсоюза» (Ильф, Петров 2003: 26) отражена проблема товарного голода 1930-х, когда некоторые продукты могли получить только отдельные

категории граждан. А в табличках «Закрыто на обед», «Обеденный перерыв с 2 до 3 ч. дня», «Закрыто на обеденный перерыв» (Там же: 24) содержится сатира на бюрократизм, которой отведено важное место во втором романе. Приведенные надписи создают образ советских учреждений, служащие которых искусственно придумывали себе занятость и редко появлялись на рабочих местах. Табличку «Перерыв на обед» вешал на дверь своей конторы и Остап Бендер, чтобы не отвлекаться от работы над делом Корейко.

В заключение приведем один из эпизодов «Золотого тельца»: во время автопробега, когда антилоповцы остановились на ночлег, «Паниковский, пригнувшись, убежал в поле и вернулся, держа в руке теплый кривой огурец. Остап быстро вырвал его из рук Паниковского, говоря: “Не делайте из еды культа”» (Ильф, Петров 2003: 67). Продолжая мысль великого комбинатора, добавим: возводить еду в *культ* действительно не стоит – лучше использовать ее в роли *культурного* кода в языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Глуценко И. В. 2015.** Общепит: Микоян и советская кухня. 2-е изд. М.: Издательский Дом Высшей школы экономики.
- Ильф И. А., Петров Е. П. 2001.** Двенадцать стульев: Авторская редакция. М.: Текст.
- Ильф И. А., Петров Е. П. 2003.** Золотой теленок: Авторская редакция. М.: Текст.
- Похлебкин В. В. 2000.** Кухня века. М.: Полифакт.
- Щеглов Ю. К. 2009.** Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.

МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИЕЙ
И СОЦИАЛЬНЫМ АНАЛИЗОМ:
О ПРАГМАТИКЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ
«МОЕГО ВРЕМЕННОКА»
БОРИСА ЭЙХЕНБАУМА

Степан Попов (Санкт-Петербург)

Описывая на страницах «Моего современника» (1929) свою биографию, Борис Эйхенбаум – как будто бы стремясь выдержать интонацию и модальность рассказа, свойственную скорее объективному внешнему наблюдателю, нежели непосредственно автору автобиографического повествования, – фиксирует те события из собственного прошлого, которые обычно перечисляются в утилитарно-биографическом или даже справочном нарративе. Автор описывает историю семьи («Такраб». Отрывки из родословной»), свое детство («Побег») и студенческий период («Волшебная анатомия»), этапы учебы («Путешествие по Европе») и непрерывную эволюцию своих профессиональных, исследовательских и литературных интересов («Романтические неудачи», «Стихи и стихия»).

Весьма примечательно, что при описании этих фактов и событий Эйхенбаум подчеркивает, что почти каждое из них его каким-либо образом травмировало¹. Так, воронежская детская история

¹ Стоит отметить, что некоторые исследователи склонны схожим образом реконструировать биографическую траекторию Эйхенбаума, и в частности – интер-

омрачается антисемитским настроением жителей родного города: «Фамилии окрашивают язык города в особый местный цвет, создают нечто вроде диалекта. Язык города Воронежа звучит фамилиями, среди которых моя кажется странной <...>. <...> У нас не только фамилия, но и жизнь странная <...>. <...> Мы живем не по-воронежски, и фамилия у нас не воронежская, и детство мое не воронежское» (Эйхенбаум 1929: 19). В революционно настроенной студенческой среде Санкт-Петербурга Эйхенбаума не принимают из-за провинциального происхождения: «Я стал робким. На митингах, вместо того чтобы быть судьей, я чувствовал себя подсудимым. Меня судили за то, что я не думаю о государстве, за то, что я близорук, что я – человек маленьких, провинциальных масштабов. <...> На меня нападала тоска. Петербург – не город, а государство. Здесь нельзя жить <...>. <...> А я хочу просто жить» (Эйхенбаум 1929: 23). Чужим, посторонним он остается также и для мира академической музыки: «У меня в комнате – огромный концертный рояль. <...> Мне принесли его расстроенным и мрачным, с отвинченными ногами. <...> По своей природе он создан для обширного светлого зала, для концертной эстрады <...>. <...> Куда он попал? Что это за бледный юноша?» (Эйхенбаум 1929: 29).

Заканчивается же автобиографический текст тем не менее в оптимистичной модальности – революцией – вступлением в ОПОЯЗ и занятием более успешной и продуктивной позиции (в противовес уже ставшему привычным для Эйхенбаума маргинальному положению). Нарратив эйхенбаумовских автобиографических записей, таким образом, складывается как серия рассказов-новелл о

претирова очевидную сложность его жизненного пути через имплицитную драму вынужденного «преодоления» своей еврейской идентичности (см.: Апу 1994: 111–112). Богато иллюстрированные различными свидетельствами (в том числе из переписки Эйхенбаума с родными), такие построения, впрочем, дают анахроническую картину: драма «натурализации», по всей видимости, была актуальна скорее для более старшего поколения, например поколения родителей Эйхенбаума, нежели для его собственного.

неудачных попытках автора найти для себя некоторое место в жизни – или, стоит повторно использовать это удачное определение, некоторую подходящую под тип его происхождения, социального и интеллектуального бэкграунда позицию.

За автобиографическим блоком «Моего современника» следует теоретический, посвященный, в свою очередь, концепции литературного быта Эйхенбаума – и состоящий, к слову, из уже опубликованных им ранее статей на эту тему («Литературный быт», «Литература и писатель», «Литературная домашность»)².

*

Здесь, однако, стоит вернуться немного назад и сделать краткий экскурс в историю критической рецепции теории литературного быта.

Лидия Гинзбург, ученица Эйхенбаума (и Юрия Тынянова) по ГИИИ, в частности, так характеризовала причины, по которым Эйхенбаум обратился к подобного рода исследованиям: «<...> стоявшие на очереди исторические, эволюционные задачи не поддаются решению имманентным методом. Так начался кризис школы. <...> Для Эйхенбаума первоначальным выходом из переставшей удовлетворять имманентности был выход в теорию *литературного быта*, он начинает ее разрабатывать с середины 20-х годов» (Гинзбург 2002: 441; курсив автора). Последовательно обнаруживая в эйхенбаумовских концепциях и теоретических интуициях конца 1920-х годов³ спорадические попытки ответить на

² Это, в свою очередь, дополнительно маркирует особую мотивированность помещения теоретических работ сразу за рассказом о биографическом опыте их автора – и, следовательно, через такое специфическое выстраивание композиции повествования имплицитно задает определенный способ чтения «Моего современника» в целом (о чем более подробно далее).

³ Вообще же сюжет о конфликте 1920-х годов между «старшими» формалистами (Тыняновым, Эйхенбаумом, Шкловским) и «младоформалистами» (Гинзбург, Бухштабом и др.) – продолжением которого и является представленная выше критика Гинзбург – неплохо описан в исследовательской литературе. См. в первую очередь следующие работы: Устинов 2001: 296–321; Депретто 2015. По всей видимости,

собственный методологический кризис, Гинзбург также указывает на неверность его исследовательской стратегии как таковой. По мысли Гинзбург, чем дальше Эйхенбаум отходил от принципов описательной поэтики текста и чем основательнее принимался за работу в рамках «литературной социологии», тем больше он переставал быть «настоящим» (или нормализованным) ученым, то есть развивающим определенный объективистский аналитический взгляд и подход (см.: Гинзбург 2002: 444–445).

Более поздние исследователи, хотя и настроенные менее решительно, чем Гинзбург, также писали о некоторой непоследовательности эйхенбаумовской мысли или, точнее, об излишней радикальности произошедшей в его случае смены аналитических симпатий и предпочтений. Оге Ханзен-Леве, к примеру, в проекте литературного быта обнаруживал интерес не столько к литературному дискурсу вообще, сколько к проблеме его имманентной социальной и институциональной детерминированности: «“Литературный быт” с этой точки зрения <...> понимается <...> как среда, в которой литература благодаря “институционализации” отношений между автором и читателем становится “социальным феноменом”: в той мере, в какой изменяются социальные параметры этих “резонирующих пространств”, меняются и стилистические и конструктивные интенции автора <...>» (Ханзен-Леве 2001: 394).

Сергей Зенкин даже усматривал здесь попытку Эйхенбаума (и в меньшей степени – других формалистов) описать фигуру Иного литературы и, кроме того, настаивал на политической и идеологической мотивированности последней: «Постулируя такое идеологически заряженное понятие как особый предмет изучения,

схожим образом с младоформалистской была устроена и рецепция формалистской теории у позднесоветских гуманитарных исследователей (Мариэтта Чудакова, Евгений Тоддес и др.), интересовавшихся прежде всего ранними, «техническими» работами формалистов, а не их более поздними, «социологическими» концептами. О возможных причинах этого см.: Миллс Тодд III 2011: 578–579.

теоретики формализма соотносили свою работу с проблематикой официальной идеологии. Эта работа нацеливалась на поиски эффективного Иного по отношению к литературному творчеству <...>. Русский формализм, как и вообще культура авангарда, развивался в контакте с идеологией коммунистического государства и разделял некоторые ее ценности <...>» (Зенкин 2012: 308).

Продуктивнее тем не менее было бы попробовать поместить концепцию литературного быта в более общий контекст развития формалистской теории в 1920-е годы, нежели продолжать рассматривать ее как некоторое автономное или «случайное» явление. Шаг этот тем более важен, что и сам Эйхенбаум предпочитал рассуждать о формализме прежде всего как о гибридной и принципиально «пластичной» модели производства знания о литературе, где каждое новое открытие не отменяет старое, а трансгрессивно его преодолевает⁴, включает в общий, совокупный аналитический и эпистемологический горизонт:

<...> основной пафос нашей историко-литературной работы должен был быть пафосом разрушения и отрицания, каким был и первоначальный пафос наших теоретических выступлений, уже позже принявший более спокойный характер разработки отдельных проблем. Вот почему первые наши историко-литературные высказывания явились в форме почти произвольных тезисов, выставяемых в связи с каким-нибудь конкретным материалом. Частный вопрос неожиданно

⁴ Ср. с тем, как описывает и концептуализирует трансгрессию Жорж Батай, автор наиболее подробного и философски фундированного описания последней: «<...> трансгрессия <...> снимает запрет, не уничтожая его» (Батай 2006: 512; курсив автора). Тем более очевидным именно диалектический характер трансгрессии становится после прямой ссылки Батая на Гегеля: «Нет нужды подчеркивать здесь гегелевский характер данного рассуждения, где имеется в виду момент диалектики, выражаемый непереводаемым немецким глаголом *aufheben* (преодолевать сохраняя)» (Там же).

вырастал в общую проблему – теория сливалась с историей (Эйхенбаум 1987: 403).

Впрочем, уже с начала 1920-х формалистская теория открывает для себя способ описания литературного производства в связи с различными внеэстетическими или собственно, внелитературными факторами – или по крайней мере движется в этом направлении, экспериментирует с ним. Так, просматривая библиографию Виктора Шкловского за 1920-е годы (см.: Sheldon 1977), можно обнаружить весьма любопытную закономерность: помимо работ о теории прозы, рецензий, мемуарных заметок и статей о кино, в указанный период Шкловский также создает неожиданно много текстов о книгоиздании, книготорговле, книгоиздательском и журнальном мире («Издание текста классиков», 1919; «Книги в России», 1922; «Журнал как литературная форма», 1924). В своей более поздней заметке «В защиту социологического метода» (1927) Шкловский даже напишет: «Формалисты (ОПОЯЗ) в то же время не хотят сопротивляться научному факту. Если факты разрушают теорию, то тем лучше для теории. <...> Изменение эстетического материала – социальный факт <...>» (Шкловский 2018: 471).

Тогда же Тынянов обращается к аналитике актуальных медиа и новых медиаформ (кинематограф, журнальные медиа, публичная ораторская речь и т. д.). На примере, в частности, современной иллюстрированной книги («Иллюстрация», 1923)⁵ он также

⁵ Как указывают Чудакова и Тоддес, «пафос статьи – в стремлении определить собственный язык каждого искусства, подчеркивая различия и отвлекаясь от сходства <...>. Он связан с общей “спецификаторской” методологией Опояз» (Чудакова, Тоддес 1977: 545–546). Содержательно верная, эта интерпретация, однако, не учитывает того, что Тынянова в данном случае интересует «абстрактный» теоретический вопрос исключительно в связи с тем, каким образом устроена его собственная культурная повседневность. Вообще же этот диалог – между теорией и актуальным культурным опытом, – по всей видимости, во многом и создает содержание тыняновского понимания литературы и литературной истории в 1920-е в целом (см.: Ямпольский 2003: 22–89).

показывает, какое воздействие прагматическая, то есть сугубо функциональная, рамка медиа может оказывать на формирование конечной интерпретации сообщения: «А ведь нам с детства навязываются рисованные “типы Гоголя” – и сколько они затемнили и исказили в типах Гоголя. Собственно, половина русских читателей знает не Гоголя, а Боклевского или в лучшем случае Агина» (Тынянов 1977: 312). Курс на расширение исследовательского поля в то же время поддерживает и Эйхенбаум, начиная читать дневники и прозу молодого Толстого. В «Молодом Толстом» (1922) он изучает круг чтения писателя, социальные обстоятельства его творчества, литературные полемики 1840–1860-х так, как если бы эстетические факторы и внеэстетический контекст были одинаково важны для прояснения закономерностей письма Толстого (см.: Эйхенбаум 1922). Литература, иными словами, оказывается для Эйхенбаума не только и не столько дискурсивным объектом, сколько некоей культурной и социальной практикой, которую можно и необходимо исследовать так же, как и любую другую практику, то есть в сумме ее политических, экономических, социальных и иных черт и особенностей.

Ближе к концу 1920-х в статье «Литературный быт» (1927) Эйхенбаум – чей теоретический проект, очевидно, так и остался наиболее чувствительным к социальному измерению литературы и литературного творчества – в конечном итоге радикализирует и это теоретическое положение: «<...> вопросы технологии явно уступили место другим, в центре которых стоит проблема самой литературной профессии, самого “дела литературы”. Вопрос о том, “как писать”, сменился или по крайней мере осложнился другим – “как быть писателем”. Иначе говоря, проблема литературы как таковой заслонилась проблемой писателя» (Эйхенбаум 1929: 51; курсив автора).

Примечательно, что литератор в данном случае обнаруживает себя включенным в сложную систему отношений, в которой при-

существует много агентов: от других литераторов или различных типов издательской политики до непосредственных читателей и тех инфраструктурных и индустриальных условий, в которых производятся, распространяются и читаются литературные тексты; с этими агентами необходимо каким-либо образом взаимодействовать – и в связи с их ответными действиями выстраивать свои литературные, социальные, в том числе экзистенциальные и биографические стратегии («Отношения между фактами литературного ряда и фактами, лежащими вне его, не могут быть просто причинными, а могут быть только отношениями соответствия, взаимодействия, зависимости или обусловленности». – Эйхенбаум 1929: 55).

Рефлексирующая о литературе уже как о многоагентном социальном пространстве – а не только как о специфическом, исторически и социально обусловленном типе письма, – теория литературного быта Эйхенбаума, таким образом, оказывается концептуально схожа с концепцией «поля литературы» Пьера Бурдьё. Отличие состоит, однако, в том, что Бурдьё фиксирует агентов, описывает способы их действия, однако при этом указывает, что то поле, где разворачивается их активность, не может быть подвержено какой-либо сознательной манипуляции, какому-либо сознательному изменению. Согласно Бурдьё, поведение автора фактически тотально детерминировано на уровне социально-политических отношений: «Произведение и группу разделяет целый социальный мир, который переопределяет смысл запросов и требований и закрепляет за габитусами производителей сферы их приложения, устанавливая пространство возможностей, в которых и посредством которых реализуются и приводятся в действие габитусы» (Бурдьё 2005: 388). Эйхенбаум же, напротив, наделяет участников литературного поля активной агентностью при выстраивании своей стратегии (что для него остается принципиально важным).

В следующем за «теоретическим» блоке об истории литературы («Критика. Дело литературы») Эйхенбаум дает образец использования концепции литературного быта непосредственно при анализе историко-литературного материала.

Рассуждая о творчестве Тургенева («Артистизм Тургенева»), Эйхенбаум, помимо прочего, стремится описать позицию писателя в литературном поле середины XIX века, сравнить ее с другими позициями, а также пытается рассуждать о том, как позиция автора связана с эксплуатируемым им типом письма:

Вот важное для Тургенева слово: артист. Оно для него полно смысла, в нем – целая программа жизни, в нем же – и самый стиль его быта, его поведения. <...> Вся литературная деятельность и самая жизнь Тургенева были построены на уверенности в существовании особой профессии или особого качества – “артистизма”, и именно в том особом смысле этого слова, который так характерен для эпохи <18>30–<18>40- годов <...> (Эйхенбаум 1929: 97).

Вспоминая о Горьком, Эйхенбаум показывает, как в литературном поле изобретаются новые позиции и в связи с какими обстоятельствами и условиями: «Успех Максима Горького вначале имел не столько литературный, сколько социальный характер. <...> Важно было, что он видел, знал и умел делать то, чего русский писатель не видел, не знал и не умел делать» (Эйхенбаум 1929: 116–117). Более того, он также рассказывает, как этими позициями впоследствии управляют занимающие их агенты – и как в целом могут выглядеть стратегии по сохранению последних: «И вот – Горький уже не бунтарь, пришедший, чтобы оскорбить “русскую интеллигенцию” и ее литературу. Его тревожит проблема своего писательского самосохранения. Он сам становится “интеллигентом”, разделяя его общественные идеалы и его судьбы в борьбе за них» (Эйхенбаум 1929: 119).

Переходя в последнем блоке «Моего современника» («Смесь») к описанию структуры актуального литературного поля, Эйхенбаум не только производит его достаточно исчерпывающую картографию, но и в том числе рассказывает о наиболее продуктивных для 1920-х литературных позициях, и в первую очередь – беря за образец авторскую позицию Шкловского («О Викторе Шкловском»): «Шкловский совсем не похож на традиционного русского писателя-интеллигента. Он профессионален до мозга костей <...>. <...> Он – писатель в настоящем смысле этого слова: что бы он ни написал, всякий узнает, что это написал Шкловский» (Эйхенбаум 1929: 130–131).

*

Важно тем не менее, что Эйхенбаум применяет теорию литературного быта не только в границах историко-литературных исследований или в рамках критики современной литературы. По всей видимости, через ее оптику он пытается анализировать и интерпретировать собственный биографический опыт.

Эйхенбаум исследует генезис собственной позиции и ее отличительные функциональные особенности (провинциализм, социальная и культурная изолированность, а в связи с этим и высокая степень мобильности: «От прошлого осталось одно пенсне. Я – не воронежский мальчик, но и петербургским студентом, имеющим научное мировоззрение, я не хочу и не могу быть. Я вступаю в дикую область ветра и гармонии». – Эйхенбаум 1929: 26). Он прослеживает и описывает различные закономерности, свойственные траектории его позиции («Закон наследственности, о котором почему-то не думали мои родители <...>, привел меня в здание 12 коллегий – на историко-филологический факультет Петербургского университета». – Эйхенбаум 1929: 35), а также обнаруживает способы управления собственным положением: «Человек молод до тех пор, пока он живет чувством исторической стихии и на нем строит свою жизнь. <...> Я не спешил и ждал случайностей» (Эйхенбаум 1929: 39).

Наконец, Эйхенбаум рассказывает и о способах изменить позицию. Для этого оказывается достаточно обретения коллектива (ОПОЯЗ) и интенсификации социальной динамики, свойственной любому крупному историческому событию или потрясению (революция).

Личная травма, соответственно, начинает восприниматься Эйхенбаумом не как часть биографии или индивидуальной идентичности, переживаемой пассивно и без какой-либо активной рефлексии (на чем часто настаивают исследователи; см.: Левченко 2012: 193–198), а как специфический исторический опыт, как некоторый материал для социального анализа, из которого, в свою очередь, можно научиться правилам эффективного социального поведения⁶. Автобиографическое письмо, таким образом, оказывается здесь концептуализацией некоторой социальной структуры, а теоретические экспликации (неслучайно расположенные сразу за ним) выполняют функцию своего рода метакомментария к социальному опыту отдельного субъекта – собственно автора «Моего временника».

*

Стоит, однако, также сделать попытку осмыслить, как «Мой временник» и теоретический опыт Эйхенбаума, связанный с кон-

⁶ Ср. с тем, как эту же литературную операцию описывает Шкловский в автобиографической книге «Сентиментальное путешествие» (1923): «Я рассказываю о событиях и приготавливаю из себя для потомства препарат» (Шкловский 2019: 35). Любопытно, что, выстраивая повествование автобиографических записей «Моего временника», Эйхенбаум фактически так же, как и Шкловский, некоторым образом «редуцирует» нарративную перспективу текста, преодолевает и разрушает конвенции традиционного романного повествования. Так, в рассказе о собственном биографическом опыте – и для актуализации именно «социального» аспекта последнего – Эйхенбаум, задавая своему повествованию модальность традиционного романа воспитания, впоследствии элиминирует эту нарративную схему и в том числе характерный для нее сюжет о последовательном преодолении различных иницилирующих испытаний и обретении какой-либо специфической идентичности. Впрочем, это была достаточно характерная для метапрозы 1920–1930-х годов тенденция. Об этом также см.: Липовецкий 2009: 749–782; Калинин 2009: 39–57; Калинин 2013: 18–34; Павлов 2014.

цепцией литературного быта, вписываются в его общий интеллектуальный и исследовательский проект 1920-х. В этой перспективе примечательно, что для Эйхенбаума важной задачей является анализ маргинализации как формы социального управления – и маргинальности же как способа экзистенциального существования («Не так ли возникают многие научные проблемы? Не развивается ли наука на основе забвения?» – Эйхенбаум 1929: 16).

Любопытно, что в этом Эйхенбаум оказывается созвучен не столько Бурдьё, сколько Мишелю Фуко и его «археологическому» проекту, направленному на поиск и реактуализацию преимущественно маргинальных и прежде депривированных форм знания: «<...> существует вертикальная система зависимостей: не все позиции субъекта, не все типы сосуществования между высказываниями, не все дискурсивные стратегии являются одинаково возможными, но лишь те, которые разрешены предшествующими уровнями» (Фуко 2004: 151). Несколько предвосхищая открытия Фуко, теоретическая мысль Эйхенбаума так же стремится выявить механизмы подавления различных форм творчества (от сказа [см.: Эйхенбаум 1919: 151–165] до специфической журнальной поэзии [см.: Эйхенбаум 1924]) – и некоторым образом «воскресить» их, вернуть в поле актуального чтения, рецепции и культурного опыта в целом (см.: Эйхенбаум 1929: 16).

ЛИТЕРАТУРА

- Батай Ж. 2006.** «Проклятая часть»: Сакральная социология / Пер. с фр. Сост. С. Н. Зенкин. М.: Ладомир.
- Бурдьё П. 2005.** Поле литературы. – Бурдьё П. Социальное пространство: Поля и практики / Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. С. 365–472.
- Гинзбург Л. Я. 2002.** Проблема поведения (Б. М. Эйхенбаум). – Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: «Искусство-СПБ». С. 441–445.

- Депретто К. 2015.** Формализм в России: Предшественники, история, контекст / Пер. с фр. В. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение.
- Зенкин С. Н. 2012.** Открытие «быта» русскими формалистами. – Зенкин С. Н. Работы о теории: Статьи. М.: Новое литературное обозрение. С. 305–324.
- Калинин И. А. 2009.** Прием остранения как опыт возвышенного (от поэтики памяти к поэтике литературы). – Новое литературное обозрение. № 1 (95). С. 39–57.
- Калинин И. А. 2013.** Историчность травматического опыта: Рутин, революция, репрезентация. – Новое литературное обозрение. № 6 (124). С. 18–34.
- Левченко Я. С. 2012.** Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Липовецкий М. Н. 2009.** «И пустое место для остальных»: Травма и поэтика метапрозы в «Египетской марке» О. Мандельштама. – Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение. С. 749–782.
- Миллс Тодд III У. 2011.** Открытия и прорывы советской теории литературы в послесталинскую эпоху. – История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение. С. 571–607.
- Павлов Е. 2014.** Шок памяти: Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение.
- Тынянов Ю. Н. 1977.** Иллюстрации. – Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука. С. 310–318.
- Устинов Д. 2001.** Формализм и младоформалисты. Статья первая: Постановка проблемы. – Новое литературное обозрение. № 4 (50). С. 296–321.

- Фуко М. 2004.** Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. Вступительная ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга.
- Ханзен-Леве О. А. 2001.** Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М.: Языки русской культуры.
- Чудакова М., Тоддес Е. 1977.** Комментарии. – Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука. С. 397–572.
- Шкловский В. Б. 2018.** В защиту социологического метода. – Шкловский В. Б. Собр. соч. Т. 1: Революция. М.: Новое литературное обозрение. С. 469–476.
- Шкловский В. Б. 2019.** Сентиментальное путешествие. – Шкловский В. Б. Собр. соч. Т. 2: Биография. М.: Новое литературное обозрение. С. 19–263.
- Эйхенбаум Б. М. 1919.** Как сделана «Шинель» Гоголя. – Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. Вып. 1–2. Пг.: 18-я Государственная типография. С. 151–165.
- Эйхенбаум Б. М. 1922.** Молодой Толстой. Пг.; Берлин: Издательство З. И. Гржебина.
- Эйхенбаум Б. М. 1924.** Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л.: Государственное издательство.
- Эйхенбаум Б. М. 1929.** Мой современник: Словесность, наука, критика, смесь. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде.
- Эйхенбаум Б. М. 1987.** Теория «формального метода». – Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель. С. 375–408.
- Ямпольский М. Б. 2003.** История культуры как история духа и естественная история. – Новое литературное обозрение. № 1 (59). С. 22–89.
- Any С. 1994.** Boris Eikhenbaum: Voices of a Russian Formalist. Stanford: Stanford University Press.
- Sheldon R. 1997.** Viktor Shklovsky: An International Bibliography of Works by and about Him. Ann Arbor: Ardis.

ОБ ОДНОМ ЧИНОВНИКЕ, ЛИЧНО ЗНАВШЕМ А. С. ПУШКИНА, И ПОТОМКАХ ЕГО В ЭСТОНИИ

Анна Симагина (Таллин)

Занимаясь в рамках магистерской диссертации (см.: Симагина 2023) поиском информации о судьбе своего прапрадеда Владимира Леонидовича Губина (1883–1944), одного из руководителей Комитета русских эмигрантов в Эстонии, мы обнаружили документы, свидетельствующие о том, что Михаил Иванович Губин, чиновник Коллегии иностранных дел, который был знаком с А. С. Пушкиным и неоднократно встречался с ним по делам службы (о чем более подробно далее), приходится Владимиру Леонидовичу родным дедом.

Мы проследили историю рода Губиных начиная с 1779 года, когда появился на свет Иван Маркович Губин (прадед Владимира Леонидовича Губина): в формулярном списке Ивана Марковича, составленном в 1823 г., указано, что ему 44 года (см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 456А. Л. 178).

Иван Губин служил в Адмиралтейств-коллегии с 17 лет и уволился в 1803 г. после 7 лет службы, когда ему было 24 года. Затем он поступил на службу в 1-й департамент Правительствующего сената (см.: РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 47. Л. 60–60 об.).

В архивном деле «Родословная книга дворян Санкт-Петербургской губернии» находится документ «Родословная и доказательство о дворянстве рода Губина», где сказано, что в 1823 г. Иван Маркович

Губин получил дворянство по чину (см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 456А. Л. 178 об.). К тому времени у него было трое сыновей (см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5223. Л. 2–3), все они получили потомственное дворянство «по чину отца их на основании дворянской грамоты» (Там же. Л. 7).

В деле Департамента герольдии Правительствующего сената «О дворянстве коллежского асессора Губина» находится копия свидетельства о рождении старшего сына: «1823-го года Июня 27-го дня дано сие свидетельство в том, что по метрическим книгам Морского Богоявленско-Николаевского собора значится, что у Титулярного Советника Ивана Маркова сына Губина и супруги его Марии Яковлевой дочери родился от законного брака сын Михаил 1800-го года Октября 16-го, а крещен сего же месяца 26-го числа» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5223. Л. 3).

Упомянутая в деле Департамента герольдии метрическая книга сохранилась до наших дней, она находится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Судя по метрической записи, «адмиралтейского канцеляриста Ивана Губина сын Михаил» родился 22 октября (а не 16-го, как указано в деле о дворянстве) 1800 г., крещен 26 октября 1800 г. в Никольском Богоявленском морском соборе. Восприемниками стали «оной Коллегии секретарь Иван Скоробогатов и комиссара Тимофея Тимофеева жена Агрипина Александровна» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 127. Л. 78).

После 27 лет государственной службы (7 лет в Адмиралтейств-коллегии и 20 лет в 1-м департаменте Правительствующего сената) Иван Маркович вышел в отставку в чине коллежского асессора. На момент отставки ему было 44 года (см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 456А. Л. 178).

В формулярном списке Ивана Марковича Губина, составленном 7 июня 1823 г., указаны возраст, место службы и чин старшего сына: «Михаил 22-х <лет> в Иностранной Коллегии титулярным

советником» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 456А. Л. 178; ср.: Дворянская родословная книга 2014: 120).

*

Итак, Михаил Иванович Губин, старший сын Ивана Марковича, родившийся 22 октября 1800 г., служил в Коллегии иностранных дел. Информацию о нем можно найти в справочнике «Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1826», в разделе «Коллегия иностранных дел»:

«По Публичной экспедиции:

Отделение казенных текущих и счетных дел:

<...>

Бухгалтер, Тит<улярный> Сов<етник> Михайло Иванов.
Губин» (Месяцеслов 1826: 311).

В «Месяцеслове» за 1827 (с. 341), 1828 (с. 358), 1829 (с. 362) и 1830 (с. 284) годы указано: «Бухгалтер, 8 кл. Михайло Иванов. Губин». В справочнике за 1829 и 1830 годы, кроме того, говорится, что М. И. Губин – кавалер ордена Св. Анны 3-й степени. В «Месяцеслове» за 1831 (с. 282) и 1832 (с. 292) годы он уже чиновник 7-го класса, кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 3-й степени.

Согласно «Месяцеслову» за 1833 год, должность М. И. Губина – казначей Министерства иностранных дел¹ (см.: Месяцеслов 1833: 370). В справочнике за 1834 год сказано, что Михаил Иванович Губин – казначей Министерства иностранных дел, кавалер орденов Св. Станислава 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 3-й степени, а также имеет знак отличия беспорочной службы за XV лет (см.: Месяцеслов 1834: 399).

¹ Указом императора от 10 апреля 1832 г. Коллегия иностранных дел была упразднена, вошла в состав Министерства иностранных дел.

Отметим, что в «Месяцеслове» за 1832 год указано «состояние чинов по 2-е Декабря 1831 г.» (Месяцеслов 1832: 288), поэтому новый этап карьеры М. И. Губина отражен в справочнике за 1833 год, хотя Михаил Иванович был назначен на должность казначея² в период со 2 декабря 1831 г. по 9 января 1832 г. – мы можем это утверждать, так как 9-м января 1832 г. датировано «Извещение Департамента хозяйственных и счетных дел казначею М<инистерства> И<ностранных> Д<ел> М. И. Губину о внесенных А. С. Пушкиным деньгах» (см.: Документы к биографии 2010: 189–190; ср.: Летопись 1999: 434). Речь идет об уплате Пушкиным пошлины в размере 72 руб. 26 коп. за пожалованный ему чин титулярного советника.

*

В письме П. А. Плетневу от 22 июля 1831 г. Пушкин писал: «Кстати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу – но не в канцелярскую, или придворную, или военную – нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли?» (Пушкин 1950–1951, 10: 369).

Обсуждение того, каким образом оформить на службу Пушкина, не имевшего штатной должности в Министерстве иностранных дел, и какое жалование ему выплачивать, вели министр иностранных дел К. В. Нессельроде, министр финансов Е. Ф. Канкрин, начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А. Х. Бенкендорф (см.: Документы архивов МИД 1900: 29–30).

Прошел почти год, прежде чем было принято окончательное решение – 6 июля 1832 г. граф Нессельроде писал графу Канкрину: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил от-

² До М. И. Губина обязанности казначея исполнял надворный советник Василий Федорович Орлов, он же заведовал внутренней по Министерству Хозяйственной частью (см., напр.: Месяцеслов 1826: 311; 1828: 358; 1831: 282).

пускать из Государственного Казначейства в М<инистерство> И<ностранных> Дел на известное Его Величеству употребление по 5000 р. ассигнациями ежегодно, назначив отпуск сей суммы с 14 Ноября прошлого 1831 года. Во исполнение сей Монаршей воли покорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать выдать под росписку <sic!> казначея Министерства Иностранных Дел 7 класса Губина причитающиеся из означенной суммы с 14 Ноября 1831 по 1 Мая сего года деньги, всего 2319 руб. 44 ¼ коп., впредь же отпускать из оной по третям, сколько доводиться будет <...>» (Документы к биографии 2010: 231; ср.: Документы архивов МИД 1900: 30; Летопись 1999: 485).

Затем по поводу июльской выплаты Пушкину было оформлено еще 7 документов, в том числе письмо министра финансов графа Канкрин вице-канцлеру графу Нессельроде от 14 июля 1832 г.: «Согласно с отношением Вашего Сиятельства от 6 сего Июля, предписано Главному Казначейству <...> 2319 руб. 44 ¼ коп. отпустить ныне же под росписку Казначея Министерства Иностранных дел, 7 класса Губина» (Документы к биографии 2010: 233), а также «Предписание начальника Департамента хозяйственных и счетных дел казначею М<инистерства> И<ностранных> Д<ел> о принятии из Главного казначейства в приход сумм на жалованье А. С. Пушкину» от 18 июля 1832 г. и «Рапорт казначея М<инистерства> И<ностранных> Д<ел> М. И. Губина в Департамент хозяйственных и счетных дел о жалованье А. С. Пушкину» от 21 июля 1832 г. (см.: Там же: 234–236).

Наконец, 26 июля было составлено «Предписание управляющего Департаментом хозяйственных и счетных дел В. А. Поленова казначею М<инистерства> И<ностранных> Д<ел> М. И. Губину о выдаче А. С. Пушкину жалованья»: «Принятые вами из Главного Казначейства <...> 5000 руб. ассигнациями <...> предписывается вашему высокоблагородию <...> выдать известному Министерству

чиновнику³ под особую росписку при начальнике 1-го Отделения Д<епартамента> Х<озяйственных> и С<четных> дел <...>» (Там же: 238).

В тот же день начальник 1-го отделения Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел Василий Федорович Орлов направил Пушкину повестку, приглашавшую его «пожаловать в сие Отделение 27-го сего Июля в 11 часов утра» (Там же: 239; ср.: Летопись 1999: 490⁴; Документы архивов МИД: 31).

27 июля М. И. Губин передал Пушкину 2319 руб. 44 $\frac{1}{4}$ коп. и дал ему на подпись заранее составленную расписку; поэт подписал внизу: «Титулярный Советник Александр Пушкин» (см.: Документы к биографии 2010: 239; ср.: Документы архивов МИД 1900: 31).

В 1832 году⁵ А. С. Пушкин по крайней мере трижды встречался с М. И. Губиным: 27 июля, 9 сентября и 27 декабря. Документально подтверждено, что в эти дни Михаил Иванович выдавал А. С. Пушкину жалование под расписку (см.: Документы архивов МИД 1900: 31–33).

По поводу каждой выплаты Пушкину в Министерстве иностранных дел оформлялось множество документов: в сентябре 1832 г. – восемь, в том числе «Предписание управляющего Департаментом хозяйственных и счетных дел В. А. Поленова казначею М<инистерства> И<ностранных> Д<ел> М. И. Губину» от 3 сентября о получении денег из Главного Казначейства, рапорт М. И. Губина в Департамент хозяйственных и счетных дел от 6 сентября 1832 г. о том, что он принял из Главного Казначейства 1666 руб. 66 $\frac{1}{2}$ коп. «на известное Его Величеству употребление» (то есть для выплаты Пушкину), собственноручная расписка А. С. Пушкина от 9 сентября

³ В примечании к документу сказано, что речь идет о Пушкине (см.: Документы к биографии 2010: 238).

⁴ Там же на с. 476 ошибочно указана дата 26 мая 1832 г.

⁵ В 1832 г. М. И. Губину шел 32-й год; А. С. Пушкину 26 мая 1832 г. исполнилось 33 года. Оба они начали службу в Иностранной коллегии в 1817 г.

1832 г. о получении денег (см.: Документы к биографии 2010: 240–244; Документы архивов МИД 1900: 31–32); в декабре 1832 г. – девять документов, в том числе «Рапорт казначея М<инистерства> И<ностранных> Д<ел> М. И. Губина в Департамент хозяйственных и счетных дел» от 14 декабря и расписка А. С. Пушкина от 27 декабря о получении денег (см.: Документы к биографии 2010: 267–269, 274, 278–280; Летопись 1999: 525; Документы архивов МИД 1900: 32–33).

7 августа 1835 г. Василий Федорович Орлов в ответ на запрос из Министерства финансов написал «Донесение Департамента хозяйственных и счетных дел М<инистерства> И<ностранных> Д<ел> в Министерство финансов о жалованье А. С. Пушкина»: «<...> Г. Титулярному Советнику в звании Камер-Юнкера Пушкину по Министерству Иностранных дел никакого жалованья не производится, выдается же ему по Высочайшему повелению на известное Его И<мператорскому> В<еличеству> употребление по пяти тысяч рублей ассигнациями в год» (Документы к биографии 2010: 579; ср.: Документы архивов МИД 1900: 47).

Из этого донесения следует, что Пушкин получал деньги в Министерстве иностранных дел по крайней мере до августа 1835 г., хотя нет ни одного опубликованного документа, который подтверждал бы выплаты Пушкину после 27 декабря 1832 г. Если более поздние финансовые документы просто не сохранились, то получается, что Михаил Иванович Губин встречался с А. С. Пушкиным не три раза, а по крайней мере десять (выплаты Пушкину должны были производиться три раза в год).

26 февраля 1834 г. А. С. Пушкин написал А. Х. Бенкендорфу письмо с просьбой о ссуде в размере 20 000 рублей на два года для издания «Истории Пугачева» (см.: Документы к биографии 2010: 376). Николай I приказал выполнить просьбу Пушкина, деньги были получены, но выплатить долг поэту не удалось, и 26 июля 1835 г. он попросил о второй ссуде – в размере 30 000 рублей (на этот

раз – в счет жалования), которая также была получена (см.: Там же: 574; см. об этом также: Белых 2019: 182–184). «Высочайший указ о предоставлении А. С. Пушкину в ссуду тридцати тысяч рублей» был подписан 16 августа 1835 г. (см.: Документы к биографии 2010: 583). То есть начиная с августа 1835 г. жалование Пушкину не выдавалось, а шло на погашение долга.

*

М. И. Губин служил казначеем Министерства иностранных дел более 20 лет, последний раз он упоминается в адрес-календаре на 1853 год (см.: Адрес-календарь 1853: 134).

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга удалось найти метрические записи, свидетельствующие о том, что Михаил Иванович Губин женился не позднее 1827 года⁶ и в браке с Серафимой Егоровной Губиной появились на свет 8 детей, четверо из них умерли в младенчестве.

К началу 1832 года у Михаила Ивановича и Серафимы Егоровны было трое детей: 4-летняя дочь Мария, сыновья Виктор⁷ 3-х лет и Александр 1 года.

Александр Губин родился 5 августа 1830 г., его крестили 17 августа в соборе святого апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове. В метрической книге записано: «У служащего в Коллегии Государственных Иностранных дел чиновника 8-го класса и кавалера Михаила Ивановича Губина и жены его Серафимы Егоровны от законного супружества сын Александр» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 239. Л. 218). Восприемником стал «служащий в

⁶ 16 марта 1827 г. в законном браке родилась его дочь Мария (см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 224. Л. 6).

⁷ 8 ноября 1828 г. у служащего «в Коллегии Иностранных дел чиновника 8-го класса и кавалера Михаила Ивановича Губина <родился> сын Виктор» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 229. Л. 19).

Коллегии Государственной Иностранных дел Статский Советник и кавалер Михаил Алексеевич Паренаго⁸) (Там же).

7 марта 1832 г. на 53 году жизни скончался Иван Маркович Губин, отец Михаила Ивановича (см.: Петербургский некрополь 1912: 699).

А в мае 1832 года «20-го числа⁹ у служащего при Министерстве Иностранных дел чиновника 7-го класса Михаила Ивановича Губина и законной жены его Серафимы Егоровны родилась дочь Елена¹⁰» (ЦГИА СПб. Ф. 1954. Оп. 1. Д. 11. Л. 17). Ее крестили 26 мая в церкви Святого благоверного великого князя Александра Невского при Министерстве иностранных дел¹¹, восприемником девочки стал «служащий при Министерстве Иностранных дел г-н Статский Советник и кавалер Михаил Алексеевич Паренаго» (Там же).

После смерти Серафимы Егоровны Михаил Иванович, 38-летний вдовец с четырьмя детьми (старшей дочери было 11 лет, младшей 5, сыновьям 10 и 8 лет), 11 ноября 1838 г. женился на 19-летней Матрене Константиновне Никоновой. В метрической книге церкви Святого благоверного великого князя Александра Невского при Министерстве иностранных дел записано:

Жених: служащий при Министерстве Иностранных дел чиновник 7-го класса Михаил Иванович Губин вторым браком, православный.

⁸ Михаил Алексеевич Паренаго (1780–1832) – издатель и переводчик, составитель словарей, автор ряда научных трудов, начальник отделения Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел (см.: Брокгауз и Ефрон 1897: 791).

⁹ Почти одновременно, 19 мая 1832 г., появилась на свет старшая дочь А. С. Пушкина Мария (в замужестве Гартунг; 1832–1919).

¹⁰ «Служащего при Министерстве Иностранных дел г-на Казначая Надворного Советника Михаила Ивановича Губина дочь Елена» умерла 18 ноября 1832 г. в возрасте 5 месяцев (ЦГИА СПб. Ф. 1954. Оп. 1. Д. 11. Л. 96). Она похоронена на Смоленском кладбище.

¹¹ Эта церковь находится в здании Главного штаба на Дворцовой площади, с 1990-х годов относится к Эрмитажу.

Невеста: девица Матрена Константиновна, дочь умершего титулярного советника Константина Никонова, православного исповедания.

Поручители: по женихе – чиновники Министерства Иностранных дел: 9-го класса Николай Дмитриевич Шахов¹² и 10-го класса Петр Воронов¹³; по невесте – чиновники того же Министерства: 5-го класса Василий Андреевич Яковлев¹⁴ и коллежский асессор Василий Николаевич Алферьев¹⁵ (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 296. Л. 640; ср.: ЦГИА СПб. Ф. 1954. Оп. 1. Д. 1. Л. 10).

С 1839 по 1852 г. у Михаила Ивановича и Матрены Константиновны родились 9 детей; судя по метрикам, найденным в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, всего от двух браков у М. И. Губина было 17 детей, по крайней мере пять из них умерли в младенчестве.

В церкви при Министерстве иностранных дел детей М. И. Губина крестил Ксенофонт Иоаннович Делекторский. Это тот самый священник, который приводил А. С. Пушкина к присяге 27 января 1832 г. (см.: Документы к биографии 2010: 195); «при приводе к присяге был экзекутор Министерства Иностранных дел Титулярный Советник Привалов» (Там же).

Судя по справочнику К. М. Нистрема «Книга адресов Санкт-Петербурга» на 1837 год, Михаил Иванович Губин, чиновник 7-го

¹² В 1838 г. – старший столоначальник внутренней по Министерству Хозяйственной части (см.: Месяцеслов 1838: 430).

¹³ Петра Воронова среди чиновников Министерства нет. Вероятно, имеется в виду Петр Васильевич Варенов – помощник библиотекаря и протоколист (см.: Месяцеслов 1838: 430).

¹⁴ В 1838 г. – обер-контролер во 2-м отделении Министерства иностранных дел (см.: Месяцеслов 1838: 430).

¹⁵ Окончил Морской корпус. В 1837 г. вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта. Действительный статский советник с 1862 г., титулярный советник с 1885 г. (см.: Волков 2016: 25). В 1838 г. В. Н. Алферьев служил бухгалтером в Министерстве иностранных дел (см.: Месяцеслов 1838: 430).

класса, жил по адресу Большая Морская, 21 / набережная Мойки, 56, во 2-м квартале 1-й части (см.: Книга адресов 1837: 571). Современный адрес этого дома – Большая Морская, 20¹⁶.

С декабря 1832 по май 1833 г. А. С. Пушкин жил совсем рядом, в доме Жадимировского по адресу Большая Морская, 26 (см.: Яцевич 1935: 246, 249).

В справочнике «Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей» за 1844 год сказано, что Михаил Иванович Губин, казначей Министерства иностранных дел, проживает на Большой Морской улице в доме Министерства иностранных дел (см.: Адрес-календарь 1844: 267); тот же адрес – у Андрея Семеновича Привалова, экзекутора и смотрителя зданий (см.: Там же: 269–270).

Последнее упоминание о Михаиле Ивановиче находим в С.-Петербургском путеводителе за 1854 год: «Губин, Мих. Ив., чин. 7 кл. (супр<уга> Мат<рена> Кон<стантиновна>). Б. Морск. ул., д. Мин. Иностр. дел» (Путеводитель 1854: 88); в том же доме жила семья Приваловых (см.: Там же: 79).

Отметим, что в книге «А. С. Пушкин: Документы к биографии (1830–1837)», вышедшей в 2010 г. в издательстве «Пушкинский Дом», Михаил Иванович Губин упоминается 45 раз.

*

Часто упоминаются также чиновники Министерства иностранных дел начальник 1-го отделения Департамента хозяйственных и счетных дел Василий Федорович Орлов¹⁷, директор Департамента

¹⁶ Это в самом центре Петербурга, недалеко от Дворцовой площади, где располагалось место службы Михаила Ивановича – Министерство иностранных дел. Оно занимало восточную часть здания Главного штаба, в которой ныне находится коллекция Эрмитажа.

¹⁷ В «Адрес-календаре Санкт-Петербургских жителей»: «Орлов, Василий Федор<ович>. Чиновн<ик> особ<ых> поруч<ений> 5-го кл., Управл<яющий> Внутрен<ней> по Министерству Хозяйств<енной> частью и Инспект<ор> зданий, в доме Министерства Иностр<анных> дел, в Главном Штабе» (Адрес-календарь 1844: 264). Кавалер

хозяйственных и счетных дел Василий Алексеевич Поленов¹⁸, эзекутор Андрей Семенович Привалов. Как оказалось, их связывала не только служба, но и родственные отношения.

При изучении архивных материалов выяснилось, например, что В. Ф. Орлов был женат на дочери В. А. Поленова: в метрической записи Никольского Богоявленского морского собора сказано, что 8 января 1828 г. в брак вступили «служащий в Государственной коллегии Иностранных дел Надворный Советник и кавалер Василий Федорович Орлов с дочерью Действительного Статского Советника и кавалера Василия Алексеевича Поленова Варварою» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 226. Л. 23).

А жена А. С. Привалова оказалась родной сестрой Матрены Константиновны Губиной (урожденной Никоновой). Согласно метрической книге церкви Александра Невского при Министерстве иностранных дел, 13 ноября 1832 г. в брак вступили «служащий в ведомстве Министерства Иностранных дел эзекутор Титулярный Советник Андрей Семенов сын Привалов, холостой<, > с девицею<, > умершего служившего в Губернском правлении Титулярного Советника Константина Матфеева Никонова дочерью Александрой Константиновной» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 249. Л. 568).

орденов Св. Владимира 3-й степени и Св. Анны 2-й степени с императорской короной; был награжден серебряной медалью «В память отечественной войны 1812 г.» и знаком отличия беспорочной службы за XXV лет (см.: Месяцеслов 1836: 399). Действительный статский советник с 1842 г. (см.: Волков 2016: 484; Черейский 1988: 311).

¹⁸ Василий Алексеевич Поленов (1776–1851) – тайный советник, управляющий Департаментом хозяйственных и счетных дел и Департаментом внутренних сношений Министерства иностранных дел, управляющий Главным архивом, автор филологических и исторических работ, с 1828 г. академик Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности; вместе с Пушкиным участвовал в заседаниях Российской Академии (см.: Месяцеслов 1833: 370–371; Черейский 1988: 338–339). Внук В. А. Поленова – художник, профессор Императорской Академии художеств Василий Дмитриевич Поленов (1844–1927).

27 января 1834 г. А. С. Привалов по поручению В. Ф. Орлова написал и отправил Пушкину извещение о пожаловании последнему звания камер-юнкера. На обороте этого письма рукой Пушкина написано: «Читал Александр Пушкин» (см.: Документы к биографии 2010: 369; ср.: Документы архивов МИДа 1900: 38).

28 августа 1835 г. был составлен «Рапорт эзекутора Департамента хозяйственных и счетных дел А. С. Привалова о 7 руб., доставленных А. С. Пушкиным за бумагу»:

«Семь рублей, доставленные Г. Титулярным Советником в звании Камер-Юнкера Александром Пушкиным за употребленную на производство дела вместо гербовой простую бумагу, по случаю увольнения его в отпуск, при сем <...> честь имею представить.

Эзекутор Министерства Иностранных дел Привалов.

Семь рублей принял для хранения 28 Августа Казначей Губин (Документы к биографии 2010: 592).

29 января 1837 г. А. С. Привалов подал «Рапорт эзекутора М<инистерства> И<ностранных> Д<ел> Департаменту хозяйственных и счетных дел о смерти Пушкина»; этот рапорт находится в деле Министерства иностранных дел «О смерти состоявшего в ведомстве Министерства иностранных дел титулярного советника в звании камер-юнкера Александра Пушкина <...> и о прекращении выдачи по 5000 в год» (см.: Документы к биографии 2010: 787–788; см. об этом также: Черейский 1988: 346).

Андрей Семенович Привалов скончался 17 сентября 1866 г. в возрасте 65 лет¹⁹ от воспаления легких, похоронен на Смоленском кладбище (см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 950. Л. 118).

А. С. Привалов был крестным отцом дочери М. И. Губина Веры, его жена Александра Константиновна Привалова была крестной матерью Варвары и Любви Губиных.

¹⁹ Следовательно, он родился в 1800 или 1801 г.

Ни в одном известном нам источнике не указаны даты жизни В. Ф. Орлова. Удалось установить, что Василий Федорович умер 10 апреля 1854 г. в возрасте 62 лет «от горячки», похоронен на Смоленском кладбище (см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 122. Д. 81. Л. 983). Следовательно, он родился в 1791 или 1792 г.

Именно В. Ф. Орлов занимался оформлением нескольких отпусков А. С. Пушкина, выписывал ему подорожные (например, в апреле 1836 г. – см. письмо Орлова петербургскому генерал-губернатору П. К. Эссену о выдаче подорожной А. С. Пушкину, «отправляемому по делам службы из С.-Петербурга в Москву»: Документы к биографии 2010: 673); его подпись стоит под послужным списком Пушкина, составленным в 1834 г. (см.: Там же: 358–359).

Василий Федорович Орлов был крестным отцом шести детей М. И. Губина: Надежды, Михаила, Владимира, Варвары, Павла и Леонида.

*

Леонид Михайлович Губин родился 21 апреля 1842 г., его крестили в Андреевском соборе на Васильевском острове 13 июня того же года:

Родители: служащий в Министерстве Иностранных дел чиновник 7-го класса и кавалер Михаил Иванович Губин и законная его жена Матрона Константиновна<, > от 2-го его, а ее 1-го брака, оба православного исповедания.

Восприемники: служащий в Министерстве Иностранных дел Статский Советник и кавалер Василий Федорович Орлов и вдова титулярная советница Мария Ивановна Никонова²⁰ (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 654. Л. 468).

Согласно послужному списку Л. М. Губина, составленному 10 мая 1897 г., он родился в 1842 г., из потомственных дворян, на-

²⁰ Бабушка Леонида Губина; мать Матрены Константиновны Губиной и Александры Константиновны Приваловой.

дворный советник, с 1862 г. служил в Департаменте герольдии Правительствующего сената, затем 17 октября 1876 г. Высочайшим приказом по военному ведомству о чинах гражданских за № 45 переведен в Окружное интендантское управление Петербургского военного округа (в то время его старший брат генерал-майор Виктор Михайлович Губин²¹ был помощником руководителя, а с 1879 г. – руководителем Окружного интендантского управления; см.: Список генералам 1876: 753; 1879: 608), женат, отец шести детей, в том числе Владимира, родившегося 25 ноября 1883 г. (см.: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 586. Л. 13–16).

Владимира Леонидовича Губина крестили 20 июля 1884 г. в церкви Святого апостола Матфея на Петербургской стороне, в метрической книге указана дата рождения – 25 ноября 1883 г. (см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 875. Л. 236). Родители: «Надворный Советник Леонид Михайлович Губин и законная его жена Надежда Филипповна, от первого их брака, оба православного исповедания» (Там же). Восприемником Владимира стал его дядя генерал-лейтенант Виктор Михайлович Губин (см.: Там же).

Таким образом, с помощью найденных в архиве метрических записей мы установили, что Владимир Леонидович Губин – внук Михаила Ивановича Губина, казначея Министерства иностранных дел.

*

Владимир Губин окончил Введенскую гимназию (см.: ЦГИА СПб. Ф. 303. Оп. 2. Д. 1071. Л. 3), учился в Санкт-Петербургском университете (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39801. Л. 16–21). В 1910 г.

²¹ Старший сын Михаила Ивановича Губина, родился 8 ноября 1828 г. Генерал-майор с 17 апреля 1870 г., генерал-лейтенант с 30 августа 1880 г., кавалер орденов Св. Станислава 2-й степени с мечами и императорской короной, Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени. Умер 16 октября 1886 г. (см.: Список генералам 1885: 278; Высшие чины Российской империи 2019: 615).

окончил Горный институт в Леобене (Австрия) (см.: ERA. Ф. 14. Оп. 12. Ед. хр. 4520. Л. 8), в 1913 г. окончил Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого (см.: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 586. Л. 1–3, 39). Несколько лет работал инженером на Путиловском заводе, стал начальником цеха (см.: ERAF. Ф. 130SM. Оп. 1. Ед. хр. 3770. Л. 33–33 об.).

В 1919 г. Владимир Леонидович Губин был вынужден эмигрировать в Эстонию. С 1920 по 1924 г. он работал инженером на Русско-Балтийском заводе в Коппеле²², затем с 1 июля 1924 г. по приглашению Льва Александровича Зиновьева руководил принадлежавшим Зиновьеву Чугунолитейным и машиностроительным заводом в Нарве (см.: Там же. Л. 18).

У В. Л. Губина было шестеро детей: Всеволод, Кира и Тамара родились в Санкт-Петербурге; Марина, Марк и Святослав – в Эстонии (см.: ERA. Ф. 14. Оп. 12. Ед. хр. 4520. Л. 4).

Владимир Леонидович много работал, занимался воспитанием детей, а кроме того, активно участвовал в деятельности Комитета русских эмигрантов в Эстонии. Эта организация была создана 1 апреля 1920 г. и за короткое время проделала огромную работу: эмигрантам, многие из которых находились в катастрофическом положении, Комитет помогал продуктами, одеждой, деньгами; им бесплатно оказывалась медицинская помощь, оформлялись документы; было создано несколько школ, в том числе гимназия на 410 учеников в Нарве, детский приют (см.: Отчет Комитета русских эмигрантов 1923: 6, 18–34).

12 июля 1921 г. в таллинской газете «Последние известия» была опубликована заметка В. Новицкого «Открытие памятника погребенным на коппельском кладбище воинам Северо-Западной армии». В ней рассказывается о том, как русские эмигранты привели в порядок кладбище и братские могилы северо-западников, и о том, как был

²² Ныне район Таллина Копли.

торжественно открыт памятник погибшим²³. Заметка заканчивается словами: «<...> хочется выразить глубокую благодарность всем потрудившимся над приведением в порядок братских могил, а также способствовавшим личным трудом и денежными пожертвованиями делу увековечения памяти погребенных в них офицеров и солдат бывшей Северо-Западной армии. Особенно много трудов было положено на это святое дело членом коппельского подотдела комитета эмигрантов В. Л. Губиным <...>» (Последние известия. 1921. № 168. 12 июля. С. 4).

16 июля в той же газете было напечатано письмо в редакцию:

Господин Редактор!

Покорнейше просим не отказать в любезности при посредстве Вашего уважаемого органа передать от имени комитета русских эмигрантов в Коппеле глубочайшую благодарность всем тем, среди кого идея инициаторов о приведении в порядок братского кладбища в Коппеле, места упокоения северо-западников, встретила доброе сочувствие, кто своим личным трудом, посильною лептою или иным путем содействовал делу увековечения памяти наших погибших братьев <...>.

С выражением Вам нашего уважения и признательности

Председатель комитета инженер В. Губин

Секретарь Ник. Сниткин (Последние известия. 1921. № 172.

16 июля. С. 4).

*

13 сентября 1940 г. Владимир Леонидович Губин был арестован сотрудниками НКВД (см.: ERAF. Ф. 130SM. Оп. 1. Ед. хр. 3770. Л. 5). Его обвиняли в том, что он «являлся активным членом белогвардейской контрреволюционной организации “Комитет эмигрантов”»

²³ В 1936 г. на этом кладбище была построена часовня по проекту архитектора А. И. Владовского; в 1951 г. ее снесли, кладбище ликвидировали. В 2022 г. часовня была воссоздана.

(Там же. Л. 44), «оказывал всяческую помощь белогвардейцам» (Там же. Л. 33 об.). Несмотря на объяснения Владимира Леонидовича, что Комитет эмигрантов был благотворительной организацией, не вел никакой политической деятельности, а сам он занимался в Комитете «распределением продуктов среди нуждающегося русского населения в Коппеле» (Там же. Л. 33 об.-34), 16 декабря 1941 г. Особое Совещание при НКВД СССР постановило: «Губина Владимира Леонидовича как социально-опасный элемент заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет, считая срок с 12-го сентября 1940 года» (Там же. Л. 49).

Владимир Леонидович был отправлен в Унженский исправительно-трудовой лагерь (Унжлаг), находившийся в Горьковской области (см.: ERAF. Ф. 130SM. Оп. 2. Ед. хр. 2-7. Без паг.).

24 марта 1944 г. его освободили из лагеря по Директиве НКВД № 467 как инвалида первой группы (см.: Там же). Владимир Леонидович Губин скончался 26 ноября 1944 г. в Алтайском крае, похоронен около станции Большая Речка (см.: ERAF. Ф. 130SM. Оп. 1. Ед. хр. 3770. Л. 50).

1 ноября 1957 г. В. Л. Губин был реабилитирован посмертно за отсутствием состава преступления (см.: Там же. Л. 56).

Такова судьба одного из внуков казначея Министерства иностранных дел М. И. Губина.

ЛИТЕРАТУРА

Адрес-календарь 1844. Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям К. Нистремом. Т. 1. СПб.: В типографии III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии.

Адрес-календарь 1853. Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1853. Ч. 1. СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук.

- Белых А. А. 2019.** Мог ли Пушкин вернуть долги? – Экономическая политика. Т. 14. № 3. С. 176–191.
- Брокгауз и Ефрон 1897.** Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86-ти тт. Т. XXII-А: Оуэн – Патент о поединках. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона.
- Волков С. В. 2016.** Высшее чиновничество Российской империи: Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Высшие чины Российской империи 2019.** Биографический словарь: Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917): В 3-х тт. Т. I: А–Г / Сост. Е. Л. Потемкин. М.: [Б. и.].
- Дворянская родословная книга 2014.** Санкт-Петербургская дворянская родословная книга. Литера Г / Сост. И. А. Анисимова (отв. ред.), И. Б. Караулова, М. Ю. Катин-Ярцев (ред.), А. В. Лебединская, Н. В. Новикова, И. Г. Рыклис, Г. Ф. Соловьева, С. А. Стратонникова, А. А. Шумков. М.: Старая Басманная.
- Документы архивов МИД 1900.** Пушкин: Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его: 1831–1837 гг. / Издал и снабдил примечаниями Н. А. Гастфрейнд. СПб.: Типография А. Бенке.
- Документы к биографии 2010.** А. С. Пушкин: Документы к биографии (1830–1837) / Сост. С. В. Березкина, В. П. Старк. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом».
- Книга адресов 1837.** Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год, изданная <...> К. Нистремом. СПб.: В типографии III Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярии.
- Летопись 1999.** Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4-х тт. Т. III: 1829–1832 / Сост. Н. А. Тархова. М.: Слово.
- Месяцеслов [1826–1829].** Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова [1826–1829]. Ч. 1. СПб.: При Императорской Академии Наук.

- Месяцеслов [1830–1834, 1836, 1838].** Месяцеслов и общий штат Российской империи на [1830–1834, 1836, 1838]. Ч. 1. СПб.: При Императорской Академии Наук.
- Новицкий В.** Открытие памятника погребенным на копельском кладбище воинам Северо-Западной армии. – Последние известия. 1921. № 168. 12 июля. С. 4.
- Отчет Комитета русских эмигрантов 1923.** Отчет Комитета русских эмигрантов в Эстонии за три года его деятельности (с 1 апреля 1920 г. по 1 апреля 1923 г.). Нарва: Типография наследников А. Г. Григорьева.
- Петербургский некрополь 1912.** Петербургский некрополь: В 4-х тт. Т. 1 (А–Г) / [Сост. В. И. Саитов]. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Письмо в редакцию.** – Последние известия. 1921. № 172. 16 июля. С. 4.
- Путеводитель 1854.** Путеводитель: 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчины и прочия: 1854. Ч. 1 / [Сост. В. М. Матвеев]. СПб.: В Типографии Карла Вингебера.
- Пушкин А. С. 1950–1951.** Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- РГИА (Российский государственный исторический архив).** Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5223 (Дело Департамента герольдии Правительствующего сената «О дворянстве коллежского асессора Губина», 1823).
- РГИА.** Ф. 1343. Оп. 51. Д. 456А (Родословная книга дворян Санкт-Петербургской губернии, 1821–1827).
- РГИА.** Ф. 1400. Оп. 2. Д. 47 (Дело, содержащее прошение бывшего канцеляриста Адмиралтейств-коллегии И. М. Губина о зачислении на службу в 1-й департамент Правительствующего сената, 1803).
- Симагина А. 2023.** К проблеме работы с недостоверными источниками (на материале книги Всеволода Губина «Времена не выбирают...»): Магистерская работа. Таллин: Таллинский университет.
- Список генералам 1876.** Список генералам по старшинству. Исправлено по 1 декабря. СПб.: В Военной Типографии.

- Список генералам 1879.** Список генералам по старшинству. Исправлено по 1 сентября. СПб.: В Военной Типографии.
- Список генералам 1885.** Список генералам по старшинству. Исправлено по 1 января. СПб.: В Военной Типографии.
- ЦГИА СПб** (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 14. Оп. 3. Д. 39801 (Личное дело студента Императорского Санкт-Петербургского университета Владимира Леонидовича Губина, 1902).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 111. Д. 127 (Метрические книги церковью С.-Петербурга, в том числе Никольского Богоявленского морского собора, 1800).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 111. Д. 224 (Метрические книги церковью С.-Петербурга, в том числе собора Св. апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове, 1827).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 111. Д. 226 (Метрические книги церковью С.-Петербурга, в том числе Никольского Богоявленского морского собора, 1828).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 111. Д. 229 (Метрические книги церковью С.-Петербурга, в том числе собора Св. апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове, 1828).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 111. Д. 239 (Метрические книги церковью С.-Петербурга, в том числе собора Св. апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове, 1830).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 111. Д. 249 (Метрические книги церковью С.-Петербурга, в том числе церкви Св. благоверного великого князя Александра Невского при Министерстве иностранных дел, 1832).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 111. Д. 296 (Метрические книги церковью С.-Петербурга, в том числе церкви Св. благоверного великого князя Александра Невского при Министерстве иностранных дел, 1838).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 122. Д. 81 (Метрические книги церковью С.-Петербурга, в том числе Сергиевского всей артиллерии собора, 1854).

- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 124. Д. 654 (Метрические книги соборов С.-Петербурга, в том числе Андреевского на Васильевском острове, 1842).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 124. Д. 950 (Метрические книги церковей С.-Петербурга, в том числе церкви Св. благоверного великого князя Александра Невского при Министерстве иностранных дел, 1866).
- ЦГИА СПб.** Ф. 19. Оп. 126. Д. 875 (Метрические книги церкви Св. апостола Матфея на Петербургской стороне, 1883–1884).
- ЦГИА СПб.** Ф. 1954. Оп. 1. Д. 1 (Метрическая книга церкви Св. благоверного великого князя Александра Невского, 1838).
- ЦГИА СПб.** Ф. 1954. Оп. 1. Д. 11 (Метрические книги церкви Св. благоверного великого князя Александра Невского, 1829–1846).
- ЦГИА СПб.** Ф. 303. Оп. 2. Д. 1071 (Личное дело Владимира Губина – ученика Петроградской мужской гимназии императора Петра Великого, 1894–1902).
- ЦГИА СПб.** Ф. 478. Оп. 1. Д. 586 (Личное дело Владимира Леонидовича Губина – студента Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого, 1910–1913).
- Черейский Л. А. 1988.** Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
- Яцевич А. Г. 1935.** Пушкинский Петербург. Л.: Пушкинское Общество.
- ERA** (Eesti Rahvusarhiiv = Государственный архив Эстонии). Ф. 14. Оп. 12. Ед. хр. 4520 (Дело о получении Владимиром Леонидовичем Губиным эстонского гражданства, 1928–1930).
- ERAF** (Eesti Rahvusarhiivi Filiaal = Филиал Государственного архива Эстонии). Ф. 130SM. Оп. 1. Ед. хр. 3770 (Следственное дело НКВД по обвинению Владимира Леонидовича Губина, 1940–1941).
- ERAF.** Ф. 130SM. Оп. 2. Ед. хр. 2-7 (Оперативно-справочная картотека осужденных по политическим мотивам, 1920–1990).

«АРМЯНСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Валерия Шуленина (Москва)

Актуализация русско-армянской межкультурной коммуникации приходится на 1915 год, когда в Петрограде и Москве одновременно проходила подготовка к изданию «Сборника армянской литературы» в издательстве «Парус» (опубл. в мае 1916) и антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (опубл. в августе 1916) под руководством М. Горького и В. Брюсова. Последняя включила в себя произведения национальной литературы – от текстов древних гусанов (народных певцов) до стихов современных поэтов (И. Иоаннисяна, О. Туманяна, А. Исаакяна и др.). Импульс к началу работы исходил от Московского Армянского комитета, членами которого являлись писатели и поэты С. Мамиконян, В. Терьян, общественные деятели А. Цатурян, П. Макинцян, К. Микаэлян. Они объединились с московским Обществом свободной эстетики (В. Брюсов, А. Белый, С. Соловьев, К. Бальмонт, В. Иванов, В. Ходасевич, Д. Бурлюк, А. Скрябин, Ф. Шаляпин, семейство Гнесиных), чтобы оказать моральную поддержку армянскому народу, пострадавшему от геноцида. Тогда же в столице издавался и еженедельный общественно-политический журнал «Армянский вестник» (1916 – весна 1918). Осенью 1915 г. В. Брюсов при поддержке

Комитета совершил поездку по предгорью Арарата. Ее результатом стали историко-литературные очерки «Летопись исторических судеб армянского народа» и «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» (последний вскоре стал предисловием к антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней»), а также поэтический цикл «К Армении» (декабрь 1915). Нить культурного обмена между двумя народами будет крепнуть на протяжении всего XX века. В конце 1920-х годов Кавказ и Армения стали целью длительных путешествий А. Белого и творческого паломничества О. Мандельштама.

А. Белый был в Армении два раза (май – август 1928, апрель – август 1929). В 1928 г. журнал «Красная новь» предложил ему написать очерк о путешествии для печати в восьмом номере. Работа с литературным заказом увлекла писателя. Во время странствий он фиксировал свои впечатления и наблюдения, делая подробные дневниковые записи о ландшафте, быте и культуре Армении. Стремительная смена декораций, или *tour de force* в тексте создает ощущение непрерывного движения героя-повествователя по просторам молодой республики. А. Белый сравнивал поездку с сюжетом древнегреческого мифа: именно сюда стремились аргонавты за золотым руном. В результате очерк «Армения» (май 1928) продолжил символистскую эстетику писателя: особое внимание уделяется местному колориту и «орнаменту», а ритм и музыкальность доминируют над грамматикой.

В конце 1920-х о путешествии к озеру Севан мечтал и О. Мандельштам. Проведя юность в окружении акмеистов и в атмосфере петербургской «башни» Вяч. Иванова, поэт не мог полностью вжиться в роль верного исполнителя литературных заказов. Главной причиной поездки в Армению стал скандал, связанный с переводом «Легенды о Тиле Уленшпигеле», который набросил на Мандельштама тень плагиатчика. Травля коллег по перу и явное обличение идеологии в письме для редакции «Вечерней Москвы» (см.: Мандельштам 1991,

2: 477–480) вынудили его уехать на семь месяцев из города. Поездка могла начаться на год раньше, так как поэту под предлогом чтения курса лекций в Ереванском университете оформили официальное приглашение от наркома просвещения Армении А. А. Мравьяна. Однако смерть Аскеназа Арутюновича оттянула срок отъезда. В условиях общественно-политической травли поэту помог сбежать в страну «москательных пожаров» и «орущих камней» (Мандельштам 1991, 1: 151, 153) Н. Бухарин. Мандельштам уже бывал на Кавказе в 1921 г. (Кисловодск–Баку–Тифлис–Батуми), но после этой поездки у поэта с 1925 по 1930 г. «был период поэтического молчания» (Shuvaeva-Petrosyan 2019: 94). Семимесячное путешествие в Армению, своеобразная «командировка», породило новый виток творчества.

Вслед за А. Белым О. Мандельштам нашел много новых оттенков Армении. Красота природы завораживала, но голод и тяжелые последствия геноцида оставили свой след на истории страны:

Все утро дней на окраине мира
Ты [Армения] простояла, глотая слезы.
(Мандельштам 1991, 1: 152)

Семь месяцев, проведенных около озера Севан, в дороге мимо разрушенного города Шуш, во временных остановках в Степанакерте и Аштараке, пробудили талант поэта ото сна. Остановившись осенью в Тифлисе, Мандельштам написал цикл «Армения» из 12 стихотворений и путевой очерк «Путешествие в Армению». Е. А. Шуваева-Петросян впервые выделила в этих произведениях особый «армянский текст», сопоставимый с «московским», «петербургским» и «нижегородским» на основе локации, к которым они относятся. Жанр «Путешествия в Армению» можно идентифицировать в рамках путевых очерков с ярко выраженной образностью и поэтической рефлексией окружающего мира и предшествующих культурно-исторических эпох. Борис Филиппов (Б. А. Филистинский), извест-

ный литератор русского зарубежья, отнес все непоэтические тексты Мандельштама, основным художественным приемом которых является автобиографизм, к единому жанру – прозе (см.: Мандельштам 1991, 2: III). Однако она оказывается намного шире указанных рамок благодаря высокой метафоричности текста и представляет собой «поэзию прозы» (Пробштейн 2014: 75).

«Путешествие в Армению» гармонично встраивается в идиостиль Мандельштама. Еще в «Шуме времени» (1925) поэт стремился говорить не о себе, а о современной эпохе в сочетании с предшествующим историко-культурным процессом, поэтому описаниям событий и явлений действительности в «Путешествии в Армению» перманентно сопутствует богатый культурный фон, литературные и архитектурные реминисценции. Планировка абхазского города Сухума напоминает траурный марш Шопена, а эриванские разговоры с местными жителями – общение юного Вильгельма Мейстера с Ярно. В сохранившемся в дневниковых записях очерке «Паллас» Мандельштам делает замечание: «Кто не любит Гайдна, Глюка и Моцарта, тот ни черта не поймет в Палласе» (Мандельштам 1991, 3: 163–164). Интермедиальные связи с живописью и естественным раскрытием особенности мировоззрения и эстетических координат Мандельштама: в трехмерном пространстве размещаются бесчисленные предметы и краски, все разнообразие мира. Для поэта «единство хронотопов истории, культуры и <...> времени-пространства» «является аксиомой» (Пробштейн 2014: 54).

Повествование в травелогах А. Белого и О. Мандельштама далеко от привычного для читателей описания впечатлений от поездки в Армению. «Приборы» слов А. Белого в попытке установления «связи между символизмом и социализмом» (Эберт 2010: 146) наметили метафорический плюрализм и продолжение символистской эстетики. Подобная «текучесть» речи связывалась у Мандельштама с концептом сплава аналитического мышления и поэтической рефлексии. Поэт закрепил за словом гипостазированную сущность,

единство духа и материи, означающее и означаемое. Мир мандельштамовских символов – исторический, наваянный древней культурой. «За вещь видится ее “фамилия”» (Берковский 1989: 299), предмет наблюдения рассматривается в совокупности со множеством сопутствующих ему культурно-исторических атрибутов. Подмечаются звенья ассоциативной цепочки: «задача решается <...> в живой импрессионистской среде, в храме воздуха, света и славы Эдуарда Манэ и Клода Монэ» (Мандельштам 1991, 2: 155). Высокая образность языка достигается путем употребления слов в переносном значении, что является одним из важнейших стилеобразующих факторов.

По мнению американского ученого К. Ф. Брауна, первооткрывателя творчества Мандельштама для англоязычной аудитории, в «Путешествии» поэт воссоздал собственный музей восковых фигур из прошлого, поместив различные экспонаты под стекло. Проходя мимо музейных витрин, этот «жизненный материал» можно рассмотреть детально: близнецов Крупенских, Карла Катунского, древнеармянского царя Аршака и древнеиранского правителя Шапура (см.: Brown 1965: 32). Единственное, что отделяет смотрящего от экспонатов, – стекло, невидимая прослойка истории и времени. В главе «Французы» из «Путешествия в Армению» Мандельштам посоветовал посетителям подобного музея «ни в коем случае не входить, как в часовню. <...> Прогулочным шагом, как по бульвару – насквозь!» (Мандельштам 1991, 2: 161). Главным орудием познания исследователя-посетителя должно быть зрение, находящееся в постоянном движении и поиске фокуса. Герой вспоминает: «<...> я растягивал зрение и окунал глаз в широкую рюмку моря <...>. Я растягивал зрение, как лайковую перчатку» (Там же). Глаз в «Путешествии» соотносится с «*perfetto veder*», которая открылась Данте Алигьери во время встречи с Беатриче в пятой песни «Рая».

Таким образом, в русской литературе первой половины XX в. присутствует комплекс текстовых ассоциаций с Арменией, на

основании которых можно выделить особый «армянский текст» как парадигму текстов, «выстроенную вокруг определенной тематической оси» (Баянбаева 2016: 77). Теоретической основой для этого является методология В. Н. Топорова 1970-х гг. с антитезой «Петербург – Москва» и ее переложение на глобальную антиномию «Север – Юг» в работе А. Гениса «Довлатов и окрестности» (см.: Генис 2011). Подобная полярная оппозиция ярко проявилась в идиостиле Мандельштама зимой 1930 года, во время написания стихотворений «Леди Годива» и «Сохрани мою речь навсегда...». В них голоса мертвецов и мерещащиеся «кандалы цепочек дверных» Москвы (Мандельштам 1991, 1: 159) эмотивно контрастируют с суриком и охрой недавно завершеного цикла «Армения». В Брюсов в очерке «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» задолго до обоснования дихотомии «Север – Юг» предложил рассматривать Армению в качестве буферной территории между Европой и Азией. По его мнению, она сравнима с полем боя различных народов и не принадлежит какому-то определенному враждующему лагерю.

«Армянские тексты» русских писателей первой половины XX в. выделяются из-за трансформации самого жанра путевых заметок на рубеже 1910–1920-х годов: Гражданская война и массовая эмиграция вынудили новую власть ужесточить нормы въезда и выезда в страну и из страны. «Аристократический Grand Tour <...> канул в прошлое; путешествия, которые в двадцатые и тридцатые годы хотели (или должны были) предпринимать советские или ссылаемые писатели, подчинялись другим законам» (Киссель 2010: 21). Это в большей степени относится к «Армении» А. Белого и заметкам о Кавказе М. Горького. Изображаемая в этих произведениях Армения – молодая социалистическая республика, наполненная звуками стройки, возведения нового будущего.

В. С. Киссель в статье «Путешествие на Солнце без возврата: К вопросу о модернизме в русских травелогах первой трети XX века» назвал изменение государственной политики в сфере литературы

и путешествий в пределах союзного государства главной причиной отличия травелога О. Мандельштама от текстов о путешествии в Армению М. Горького и А. Белого (см.: Киссель 2010: 22). Армения изображается последними в соответствии с советской моделью генерирования исторического значения «прежде – теперь», по которой прерогативой является изображение строительства социализма, а не чувственное познание окружающего мира и внутренняя рефлексия героя-путешественника. И если принятие в литературной среде травелогов А. Белого и М. Горького с изображением производств и труда рабочих позволило им выступать на трибуне пленума оргкомитета Союза писателей СССР (1932), то в случае с О. Мандельштамом все было решено не в пользу автора. Сразу после публикации очерка газета «Правда» обвинила писателя в старомодности стиля и отсутствии понимания специфики выбранного им жанра. Модернизм его прозы был принят за лакейство, излишнее самолюбование и человеческую недалекость, так как «старый петербургский поэт-акмеист О. Мандельштам прошел мимо бурно цветущей и радостно строящей социализм Армении» (Мандельштам 1990, 2: 421).

Сопоставление произведений Брюсова, Белого, Горького и Мандельштама, по-своему обращавшихся к Армянскому нагорью и его культурно-историческому своеобразию, позволяет говорить о появлении в начале XX века особого художественного образа Армении. Регионализация текста и формирование имагологической картины мира происходит при помощи описания нового и ранее неизведанного привычными для писателей категориями. Мотивная структура травелогов, их образное наполнение и композиция основываются на тематической идентичности автостереотипов и субстратных элементов-ориентиров, закрепившихся за Арменией за ее долгую историю. Среди них можно выделить:

1. Ландшафтные, при помощи которых происходит фокусировка на армянском локусе: «Кажется, что горы обняли и охраняют

долину с любовью и нежностью живых существ» (Горький 1960–1963, 11: 236); «Я в себе выработал шестое – “араратское” чувство: чувство притяжения горой» (Мандельштам 1991, 2: 170). Ж. Нива в рецензии на пейзажные зарисовки А. Белого в травелоге «Армения» выделил аналогичное: «Он [А. Белый] запоминал формы облаков, объемы скал, причудливость камней. Было у него как будто “минеральное” чувство» (Нива 1986: III). В основу травелогов положено пространственное единство, изображение разных уголков Армении с вкраплением обобщенного кавказского колорита (абхазского, грузинского, азербайджанского и др.). Последнее зависело от маршрута путешествий. Например, Мандельштам направлялся к Арарату через Сухум, а М. Горький и А. Белый – через Тифлис.

2. Материально-культурные, подразделяющиеся на два блока. Первый посвящен становлению молодой советской республики, что особенно ярко выражено у М. Горького: «Да, Армения бедна, но уже отличная силовая станция украшает Эривань» (Горький 1960–1963, 11: 239). Второй – изучению наследия древней культуры Закавказья через описание церквей, орнаментов, фресок и живописи, например полотен Сарьяна, подробно описанных А. Белым в главе «В кривых закоулках».
3. Исторические, направленные на изучение непростой судьбы Армении, расположенной на перепутье христианского и мусульманского миров (описание геноцида армян в травелогах Горького и Мандельштама), и этнические. Космос Армении и особое миропонимание, окрашенное национальным колоритом, подробно разобраны в «Путешествии» Мандельштама. В армянах он выделял «фамильярность с миром», «благородную трудовую кость» и возвращение к метафизике в любых ее проявлениях (Мандельштам 1991, 2: 143). А. Белый также с уважением отзывался об «армянском строительном пафосе» (Белый 1985: 11).

4. Авторские этносимволы. «Путешествие» Мандельштама подобно шифру, так как насыщено витиеватыми синекдохами и словесно-образными головоломками. Эти «метонимические приемы далеко не очевидны. <...> они перерастают в загадки, для решения которых от читателя требуется *распознавание* (synecdoche, intellectio) целого по части, а также восстановление связи между <...> семантически несмежными лексическими элементами текста» (Ронен 2002: 30–31; курсив автора). Метонимические конструкции тропов часто оказываются осложненными метафористической семантикой («чувствовал <...> арбузную пустоту России», «уйдя в ореховый сумрак квартиры», «бледно-зеленые капустные бомбы», дома «из апельсинового камня». – Мандельштам 1990, 2: 104, 108, 111, 112), что расширяет образный репертуар очерка. Чаще всего «ключом» к их расшифровке является культурно-исторический, литературный контекст, в который погружен текст. В первых двух строках автоэпиграфа к поэтическому циклу «Армения» («Как бык шестикрылый и грозный, / Здесь людям является труд». – Мандельштам 1990, 1: 160) зашифрован шеду, духхранитель человека, изображавшийся в виде существа с телом быка, крыльями и человеческой головой, – персонаж шумеро-аккадской мифологии, с которой народ Армянского нагорья контактировал в IV–III тысячелетии до н. э. В I стихотворении упоминается роза Гафиза, отсылающая к газелям великого персидского поэта Хафиза. Для него роза – это песнь в устах поэта-соловья. Мандельштам перенимает метафоричный образ и использует его и в V стихотворении.

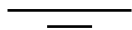
У М. Горького, В. Брюсова, А. Белого и О. Мандельштама были разные предпосылки для путешествия в Армению, написания путевых очерков и поэтических циклов. Неоспоримо то, что предгорье Арарата стало их общим местом притяжения: «для внутреннего

эмигранта» Мандельштама окрестности Еревана стали «островкам безопасности»; Белый почувствовал необходимое поэту «прошлого века» единение с современным миром, в том числе и с советской властью. Первые сборники армянской поэзии открыли массовому читателю русскоязычного пространства культурное достояние потомков Айка «с древнейших времен до наших дней». Участие Армянского комитета (С. Мамиконяна, В. Терьяна, А. Цатуряна, П. Макинцяна, К. Микаэляна) в литературно-общественной жизни Москвы и Петрограда (Ленинграда с 1924 г.), а также деятельность отдельных популяризаторов национальной культуры (Л. Мкртчяна) определили будущую парадигму взаимоотношений двух народов. Несмотря на все лишения, перенесенные за долгие годы буферного положения между христианским и мусульманским мирами, Армения сохранила цельность своего существа и богатство культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Баянбаева Ж. А. 2016.** Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста). – Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». № 2. С. 77–84.
- Белый А. 1985.** Армения: Очерк, письма, воспоминания. Ереван: Советакан грох.
- Берковский Н. Я. 1989.** О прозе Мандельштама. – Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М.: Советский писатель. С. 286–304.
- Брюсов В. Я. 1961.** К Армении. – Брюсов В. Я. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель. С. 407–408.
- Генис А. А. 2011.** Довлатов и окрестности. М.: Corpus.
- Горький М. 1960–1963.** Собр. соч.: В 18-ти тт. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Киссель В. С. 2010.** Путешествие на Солнце без возврата: К вопросу о модернизме в русских травелогах первой трети XX века. – Беглые

- взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение. С. 9–37.
- Мандельштам О. Э. 1990.** Сочинения: В 2-х тт. / Сост. С. С. Аверинцева и П. М. Нерлера. М.: Художественная литература.
- Мандельштам О. Э. 1991.** Собр. соч.: В 4-х тт. М.: ТЕРРА.
- Нива Ж. 1986.** <Рец. на кн.:> Андрей Белый. Армения. – Русская мысль. Литературное приложение № 3. С. III.
- Пробштейн Я. Э. 2014.** Пространством и временем полный: История, реальность, время и пространство в творчестве Мандельштама. – Пробштейн Я. Э. Одухотворенная земля: Книга о русской поэзии. М.: Аграф. С. 45–85.
- Ронен О. 2002.** Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион.
- Эберт К. 2010.** «Надо уметь видеть»: Травелоги Андрея Белого «Ветер с Кавказа» и «Армения» как эстетическое наставление. – Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение. С. 146–169.
- Brown C. 1965.** *The Noise of Time: The Prose of Osip Mandelshtam.* New Jersey: Princeton University Press.
- Shuvaeva-Petrosyan E. A. 2019.** Мандельштам О. Е. <sic!> Армянский текст (К 80-летию со дня смерти). – Cross-Cultural Studies: Education and Science. Vol. 4. No. 2. P. 92–99.

II

ЛИНГВИСТИКА

КОНЦЕПЦИЯ ЧАСТОТНОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКА БОРИСА РЫЖЕГО

Павел Барановский (Калининград)

Как известно, частотный словарь – список слов того или иного языка с указанием степени их употребительности. Одним из первых лексикографических трудов такого типа является «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной (1977), ключевые принципы составления которого остаются актуальными для статистической лексикографии и сегодня. При этом современные частотные словари с целью увеличения объема выборки опираются на данные электронных корпусов. Так «Частотный словарь современного русского языка» (2009) основан на базе текстов НКРЯ. Определение частоты употребления лексических единиц является важным инструментом исследования языка и стиля писателя, что и обуславливает информационно-справочную ценность таких словарей, как «Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова» в составе «Лермонтовской энциклопедии» (1981), «Словарь поэтического языка К. Н. Батюшкова» (2018) и другие.

Цель нашего научного исследования – создание частотного словаря языка Бориса Рыжего. Для учета и систематизации лексем мы применяем методiku стандартизованных процедур обработки данных, а также метод сравнительного анализа статистических результатов. Идентификация и подсчет лексем проводятся с помощью языка программирования «Python». Кроме этого, для выявления

лексических комбинаций используется компьютерная программа «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах».

Материалом для составления частотного словаря являются лирические произведения Б. Рыжего (513 стихотворений, чуть больше 46000 словоупотреблений). С учетом предшествующего опыта и современных возможностей развития лексикографии нам представляется научно продуктивной и перспективной концепция частотного словаря языка поэта, согласно которой в словарь планируется включить: 1) алфавитно-частотный список лексем; 2) ранговый список лексем; 3) статистическую структуру лексики Б. Рыжего; 4) рейтинговый список: сто самых частотных существительных, прилагательных, глаголов, наречий; 5) словник имен собственных; 6) словник колоративов. Кроме того, в разделе «Приложения» будут представлены таблицы частоты частеречных классов и лексических комбинаций.

1. АЛФАВИТНО-ЧАСТОТНЫЙ СПИСОК ЛЕКСЕМ

Алфавитно-частотный словник является наиболее важной частью классического частотного словаря, его основой. В алфавитном списке нашего словаря представлены следующие параметры: имя лексемы, часть речи, показатель частотности и количество стихотворений, в которых была обнаружена лексема (см. *Таблицу 1*). Следует отметить, что показатель встречаемости в текстах в большинстве случаев учитывается в частотных словарях национального языка. По мнению Л. Н. Засориной, «для оценки употребительности важно учитывать не только частоту слова, но и количество текстов, в котором оно регистрируется» (Засорина 1977: 27). Мы считаем, что этот принцип актуален и для частотных словарей языка писателей, поскольку для определения ключевых слов и авторских мотивов желательно рассматривать не только абсолютную частоту лексемы, но и показатель ее встречаемости в разных текстах. Думается, с

учетом данного параметра выводы о значимости того или иного слова в рамках творчества поэта будут более последовательными и убедительными. Если малочастотное слово может быть ключевым в пределах одного текста, то с точки зрения всего корпуса оно таковым не является.

Таблица 1. Алфавитно-частотный словник

Лексема	Часть речи	Частотность	Встречаемость в текстах
Абсолютно	Наречие	2	1
Абсолютный	Имя прилагательное	2	2
Авангардист	Имя существительное	1	1
Аванс	Имя существительное	1	1
Авария	Имя существительное	1	1
Август	Имя существительное	4	4
Автобус	Имя существительное	1	1
Автодром	Имя существительное	2	1

2. ЧАСТОТНЫЙ СПИСОК ЛЕКСЕМ

Частотный или ранговый словник – это список лексем, расположенных в порядке убывания показателя частотности. В нашем словаре этот раздел представлен в табличной форме, которая состоит из нескольких колонок: ранг (порядковый номер), имя лексем, показатель частотности, процентная статистика (см. *Таблицы 2–3*).

Таблица 2. Ранговый список

Ранг	Лексема	Частотность (кол-во слов)	Частотность (%)
1	И	2003	4.34
2	Я	1418	3.07
3	В	1366	2.96
4	He	1033	2.24
5	Ha	849	1.84

В процессе изучения частотных словарей языка писателей было установлено, что в алфавитном и частотном словниках зачастую не указаны процентные характеристики. Мы предполагаем, что процентный рейтинг как компонент рангового списка интересен и репрезентативен хотя бы потому, что процент показывает отношение той или иной лексической единицы к общему количеству авторских словоупотреблений. Без учета процентной статистики информация о частотности лексемы будет неполной.

Таблица 3. Ранговый список

Ранг	Лексема	Частотность (кол-во слов)	Частотность (%)
26	Рука	143	0.31
28	Жизнь	139	0.3
36	Небо	127	0.27
41	Друг	117	0.25
52	Звезда	94	0.2

В целом, частотный список лексем занимает важное место в структуре словаря, потому что именно частотный словник является наиболее упорядоченным и показательным, что способствует эффективному выполнению различных прикладных задач. К примеру, сведения из перечня лексем, расположенных в порядке убывания их частотности, целесообразно применять в контексте филологического исследования, посвященного поэтике и стилю Б. Рыжего, поскольку наиболее представленная или ключевая лексика отражают элементы языковой картины мира автора.

3. СТАТИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИКИ БОРИСА РЫЖЕГО

Помимо алфавитного и частотного списков в словаре будет отображена статистическая структура лексики Б. Рыжего (см. *Таблицу 4*). Образцами для этой части словаря служат одноименные разделы

(«Статистическая структура лексики») в «Частотном словаре языка М. Ю. Лермонтова» в составе «Лермонтовской энциклопедии» (1981) и в «Частотном словаре русского языка» под редакцией Л. Н. За-соринной (1977). В нашем словаре данный раздел представляет собой таблицу, состоящую из 5 граф: ранг, абсолютная частота (F), число слов с указанной частотой (n), накопленное число слов или общее число слов с частотой, не ниже данной (Σn), накопленная абсолютная частота или общее число словоупотреблений этих же слов (ΣF).

Таблица 4. Статистическая структура лексики

Ранг	Абсолютная частота (F)	Число слов с указанной частотой (n)	Накопленное число слов (Σn)	Накопленная абсолютная частота (ΣF)
1	2003	1	1	2003
2	1418	1	2	3421
3	1366	1	3	4787
4	1033	1	4	5820
5	849	1	5	6669

4. РЕЙТИНГОВЫЙ СПИСОК

Следующим звеном частотного словаря языка Б. Рыжего является рейтинговый список, оформленный в виде таблицы, в которой приведены сто самых частотных существительных, прилагательных, глаголов и наречий (см. *Таблицу 5*). Нужно отметить структурную организацию этой части словаря. Во-первых, помимо списка лексем с указанием их частотности, к каждому словоупотреблению будет добавлен контекст ближайшего окружения и такая характеристика, как тип значения (прямое/переносное). По нашему мнению, самые частотные и уж тем более ключевые слова в лирике поэта нуждаются не только в статистическом выражении, но и в контекстном пояснении, потому что именно высокочастотные лексеммы имеют, как правило, наивысший семантический потенциал, а приведенный контекст даст возможность уточнить значение слова и, в отдельных

случаях, проанализировать его полисемию. Например, довольно частотная в творчестве Б. Рыжего лексема *море* представлена как в прямом значении («и клялся поехать на море» (Рыжий 2004: 368); «выход или не выход уехать на море» (Рыжий 2018: 350)), так и в переносном («унесла зеленая волна в море жизни» (Рыжий 2004: 249); была аллея, что превращалась то в лес, то в море» (Там же: 317)); или прилагательное *седой*, которое в лирике поэта также многозначно.

Таблица 5. Рейтинговый список

Лексема	Частотность (кол-во)	Контекст/Тип значения	
		Прямое	Переносное
Море	36	«и клялся поехать на море »; «выход или не выход уехать на море »;	«унесла зеленая волна в море жизни»; «была аллея, что превращалась то в лес, то в море »;
Седой	13	« седой бродяга на скамейке спит»; «прячет туфли под полку седой подполковник»; «в бар войдешь красивым и седым »;	«будет небо седое »; «вдыхал в себя сад, ощущая седую свободу»; «О чем молчат седые камни»;

Можно заметить, что представленный раздел настоящего словаря тяготеет к конкордансу, так как в нем, помимо сведений о частотности лексем, указана их сочетаемость. Таким образом, идея добавления рейтингового списка в структуру частотного словаря, на наш взгляд, перспективна и научно продуктивна, поскольку такой список обогащает и дополняет лексикографическую форму частотного словаря в целом. Кроме того, анализ ярко выраженной лексики в лирике Б. Рыжего станет более последовательным и конкретным, если в частотном словаре будут представлены списки самых употребительных слов в зависимости от их части речи.

5. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И СЛОВНИК КОЛОРАТИВОВ

Итак, помимо описанных частей, мы предлагаем включить в структуру словаря языка Б. Рыжего тематически организованные разделы, посвященные определенным группам слов, например, антропонимам, топонимам, колоративам (лексико-семантическое поле «Цвет») и т. д.

Таблица 6. Имена собственные в лирике Б. Рыжего

Лексема	Разряд	Частотность	Комментарий
Кама	Топоним	4	Река в России, протекает по Свердловской области. Река впадает в Камское озеро, сообщающееся с озером Большой Вагильский Туман.
Рябоконь	Антропоним	1	Дмитрий Рябоконь (15.02.1963). Екатеринбургский поэт.
Puma	Прагматоним	1	Промышленная компания Германии, выпускающая спортивную обувь и одежду под торговой маркой «Puma».

Следует отметить, что список имен собственных (см. *Таблицу 6*) иногда встречается в частотных словарях языка поэта, например, в Словаре поэтического языка К. Н. Батюшкова (Васильев, Жаткин 2018), однако мы не можем назвать такие лексикографические труды, в которых бы статистически фиксировались те или иные лексико-семантические поля (например, колоративы) и лексико-семантические группы. Предполагается, что материалы таких тематически организованных разделов помогут исследователю творчества и заинтересованному читателю уловить некоторые особенности языка и стиля автора. Приведем пример. В ходе анализа процентного соотношения цветов в лирике Б. Рыжего были зафиксированы следующие свойства колоративной лексики: вы-

сокая частотность и многообразие форм сложных колоративных прилагательных, использование окказиональной цветовой лексики. Благодаря перечисленным фактам можно сделать вывод о том, что поэт обращает внимание на интенсивность и сочетаемость цветов, а также замечает связь цветового фона (голубой, черный, синий) с частью видимого пространства (небо, лес) и субъективных чувств (печаль), что приводит к образованию уникальных и важных для лирического субъекта оттенков (*черно-лесными, печально-синих*). Примечательно, что подобную информацию трудно вычленишь из алфавитно-частотного или рангового списков, поскольку она спрятана в огромном количестве авторских словоупотреблений без какой-либо тематической сортировки.

Таблица 7. Словник колоративов

Лексема	Часть речи	Частотность	Контекст
Белизна	Имя существительное	1	«Двадцать раз я ее белизною был окутан»
Зеленеть	Глагол	1	«Ведь когда-то спасало: над синей волною зеленела луна»
Небесно-голубой	Имя прилагательное	2	«Смотрел моими школьными и синими глазами Бог – в твои небесно-голубые »; «путем небесно-голубым , любимая, лети к любимым своим»
Печально-синий	Имя прилагательное	1	«Восемь глаз печально-синих »

Таким образом, идея о добавлении словника колоративов (см. *Таблицу 7*) в состав частотного словаря может считаться перспективной, потому что количественный анализ колоративной лексики является не только материалом для филологических исследований, но и автономной характеристикой, которая отражает элементы идиостиля и поэтики. Необходимо добавить, что в контексте рас-

ширения информативной базы словаря мы рассматриваем и другие лексико-семантические поля и группы. По нашему мнению, чем больше малых групп, объединенных темой или признаком, будет реализовано в словаре, тем отчетливее будут заметны некоторые особенности авторского словоупотребления. Кроме того, воплощение этой идеи в будущем упростит задачу сопоставления тематической лексики поэта с такой же лексикой, выявленной в текстах других авторов.

6. ПРИЛОЖЕНИЯ

Следует также обратить внимание и на приложения к словарю. В-первых, были подготовлены таблицы частоты частеречных классов (см. *Таблицы 8–10*), демонстрирующие особенности количественного, процентного и пропорционального соотношения основных частей речи в лирике Б. Рыжего. Статистические данные позволяют нам объективировать исследования поэтики и идиостиля автора. К примеру, по мнению Ю. Казарина, Б. Рыжий делал «шаги в сторону поэтической разговорности и нарратива» (Казарин 2018: 76), что подтверждают следующие выводы, полученные с помощью анализа статистических показателей: доминирование существительных, низкая частотность прилагательных и высокая частотность глаголов.

Таким образом, таблицы частоты частеречных классов в качестве приложения к частотному словарю, на наш взгляд, не будут лишними. К таким статистическим сведениям могут обращаться лингвисты и литературоведы, изучающие поэтику и стиль Б. Рыжего для подтверждения того или иного наблюдения, а также для получения дополнительной информации, которая позволит глубже и точнее исследовать художественный мир поэта. Помимо этого, таблицы частоты частеречных классов применимы и в рамках сопоставительного анализа. Приведем такой пример: Ю. В. Казарин полагает, что «именно прозаизированные стихи Б. Слуцкого»

Таблица 8. Количественная характеристика ЧР

Год / кол-во стих-ний)	Кол-во слов	Существительные	Прилагательные	Глаголы	Прочие
1992–1993 (32 ст.)	3754	1168	280	520	1786
1994–1996 (197 ст.)	17211	4375	1348	2683	8805
1997–1998 (176 ст.)	16265	4803	1225	2498	7739
1999–2001 (108 ст.)	8971	2500	596	1392	4483
Итоговые данные	46201	12846	3449	7093	22813

Таблица 9. Процентное соотношение ЧР в лирике Б. Рыжего

Год / кол-во стих-ний	Существительные	Прилагательные	Глаголы	Прочие
1992–1993 (32 ст.)	31.11%	7.46%	13.85%	47.58%
1994–1996 (197 ст.)	25.42%	7.83%	15.59%	51.16%
1997–1998 (176 ст.)	29.53%	7.53%	15.36%	47.58%
1999–2001 (108 ст.)	27.87%	6.64%	15.52%	49.97%
Итоговые данные (513 ст.)	27.80%	7.47%	15.35%	49.38%

Таблица 10. Соотношения прилагательных и существительных (Va), глаголов и существительных (Vv)

Год / кол-во стих-ний)	Прилагательные-Существительные	Глаголы-Существительные
1992–1993 (32 ст.)	0,1933	0,308
1994–1996 (197 ст.)	0,2355	0,3801
1997–1998 (176 ст.)	0,2032	0,3421
1999–2001 (108 ст.)	0,1925	0,3576
Итоговые данные	0,2116	0,3557

оказали некоторое влияние на творчество Б. Рыжего (Казарин 2018: 76). Слова ученого подтверждает таблица процентного соотношения частей речи (см. *Таблицу 11*), на основании которой мы заключаем, что процентные характеристики основных ЧР в творчестве Б. Рыжего и Б. Слуцкого очень близки.

Таблица 11. Процентное соотношение основных ЧР в языке Б. Рыжего и других поэтов XX века

Поэт	Существительные	Прилагательные	Глаголы
Б. Рыжий	55	15	30
И. Анненский	59	18	23
А. Блок	54	20	26
В. Маяковский	62	13	25
Н. Гумилев	57	19	24
О. Мандельштам	58	18	24
Г. Иванов	57	19	24
Д. Новиков	60	14	26
И. Бродский	62	13	26
Б. Слуцкий	56	15	29
Д. Самойлов	58	14	28
А. Штейнберг	56	21	23
Я. Смеляков	58	18	24
Б. Ахмадулина	60	13	27

Во-вторых, еще одним дополнением к нашему словарю станет презентация лексических комбинаций. Лексические комбинации – это наборы слов, повторяющиеся друг с другом в разных фрагментах текста или в разных произведениях поэта (см. *Иллюстрации 1–3*). По мнению авторов концепции лексических комбинаций – представителей смоленской квантитативной филологической школы, – «выявление лексических комбинаций может стать еще одним, помимо известных, способом описания поэтического мира автора и способом установления как внутритекстовых связей, так и межтекстовых» (Павлова, Романова 2013: 147).

О программе

Сочетания Информация

частотный словарь

сочетания 5

Сочетание	Част.	MI
вечер-далеко-жизнь-звезда-осенний	2	35,61
вечер-звезда-летний-окно-плохой	2	37,79
вечер-закат-звезда-летний-окно	2	37,27
вечер-закат-звезда-летний-плохой	2	39,29
вечер-закат-звезда-окно-плохой	2	35,88
аллея-глаз-два-звезда-какой	2	32,77
аллея-впрочем-глаз-два-звезда	2	35,29
аллея-впрочем-глаз-звезда-какой	2	34,91
аллея-впрочем-два-звезда-какой	2	34,93
бог-жить-звезда-лет-роза	2	32,45
бог-звезда-искать-могила-понимать	2	35,13
бог-видеть-звезда-небо-ночь	2	30,83
глядеть-жить-звезда-крыша-лет	2	33,11
глядеть-звезда-навсегда-прощать-с...	2	31,98
глядеть-звезда-надо-окно-освещать	2	34,35

Фильтр звезда Сброс 78

II. Пятикомпонентные комбинации

1. Бог – два – друг – сказать – слово
2. Вечер – далеко – жизнь – звезда – осенний
3. Ненастье – осень – сердце – стих – грех
4. Вода – голубой – дурак – лететь – облако
5. Любовь – ночь – поэт – ребята – смерть
6. Любовь – надломленный – ночь – одиночество – бровь
7. Губа – любовь – огромный – рука – звезда
8. Губа – дружок – навсегда – маленький – труба
9. Губа – дым – окно – труба – музыка
10. Дурной – небо – ладонь – синий – стих
11. Волна – мост – пасмурный – навсегда – рука
12. Волна – любовь – море – синий – стоять

2) Вечер – далеко – жизнь – звезда – осенний

3. «Где-то там далеко, где слоняются запахи леса...»

Где-то там далеко, где слоняются запахи леса, где-то там далеко, где воздух, как обморок, пестр...

Там, где вечер, где осень, где плачет забытое детство, заломив локоточки за рыжие головы звезд... там луна, не лесная, моя, по осенним полянам мечется, тая в полу —

ночном серебре...

Где я — отблеск луны в бледно-си...

в бледно-синем тумане,

где я — жизнь, не дожитая жизнь городских фонарей.

1992, сентябрь

49. Над красивой рекой

Если жизнь нам дана для разлуки, я хочу попрощаться с тобой в этот вечер, под мрачные звуки мутных волн, под осенней звездой. Может, лучше не будет мгновенья для прощанья, и жизнь пролетит бесполезно, а дальше — забвенья навсегда, где никто не простит.

Можно долго стоять на причале, обнимая тебя, теребя папироску. Как мало прощали и любили меня и тебя. Закурить и глядеть, как проходит мимо нас по красивой реке пароход. Я скажу — пароходик, но без нас, налегке, налегке.

1994, ноябрь

Иллюстрации 1–3. Лексические комбинации

С нашей точки зрения, включение устойчивых лексических комбинаций в состав частотного словаря языка поэта может быть оправдано тем, что с их помощью мы обозначим неочевидные лексические взаимодействия. Такие связи образуют семантический комплекс, отражающий структуру и ассоциативный ряд художественных текстов. Кроме этого, нам кажется интересной и многообещающей идея сравнения списка слов, неоднократно входящих в многокомпонентные лексические комбинации, с наиболее частотными словами, встречающимися в творчестве поэта.

ВЫВОДЫ

Итак, был представлен макет частотного словаря языка Б. Рыжего, перечислены разрабатываемые части и продемонстрирован их предполагаемый вид. Важнейшими принципами предлагаемой концепции лексикографического проекта являются количественное и качественное расширение перечня разделов словаря, включение рейтинговых списков, учет частеречной структуры, упоминание контекста и внимание к семантическому потенциалу, а также, помимо формальных признаков, уважение к традициям русскоязычной лексикографии. Таким образом, реализация настоящей концепции частотного словаря позволит выявить и объективировать взаимосвязь между употребляемыми поэтом языковыми средствами и особенностями авторской картины мира, а также обеспечит возможность более системного и мобильного соотнесения данных частотного словаря языка поэта и частотного словаря национального языка.

Важно также отметить, что наш частотный словарь будет представлен в электронном виде. Мы планируем создать сайт, на котором разместим словарные материалы, структурированные по разделам: 1) алфавитно-частотный список лексем; 2) ранговый список лексем; 3) статистическую структуру лексики Б. Рыжего;

4) рейтинговый список; 5) словник имен собственных; 6) словник колоративов; 7) приложения. Такое решение поддерживается основными преимуществами электронного словаря над бумажным, среди которых всеобщая доступность и возможность дальнейшей редакции лексикографического труда. Кроме этого, необходимо упомянуть и о ценности поисковой строки, позволяющей в один миг найти определенное слово и, следовательно, информацию о частотности.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. 2018.** Словарь поэтического языка К. Н. Батюшкова: монография. М.: ФЛИНТА: Наука.
- Засорина Л. Н. 1977.** Частотный словарь русского языка: Около 40000 слов. М.: Рус. яз.
- Казарин Ю. В. 2018.** Внутренний мир и миры Бориса Рыжего. Екатеринбург, М.: Кабинетный ученый.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. 2009.** Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник.
- Павлова Л. В., Романова И. В. 2013.** Опыт применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте». – Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. № 6. С. 138–148.
- Поэт Борис Рыжий.** <http://borisryzhy.ru/> (Дата обращения: 05.02.2022)
- Рыжий Б. 2000.** И все такое... СПб.: Пушкинский фонд.
- Рыжий Б. 2004.** Оправдание жизни. Екатеринбург: У-Фактория.
- Рыжий Б. 2012.** В кварталах дальних и печальных...: Избранная лирика. Роттердамский дневник. М.: Искусство–XXI век.
- Рыжий Б. 2018.** Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е.
- Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова 1981.** Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл. С. 717–774.

**<ИСТОРИЯ ПРО + АСС>:
НОВОЕ В ГРАММАТИКЕ
КОНСТРУКЦИЙ¹**

Алтана Базаржапова (Санкт-Петербург)

Словарная статья толкового словаря призвана давать полную лексикографическую характеристику лексических единиц языка. Однако по содержанию такой статьи далеко не всегда удастся корректно судить о том, как действительно данное слово функционирует в повседневной речи. Причину давно замеченной исследователями «несогласованности дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» (Богданова 2012: 65) следует искать в тезисе о том, что «языковая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном согласовании собственных речевых действий с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка, и с реальной повседневной речевой практикой его современников» (Черняк 2010: 23). Иными словами, слово существует в нашем коммуникативном пространстве в нескольких ипостасях, точнее – в трех режимах фиксации (Богданова 2011: 1) слово в словаре (то, что должно быть); 2) слово в речи (то, что есть на самом деле); 3) слово в ментальном лексиконе говорящего (его представление о том, как должно быть).

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Первый режим фиксации часто игнорирует многие «периферийные» (т. е. вторичные, не прямые) значения того или иного слова, активно реализующиеся в речи, поскольку многие из них являются десемантизированными, грамматикализированными и/или прагматикализированными его формами. В результате действительное «соотношение главного и периферийных значений выглядит часто совсем иначе, чем в словаре» (Стернин, Саломатина 2013: 23). Так, при обращении к словарной статье к слову *история* (МАС 1999: 691) пользователь узнает, что слово *история* имеет 8 значений и входит в многочисленные устойчивые сочетания. В качестве «периферийной» зоны лексико-семантического поля этого слова можно выделить значения 7-е («рассказ, повествование») и 8-е (разг. «происшествие, событие, случай»), поскольку в составе этих значений отсутствует такая сема, которая в описании первых шести значений выражена словами *процесс, совокупность, последовательное развитие*, и так как слово *история* в 7-м и 8-м значениях обнаруживает необычные грамматические характеристики: в одном случае управляет зависимым словом в винительном падеже посредством предлога *про* (<*история про* + Acc> – «рассказ про что-л., кого-л.»), в другом – требует форму творительного падежа зависимого слова с предлогом *с* (<*история с* + Instr> – «неприятное происшествие с чем-л., кем-л.»). Однако при обращении к материалу современной повседневной речи оказывается, что многие периферийные употребления слова *история* не укладываются в предложенную академическими словарями схему, ср.:

- 1) *Бесплодие – это психосоматическая история...* (из интервью с психологом);
- 2) *Неправильные глаголы – это такая история, которую надо постоянно повторять, как таблицу умножения* (из лекции);
- 3) *Собирались лететь двадцатого, на Мальдивы, на 10 дней. Бешеных денег стоит вся эта история. Не знаю, что будет...* (из разговора);

- 4) *И когда они говорят / что типа (...) (э-э) это нормальная история / когда между собой сидят и обсуждают / и говорят / что вот наша Катя% смотрела на (...) Кожохина% как на мужчину <...> вот они сидели это мусолили / понимаешь? (ОРД)²;*
- 5) *Для среднего бизнеса организация поездок онлайн – уже привычная история (УП)³;*
- 6) *Тут можно <...> говорить/мы должны быть все нравственные и жить без денег/ но/ к сожалению/ эта пока история не про нас абсолютно (УП).*

Обзор данных словарей, в первую очередь МАС (МАС 1999), и исследование, проведенное на основе корпусного материала УП НКРЯ и ОРД, а также отдельных записей устной речи, позволили систематизировать представления о «несловарных» употреблениях слова *история* и показали, что в современной речи оно претерпевает ряд семантических изменений. Рефлексы этих изменений либо находятся за рамками существующей лексикографической фиксации, либо формально совпадают со «словарными» употреблениями, но по значению и функции отличаются от них, что показано ниже на примере «словарных» и «несловарных» реализаций конструкции <ИСТОРИЯ ПРО + Асс>.

Главное изменение, которое претерпевает слово *история* в современном повседневном дискурсе, – утрата им в определенных контекстах исходного лексического значения. В результате **десементизации** слово *история* утрачивает свое лексическое значение, но

² Данный пример – из корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем подробнее: Звуковой корпус... 2013; Русский язык... 2016). Знак (%) в материалах ОРД маркирует имя собственное или другую личную информацию, которая при публикации обычно анонимизируется. О других особенностях орфографического представления (условиях дискурсивной транскрипции) материала ОРД см.: Русский язык... 2016: 242–243.

³ Данный пример (и все другие, помеченные аббревиатурой УП) – из устного под-корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru>).

не обретает нового; в результате **ресемантизации** слово меняет свое исходное значение. Ресемантизация слова *история* протекает двумя путями. В первом случае, утратив словарное значение, *история* начинает обозначать некий неопределенный предмет и сближается со словами *вещь, штука, дело, что-то, кое-что, нечто*: ср. выше примеры (1)–(2). Во втором случае слово *история*, утрачивая исходное значение, указывает, наоборот, на вполне определенный предмет, известный обоим собеседникам, или отсылает к обозначенной ранее ситуации, т. е. выполняет функцию указательного местоимения (3). Однако формальную замену слова *история* на местоимение или слова типа *вещь* произвести все же нельзя, что показывает, что слово *история* выступает синтаксическим модификатором предложения, позволяющим строить более простые и легче воспринимаемые высказывания.

Корпусный материал демонстрирует такие «несловарные» употребления слова *история*, которые играют роль только лишь синтаксической модификации, а значение слова *история* в составе определенных конструкций уже не поддается четкой трактовке. Такие употребления и названы в настоящем исследовании десемантизированными, а главное свойство слова *история*, подвергнувшегося десемантизации, заключается в его особой функции в составе определенных **конструкций**. Одна из них представлена выше в примерах (4)–(5) и имеет вид <(ЭТО) (X)-АЯ ИСТОРИЯ>, где X – это прилагательное, чаще качественное. Данная конструкция выступает в функции грамматической основы предложения, используется говорящими (по преимуществу) в стремлении дать оценку чему-л. и обнаруживает еще одну точку сближения со словами *вещь, штука, дело*: слово *история*, так же, как и эти единицы, выступает в роли так называемого «нулевого классификатора». Данное понятие использует С. В. Соколова, рассматривая десемантизацию слов *вещь, штука, дело* (Соколова 2007: 74–80). Опираясь на понятие «классификатора», под которым следует понимать существительное,

определяющее категориальный класс явлений действительности (например, *находиться в забвении* и *находиться в **состоянии** забвения*) (Всеволодова 2000: 46–47), С. В. Соколова называет перечисленные слова «нулевыми классификаторами», поскольку «они указывают на общий класс вещей и явлений, что сближает их с местоимениями» (Соколова 2007: 78). Ср.: *Современные технологии – штука сложная; Восток – дело тонкое; Рыбацкие байки, что ни говори, – заманчивая **вещь*** (НКРЯ). Любопытен вывод автора: эти и другие особенности данного ряда десемантизированных слов (который можно теперь дополнить словом *история*) представляют собой результат действия общих когнитивных процессов, таких как **генерализация** и **типизация**.

Еще одна конструкция с десемантизированным словом *история* – это «несловарная» конструкция <ИСТОРИЯ ПРО + Асс> (см. выше пример (6) и примеры далее) (19 контекстов в пользовательском подкорпусе настоящего исследования). В полном виде конструкция выглядит так: <(ЭТО) ИСТОРИЯ (НЕ) ПРО ТО, ЧТО/КАК/ПОЧЕМУ...> – и обозначает '(не)соответствие какого-л. положения сущности кого- или чего-л.'. Ср.:

- 7) *Я думаю, что это тоже **история** про наше желание контроля (из телешоу);*
- 8) *То есть вот если мы сейчас просто поговорим про звук для простоты / вот **история** про то / что некие звуковые волны / которые мы издаем / акустическая модель может превратить в некий набор фонем (УП);*
- 9) *Это **история** про то / что на протяжении всей истории компьютеров всегда считалось / что в общем надо учиться общаться с компьютером (УП).*

В полном своем виде <ЭТО ИСТОРИЯ (НЕ) ПРО + ...> представляет собой конструкцию, лежащую в основе сложноподчиненного предложения с местоименно-соотносительной связью. В главной части такого предложения слово *история* выполняет роль указа-

тельного местоимения или местоименного наречия, но не всегда может быть на них заменено: для подбора равнозначного высказывания нужно выполнить операцию другого рода – опустить слово *история* из контекста, что успешно выполняется почти для всех указанных выше контекстов (в том числе для тех, где конструкция представлена не в полном виде). Исключение составляет пример (9), где уже вся конструкция, а не только слово *история*, представляется избыточной. Это свидетельствует о том, что в таких контекстах слово *история* совершенно утрачивает свое лексическое значение, и это становится очевидным, если сравнить «несловарные» употребления конструкции <ИСТОРИЯ ПРО + Acc> со «словарными» реализациями данного предложно-падежного сочетания (30 употреблений в пользовательском подкорпусе), ср.:

10) *Это / знаешь... это после того / как мне рассказали историю про то / как... м-м-м / мальчику в ухо залетела / по-моему / оса или пчела* (УП);

11) *Свет / можно я свою версию изложу истории про драку Гусинского и господина Коха?* (УП);

В контекстах (10)–(11) слово *история* имеет четко формулируемое «словарное» значение – ‘рассказ, повествование’ – и обнаруживает характерную для него сочетаемость (*рассказывать/узнать историю; версия истории*). Во всех же рассмотренных «несловарных» случаях употребление слова *история* немотивированно, не имеет очевидной цели. Исследуемое слово теряет значение нарратива, повествования о чем-л., что, в частности, выражается в том, что *история* уже не требует при себе или не подразумевает использования глаголов с соответствующим значением говорения/восприятия. Кроме того, о десемантизации свидетельствует и тот факт, что к слову *история* в «несловарных» контекстах невозможно подобрать определение (*интересная/давняя/новая/моя/твоя история про...*). Ход этого семантического изменения можно изобразить так, как показано в таблице ниже.

Таблица

Лексико-семантическое поле слова <i>история</i>						
«Словарные» значения (по МАС)			«Несловарные» употребления			
Ядерные значения (1) (6)	Утрата семы 'совокупности,' 'процессуальности'	>	Периферийные значения (7) (8)	Утрата семы 'рассказа,' 'повествования'	>	Десемантизированное слово <i>история</i> в составе конструкции <(ЭТО) <i>ИСТОРИЯ (НЕ) ПРО + Асс</i> >

В материале исследования зафиксированы также «пограничные» случаи, когда слово *история* не вполне утратило значение повествования и сохраняет характерную для словарного значения сочетаемость, ср.:

- *А замечательная **история** про то / что пролетариат должен был быть главным классом / которого в принципе не существовало / тоже очень интересно (УП);*
- *Вот коллега мой / Константин Анохин / один из лучших нейрофизиологов вот нынешних / прямо хоть плачь / он рассказывает все время жуткую **историю** про два нейрона/ рядом живущих / да (УП).*

Можно подробнее описать процесс семантической модификации исследуемого слова. Посредством словарной конструкции <*ИСТОРИЯ ПРО + Асс*> говорящий, не рассказывая саму историю, сообщает информацию о главных действующих лицах какой-то истории или о главных событиях какого-то рассказа, либо, в отрицательном варианте конструкции (<*ИСТОРИЯ НЕ ПРО + Асс*>), говорящий хочет уточнить эту информацию (*Это история не про Гаршина, а про Толстого*). Иными словами, конструкция предполагает выдвигание некоторых элементов на первый план. Это свойство – выделять главные смысловые элементы какой-

либо ситуации – стало расширять сферу своего применения: слово *история* расширило свою сочетаемость, утратило тесные связи с действием говорения/восприятия, а элемент в форме Асс, указывавший при словарном употреблении на главное лицо или ключевое событие истории, теперь может указывать на любой предмет, явление, ситуацию, на которых говорящий хочет сделать акцент (поэтому, в частности, фраза *история про два нейрона* звучит странно). Таким образом, конструкция <ИСТОРИЯ (НЕ) ПРО + Асс> в «несловарной» реализации выполняет функцию «упаковки», в которую можно поместить любое содержание, и целью такого «упаковывания» является стремление говорящего истолковать происходящее этим заготовленным содержанием или выразить мысль о (не)соответствии одной ситуации – сущности другой. С точки зрения стилистической маркированности такое употребление слова *история* имеет разговорный характер, и, что отмечается в другой работе автора, в которой рассмотрены различные ситуации «несловарных» употреблений слова *история*, во многих случаях подобные употребления свидетельствуют об установке на «непринужденный стиль речи» (Базаржапова 2023: 17), когда в силу определенных обстоятельств говорящий выбирает более синтаксически простые и компактные высказывания и не тратит усилия на подбор слов с конкретным значением. Ср.: *Я думаю, что это тоже история про наше желание контроля* vs **Я думаю, что это* [в интервью речь шла об обидчивости] *означает, что мы желаем контролировать*.

По поводу роли «несловарной» конструкции <ЭТО ИСТОРИЯ (НЕ) ПРО + Асс> в современной повседневной речи можно также выдвинуть два предположения: (1) эта конструкция, в сравнении с равнозначным сочетанием <ЭТО (НЕ) ПРО + Асс> (ср.: *Я думаю, что это тоже история про наше желание контроля* vs *Я думаю, что это тоже про наше желание контроля*), предпочтительнее для говорящего, так как фраза без некоего главного элемента, от которого бы зависело слово в Асс в составе предиката, кажется носителю язы-

ка недостаточной; (2) слово *история* во многих перечисленных выше контекстах выполняет функцию украшения (причем украшения без надобности), какую, например, несут прагматические маркеры-декоративы, или «никчемутивы» (Богданова-Бегларян 2019: 86–90) – вводные единицы, используемые говорящим немотивированно, фактически как вербальные **хезитативы** (*как говорится, так сказать* и др.).

Хезитативная функция «несловарных» реализаций слова *история* подтверждается «соседством» ре- и/или десемантизированного слова *история* и прагматического дейктического маркера *вот (...)* *вот*, который «часто <...> используется в процессе припоминания нужного слова или просто продолжения текста, т. е. в хезитативной функции» (Богданова-Бегларян 2021: 109). Ср.:

- *И вот эта вот история с семантическими векторами / во-первых / резко увеличила качество поиска / потому что стало можно играть / искать по смыслу документов / <...>. Более того / когда **вот такая вот история** [т. е. опция, возможность поисковика] есть / и мы можем какие-то слова сопоставить с каким-то смыслом (УП).*

Корпусный материал не просто позволяет фиксировать наличие декоративной и хезитативной функции у исследуемой конструкции и других де- и ресемантизированных употреблений слова *история*, но и показывает, что оно нередко обретает характер так называемого **слова-паразита**, т. е. слова, утратившего в устной речи свое «смысловое или эмоциональное наполнение» (Литвинова 2012: 55), ср.:

- *У Романа / **история** онкологии / но / в общем / и Роман не выходил на некоторые обобщающие плоскости в смысле / это **история** не про то / как устроена онкология / и это **история** не про то / ну / отчасти про то / может быть / как устроено родительство. Это **истории** про то / как / столкнувшись с очень сильной меняющей какой-то **историей** / ты следил*

*за тем / как именно ты меняешься / и как это происходит
немножко у людей вокруг / но в общем / конечно / про себя
(УП).*

Завершая анализ нескольких периферийных употреблений слова *история*, в том числе специфичной конструкции <ИСТОРИЯ (НЕ) ПРО + Асс>, находящейся за рамками существующей лексико-графической фиксации, можно сделать вывод, что подобные периферийные употребления лексических единиц играют большую роль в повседневном дискурсе и вскрывают общие когнитивные процессы, протекающие в сознании носителей языка. Любопытно проследить судьбу этих новейших «несловарных» употреблений, и на этот счет свое мнение хорошо выразил В. М. Пахомов в подкасте, посвященном последним тенденциям в современной речи (Пахомов 2012):

- *История* – это слово, которое сейчас действительно **модное** <...>, и, как у всех модных слов, понятно, что это не навсегда <...> Может быть, когда-то кто-то употребил слово **история** вот в таком значении, которое даже трудно как-то обозначить. <...> Такое **десемантизированное** слово, значение которого трудно выделяется. И вот уже несколько лет оно действительно очень модное, оно употребляется активно. И совершенно понятно, что чем чаще, чем больше оно будет употребляться, тем быстрее нам надоест. И мы перестанем употреблять слово **история** в этом значении.

Это высказывание согласуется с наблюдением о том, что «периферийные употребления <...> в целом оказываются гораздо более употребительными в нашей речи, чем исходная форма» (Богданова-Белгарян 2020: 25), но периферийная зона лексико-семантического поля слова является той «благодатной почвой», на которой произрастают ростки нового в нашей речи и, в конечном счете, в нашем **языке** (выделение мое – А. Б.)» (Там же 2020: 28). От

этого на первый взгляд случайные, преходящие, периферийные употребления заслуживают еще большего интереса лексикологов и лексикографов.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова Л. И. 2012.** Когнитивная информация для толковых словарей. – Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 65–70.
- Богданова Н. В. 2011.** Русское слово в трех режимах фиксации – словарь, ментальный лексикон и реальное употребление (лексикографический и лингвометодический аспекты). – Русский язык за рубежом. № 6. С. 56–64.
- Богданова-Бегларян Н. В. (Отв. ред.). 2013.** Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Монография в 3-х тт. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. СПб.
- Богданова-Бегларян Н. В. (Ред.) 2016.** Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография. СПб.
- Богданова-Бегларян Н. В. 2019.** Об одной из проблем современной коллоквиалистики (в поисках терминов для новых единиц). – Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области (Владимир, 24–26 сентября 2019 года). Владимир. С. 86–90.
- Богданова-Бегларян Н. В. 2020.** Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц. – Мир русского слова. № 2. С. 23–31.
- Богданова-Бегларян Н. В. (Отв. ред.) 2021.** Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография. СПб.

- Базаржапова А. Д. 2023.** *Веревочная или ковидная история: семантическое «опустошение» русского слова в различных типах дискурса – Русская речь.* № 1. С. 7–20.
- Всеволодова М. В. 2000.** Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.
- Литвинова Г. М. 2012.** К проблеме употребления слов-паразитов в современном русском языке. – Вестник Московского ун-та. Серия 22. Теория перевода. № 2. С. 55–62.
- Словарь русского языка. 1999.** (МАС) В 4-х т. Т. 1. Под ред. А. П. Евгеньевой. М.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ).** <https://ruscorpora.ru> (Дата обращения: 2.02.2022).
- Пахомов В. М. 2019.** Словом «история» можно обозначить все что угодно: как меняется мода на слова? <https://tehnikarechi.studio/episodes/2019/10/21/slovom-istoriya-mozhno-oboznachit-vse-что-ugodno-kak-menyuetsya-moda-na-slova> (Дата обращения: 2.02.2022).
- Соколова С. В. 2007.** Грамматикализация в системе местоименных слов современного русского языка как отражение общих когнитивных процессов. – Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 74–80.
- Стернин И. А., Саломатина М. С. 2013.** Семантический анализ слова в контексте. 2-е изд. Воронеж.
- Черняк В. Д. 2010.** Нормативные словари в современном социокультурном пространстве. – Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии. Материалы Всероссийской научной конференции. СПб, РГПУ им. А. И. Герцена, 11–13 ноября 2009 года. СПб. С. 22–27.

РУССКИЙ ЯЗЫК БУДУЩЕГО: ГЕНДЕРНО-НЕЙТРАЛЬНЫЙ ИЛИ ГЕНДЕРНО-ИНКЛЮЗИВНЫЙ?

Ирина Григорьева (Минск)

Современная лингвистика давно и основательно развивается на основе антропоцентрической парадигмы и не может не фиксировать изменений, происходящих в дифференциации гендерных ролей в социальной коммуникации. Актуальность исследования объясняется открытостью общества к изменениям, происходящим в нем, связанным с возможностью всех его членов к самореализации, а также необходимостью поиска в условиях лингвистической политкорректности соответствующих точных номинаций для всех участников коммуникации, поскольку система грамматических форм лица в современном русском языке не имеет адекватных грамматических средств для выражения гендерной нейтральности и гендерной инклюзивности. Третий гендер остается по-прежнему не включенным в систему грамматических форм русского языка.

Под *третьим гендером* понимается термин, используемый для описания людей, которые не идентифицируют себя ни как женщину, ни как мужчину; то есть, причисляют себя к иному гендеру, не укладывающемуся в традиционную двоичную систему понимания гендера (см.: Савина 2016). Таким образом, сформировался конфликт между тем, что диктует жизнь, и тем, какова реальная языковая практика.

Изучением гендера в лингвистике занимается лингвогендерология, или гендерная лингвистика. Она, как любая дисциплина, оперирует различными понятиями. В связи с чем необходимо рассмотреть базовый терминологический аппарат и остановиться на основных понятиях, поскольку не существует единого подхода к их определению. Следует начать с разграничения триады *пол – гендер – сексуальность* и затронуть некоторые из сопряженных с ними терминов, а именно: *норма, гендерная роль, гендерная идентичность, гендерное проявление, феминность, маскулинность, андрогиния/ андрогинность, лингвистическая инклюзивность, сексуальная ориентация и сексуальная идентичность*.

Во-первых, для того, чтобы понять, что такое гендер, необходимо определить, что есть норма. К этому вопросу достаточно часто апеллируют, когда в обыденности люди затрагивают эту тему. *Норма* – нечто, имеющее регулярное проявление и обязательность к соблюдению. В целом значения нормы в толковом словаре представлено следующим образом: 1) узаконенное установление: правовые нормы; 2) обычный, общепринятый, обязательный порядок, состояние чего-л: нормы поведения. Нормы литературного языка; 3) образец, правило (см.: Евгеньева 1999: 508–509).

Сексуальность – совокупность биологических, психофизиологических, душевных и эмоциональных реакций, переживаний и поступков человека, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения, или комплекс характеристик связанных с половым влечением, а *сексуальная ориентация* – направленность полового влечения и *сексуальная идентичность* – осознание себя как имеющего (не)определенную сексуальную ориентацию (см.: Шевченко 2016: 177–178).

Биологический пол – это совокупность анатомических, физиологических, биохимических и генетических характеристик, отличающих мужской организм от женского и могущих применяться по

отдельности или в комплексе для идентификации и различения мужчины от женщины (Академик 2020).

К сожалению, интерсексуальный пол не учитывается в русском языковом пространстве в аспекте грамматических категорий, несмотря на то, что количество интерсексуальных людей в мире составляет около 0,5–1,7% (United Nations Human Rights 2021).

Соответственно, желая отразить объективную реальность и учитывать все возможные варианты, а не только традиционно зафиксированные в нашей работе, мы опираемся на несколько другое определение:

Пол – совокупность биологических характеристик, связанных с репродуктивной функцией организма. Таким образом, кроме женского и мужского полов, мы будем включать различные вариации интерсексуального пола наравне с общепринятыми. Пол является одной из предпосылок формирования гендера, однако гендер не является полом или социальным полом, как часто его могут называть в различных русскоязычных научных работах.

В результате компонентно-контрастивного анализа лексикографических статей данного термина в 12 академических словарях: 6 англоязычных, 6 русскоязычных, для каждого языка 3 из которых толковые и 3 специализированные (1 словарь гендерных исследований, психологический и социологический) (Oxford English Dictionary 2021, Merriam-Webster 2021, Lexico.com 2021, A Dictionary Of Gender Studies 2021, APA Dictionary of Psychology, Open Education Sociology Dictionary 2021, Горбачевич 2006, Крысин 1998, Ефремова 2006, Воронина 2002, Ребер 2002, Джери 1999) мы пришли к выводу, что существуют разночтения в определении понятия «гендер».

Общее для англо- и русскоязычных лексикографических источников:

- В подавляющем большинстве отсутствует явная дифференциация между гендером и полом.

- Зачастую гендер рассматривается с точки зрения социального конструкта без учета психологической грани феномена.
- Более того, третий гендер и различные его вариации либо отсутствуют в объеме понятий, либо включены непоследовательно, что позволяет говорить о недостаточной разработанности проблемы гендера.

Специфика англоязычных источников:

- Особенность англоязычного термина «gender» состоит в том, что в английском языке гендером называется грамматическая категория рода.
- В английском языке для трех пар русскоязычных лексем существо *женского/мужского пола, самка/самец и человек женского/мужского пола* существует лишь 1 пара лексем *female/male*, что может существенно отражаться и на понимании гендера (*female, male* встречаются в 5 из 6 словарях). В то же время в русскоязычных источниках употребительными аналогами выступают лексемы *мужчина* и *женщина*, которые включают в объем значения как биологические характеристики, так и спектр гендерных особенностей.
- В целом англоязычные словари более подробно описывают термин «гендер», однако, возможно, объясняют его биологической детерминацией.

Что касается термина в русскоязычных лексикографических источниках, то следует отметить социальную детерминацию гендера, но в качестве видов гендера рассматривают лишь женщину и мужчину. При этом в русскоязычных словарях гендер, на наш взгляд, недостаточно или неадекватно описан, в 3 из 6 рассмотренных словарей этот термин отсутствует, что может быть обусловлено рядом причин:

- 1) Характерная консервативность и гендерная политика пропаганды бинарной парадигмы женского и мужского в русскоязычной культуре.

- 2) Более длительный период развития в сфере осознания и принятия многообразия Другого, в том числе гендера и сексуальности (все изученные словари изданы в конце 20 – начале 21 веков, когда был пик феминистского направления в русскоязычной лингвистике, поэтому тема рассматривалась с точки зрения того, чтобы заметить женщину рядом с мужчиной, о третьем гендере речи еще не шло. До этого можно сказать, что гендерная проблема была в принципе не разработана).
- 3) «Лексикографический застой», или отсутствие финансирования на создание обновленных академических словарей в онлайн и/или печатном формате. Соответственно, новые культурные и языковые феномены не регистрируются.

С точки зрения социологии, гендер важен в его *гендерных ролях* – в наборе ожидаемых образцов поведения для человека определенного пола (см.: Шевченко 2016: 66). Гендерные роли, а также собственно гендер, состоит из феминности, маскулинности и/или андрогинности в разном процентном соотношении:

Феминность (женственность) – характеристики, связанные с женским полом, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе, или же социально определенное выражение того, что рассматривается как позиции, внутренне присущие женщине (Денисова 2002; Шевченко 2016: 253).

Маскулинность (мужественность) – то же, что и феминность, но по отношению к человеку мужского пола и его социальной (гендерной) роли (Шевченко 2016: 149).

Андрогинность (или андрогиния) – совмещение в индивиде маскулинных и феминных черт (Шевченко 2016: 9). Или наоборот, в словаре Американской психологической ассоциации андрогинность – «проявление отсутствия» как мужественности, так и женственности во внешних проявлениях (APA Dictionary of Psychology. Androgyny).

Можно отметить, что наше восприятие других людей зависит от их пола, так как данный ментальный фрейм конструируется с рождения. Самый первый вопрос, обычно задаваемый будущими родителями, «это мальчик или девочка?», что говорит о важности этого вопроса уже на данном этапе. С другой стороны, в исследуемых языках есть лексемы среднего рода: *дитя*, *baby* или *das Kind*.

Если говорить о трансгендерных людях (о собственно трансгендерах), например, трансгендерных женщинах, их опыт, т. е. людей, проживших часть жизни мужчиной и сменивших пол в результате операции, показывает, насколько наше восприятие других людей зависит от их пола. Семье, друзьям и коллегам необычайно трудно сказать «она» о ком-то, кого они знали, как «его» (см.: Гидденс 2005).

В данном исследовании гендер рассматривается согласно следующей классификации:

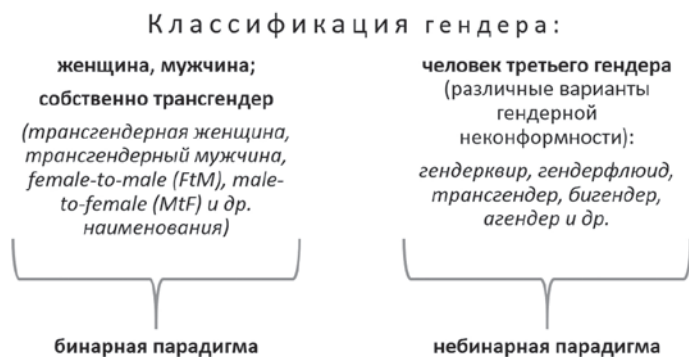

Рисунок 1. Классификация гендера

Таким образом, гендер и его составляющие – это лишь вопрос восприятия. Более того, наше восприятие и мышление работают по бинарному принципу, в связи с чем третий гендер является намного более трудным для восприятия. Возникнет ли новая бинарная оппозиция, трансформируется ли существующая или появится

тернарная? Наука развивается достаточно интенсивно. Невозможное становится новой реальностью. Сторонники постгендеризма полагают, что существование гендерных ролей и социальной стратификации, а также когнитивных и физических различий в общем оказывает негативное влияние на жизнь отдельных людей (см.: Dvorsky 2008, Ульянов 2013: 160).

В то время как для социологии актуально понятие гендерной роли, для психологии важно понятие *гендерной идентичности*, которое понимается как внутреннее самоощущение по поводу того, с каким гендером человек себя идентифицирует.

Все это терминологическое многообразие, на наш взгляд, хорошо систематизировано на *Рисунке 2*:

Рисунок 2. Гендер, пол, ориентация?

Исследование понятие «гендер» в различных лексикографических источниках подтвердило недостаточную разработанность данного термина. В связи с этим у нас возникла необходимость уточнить исследуемое понятие и предложить свое определение гендера, а именно:

Гендер – это спектр семантических характеристик, отражающих категории феминности, маскулинности или андрогинности и реализованных в языковых единицах разных уровней. В зависимости от контекста, под такими характеристиками могут подразумеваться социальные структуры (в частности, гендерные и другие социальные роли) или гендерная идентичность.

При этом необязательно полагать, что третий гендер является чем-то малочисленным и обособленным. В современном обществе традиционная бинарная парадигма уже изживает себя. Следовательно, можно сказать, что третий гендер в разных пропорциях есть в каждом человеке.

Гендер репрезентируется в языке, в частности, в грамматике. В первую очередь следует сказать о классификации языков по типу парадигмы грамматического рода (Wikipedia – Grammatical gender, Wikipedia – List of languages by type of grammatical genders).

без грамматической категории рода австронезийские, тюркские и уральские, персидские языковые семьи
мужской – женский романские, балтийские, кельтские, индостанские и афразиатские языки
мужской-женский-средний более поздние формы протоиндоевропейского языка, санскрит, норвежский язык в большинстве диалектов и в обеих письменных формах (бокмоль и нюношк), Маратхи, греческий, латинский, румынский, немецкий, стандартный голландский (и некоторые диалекты) и славянские языки
одушевленные-неодушевленные более ранние формы протоиндоевропейского языка, вымершие Анатолийские языки, баскский, оджибве, северный курдский язык (курманджи)
общий-средний датский, шведский, голландский, норвежский диалект Бергена
другое (человек-нечеловек, рациональное-нерациональное) дравидийские языки

Рисунок 3. Система языковых парадигм по грамматическому роду

На данный момент, в мире доминирующей парадигмой грамматической категории рода в языке является та, которая отсутствует (см.: Corbett 2013).

Стоит отметить, что если в английском языке в силу системно-структурных особенностей достаточно легко учитывать гендерную вариативность, то в строгих синтетических языках, таких как русский, с этим возникает проблема.

Проблема грамматической категории рода, сопряженная с проблемой вариативности гендера, ставит новую проблему – проблему языковой толерантности, которая по-разному решается в языках. Ниже представлены варианты языковых средства отражения третьего гендера в немецком, русском и английском языках.

Таблица 1. Варианты языковых средств отражения третьего гендера в немецком языке

Немецкий язык
Грамматика
mein x best x Freund x
mein_ e beste_ r Freund_ in
Freund x /Freund iks /Freund* ¹ /
Liebe j Alex, ...
Er arbeitet als Programmier erin .
Hän ist so ein coole j
Es ist ein wunderbares Enby .
Sier holt das Fahrrad. Xier liebt Katzen.
Неопределенно-личное местоимение man
<i>Причастия:</i> Sehr geehrte Mitarbeit ende der Firma ...
Лексика
<i>Общая:</i> Person, Mensch, Individuum
<i>Специальная:</i> Arzthelfer (m/w/ d), Neutrois, Nichtbinär, Genderqueer, Frann, Enby, bigender и др.
(Queer Lexikon, Nichtbinär-Wiki)

¹ Диакритический знак «звездочка», или «астериск», был введен во 2 веке до н. э. античным филологом Аристофаном Византийским для обозначения неясностей (см.: Википедия. Звездочка (типографика)).

Таблица 2. Варианты языковых средств отражения третьего гендера в английском языке

Английский язык
Грамматика
they, their
Неопределенно-личное местоимение one
Spivak pronouns (см.: Spivak pronouns)
policeman (-woman) => police officer
Лексика
Общая: person, individual, human, human being
Специальная: Mx Smith, genderqueer, nonbinary, enby, agender и др. (Nonbinary Wiki)

Таблица 3. Варианты языковых средств отражения третьего гендера в русском языке

Русский язык
Грамматика
1. поэт, поэтка – поэт*ка ²
я пришла
я открыл дверь и понял
я открыл*а
я открыло
я открыли
2. Причастия:
учителя, учительницы – обучающие
студенты, ученики – обучающиеся
ответчики, ответчицы – обвиняемые
Лексика
Общая: человек, лицо, персона, личность, индивид
Специальная: гендерквир, агендер, бигендер, гендерфлюид, господамы и др.
(Ковальски 2020, Сперанских 2021, Першай 2017)

² При прочтении и произнесении словоформ с вставными диакритическими знаками возникают трудности, поэтому предлагается делать небольшую паузу или твердый приступ, чтобы не допустить омофонии с формой одного из родов (см.: Першай 2017).

Также сформировалась система невербальных средств отражения третьего гендера, примерами могут служить следующие изображения (Википедия 2021. Gender sign, Koreaboo.com 2017, Nonbinary Wiki):

Рисунок 4. Невербальные средства отражения третьего гендера

Сегодня актуальна проблема толерантности к инаковости и в целом проблема прав человека. Согласно декларации ООН, каждый человек имеет право на свободу самовыражения (не выходя за пределы юридически установленных законов) без какой-либо дискриминации, и каждый при этом должен уважать Другого, его свободу и права. В статье 1 настоящей декларации говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (Организация Объединенных Наций 1948).

Однако сама декларация ООН, основополагающий документ мира по правам человека, еще не до конца толерантен, поскольку в статье 16, пункте 1 не признает людей 3-го гендера, говоря, что «мужчины и женщины, могут вступать в брак, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать свою семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения» (Организация Объединенных Наций 1948). В англоязычном варианте те же «*men and women*». В других статьях декларации говорится «каждый человек», очевидно, так было бы уместно и в этом случае. Кроме того, можно предложить обобщенно-нейтральный вариант «лицо».

Соответственно, если проблема существует даже в высоко-развитых толерантных организациях, можно говорить о высокой актуальности гендерного вопроса, а именно гендерной толерантности. Необходимо учитывать третий гендер в языке, что можно сделать двумя способами: посредством *лингвистической инклюзивности* – «включенности в язык и культуру всех гендерных идентичностей и групп» (Першай 2017) или посредством нейтрализации гендера как такового.

Обобщая вышесказанное, хотелось бы отметить, что языковая реальность требует более быстрого реагирования от языковой системы. Конечно, экстралингвистические факторы играют определяющую роль в формировании языковых норм и как негласных, так и установленных эталонов лингвокультурного поведения, поэтому важным является вопрос о том, насколько быстро может произойти государственное регулирование языковых норм. Речь идет в первую очередь об изменении грамматики категории рода и лица и их морфологических показателей с целью учета гендерного многообразия.

В этой связи по-прежнему остается нерешенным вопрос о том, нейтрализуется ли любой показатель гендера или, наоборот, каждая

гендерная идентичность будет акцентирована в русском языке, что свидетельствует о необходимости более глубокого и детального исследования в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

- Академик.** Пол (биология). Биологический пол. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/8917> (Дата обращения: 18.12.2020).
- Википедия. 2021.** Gender sign. https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Gender_sign.svg (Дата обращения: 10.02.2022).
- Википедия.** Звездочка (типографика). [https://ru.wikipedia.org/wiki/Звездочка_\(типографика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Звездочка_(типографика)) (Дата обращения: 26.01.2020).
- Воронина О. А.** Словарь гендерных терминов. <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (Дата обращения: 21.11.2020).
- Гидденс Э. 2005.** Социология. М.: Едиториал УРСС
- Горбачевич К. С. 2006.** Словарь современного русского литературного языка. В 20-ти т. Т 4. М.
- Денисова А. А. 2002.** Словарь гендерных терминов. <http://www.owl.ru/gender/> (Дата обращения: 10.11.2020).
- Джери Д. 1999.** Большой толковый социологический словарь. <http://sociology.niv.ru/doc/dictionary/big-sociological/fc/slovar-195-1.htm#zag-292> (Дата обращения: 10.11.2021).
- Евгеньева А. А. 1999.** Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2. М.
- Ефремова Т. Ф. 2006.** Современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. Т.1. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-195-4.htm#zag-17834> (Дата обращения: 10.11.2021).
- Ковальски А. 2020.** Гид по местоимению «они»: Как его используют небинарные люди. <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/251493-them-they-theirs> (Дата обращения: 09.02.2022).
- Крысин Л. П. 1998.** Толковый словарь иностранных слов. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-krysin/index.htm#195> (Дата обращения: 10.11.2021).

- Организация Объединенных Наций. 1948.** Всеобщая декларация прав человека. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 12.10.2021).
- Першай А. 2017.** Гендерно-нейтральный язык и небинарные идентичности: как реформировать язык? – «MAKEOUT». <https://makeout.by/2017/02/27/genderno-neutralnyy-yazyk.html> (Дата обращения: 08.12.2019).
- Ребер А. 2002.** Оксфордский толковый словарь по психологии. <https://vocabulary.ru/slovari/oksfordskii-tolkovyi-slovar-po-psiologii.html> (Дата обращения: 10.11.2021).
- Савина А. 2016.** От дисфории до бендинга: Словарь важных гендерных терминов. <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/217975-gender> (Дата обращения: 12.09.2019).
- Сперанских Ж. 2021.** Оно/его и основы небинарной вежливости. https://vk.com/wall-186167164_1222?ysclid=11ebznmkds (Дата обращения: 03.02.2022).
- Ульянов В. А. 2012.** Постгендерная характеристика виртуального: генезис андрогинности. – Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. № 2. С. 158–171.
- Шевченко З. В. 2016.** Словник гендерних термінів. <http://a-z-gender.net/ua/wp-content/uploads/2018/05/Slovyk-gendernyh-terminiv.pdf> (Дата обращения: 01.05.2020).
- APA Dictionary of Psychology.** Androgyny. <https://dictionary.apa.org/androgyny> (Дата обращения: 15.01.2021).
- APA Dictionary of Psychology.** Gender. <https://dictionary.apa.org/gender> (Дата обращения: 15.01.2021).
- Bell К. 2013.** Open Education Sociology Dictionary. <https://sociology-dictionary.org/gender/> (Дата обращения: 10.11.2021).
- Corbett G. G. 2013.** Number of Genders. – The World Atlas of Language Structures Online. <https://wals.info/feature/30A#2/26.7/149.2> (Дата обращения: 11.05.2020).

- Dvorsky G., Hughes J., Hartford C. T. 2008.** Postgenderism: Beyond the Gender Binary.
- Griffin G. 2017.** A Dictionary of Gender Studies. <https://www.oxford-reference.com/view/10.1093/acref/9780191834837.001.0001/acref-9780191834837-e-148?rskey=gMnJEF&result=149> (Дата обращения: 20.01.2022).
- Koreaboo.com. 2017.** Japanese Summer Olympics To Include Transgender-Friendly Bathrooms. <https://www.koreaboo.com/news/japanese-summer-olympics-include-transgender-friendly-bathrooms/> (Дата обращения: 29.01.2022).
- Lexico.com Dictionary 2021.** <https://www.lexico.com/definition/gender> (Дата обращения: 10.11.2021).
- Merriam-Webster.com Dictionary. 2021.** <https://www.merriam-webster.com/dictionary/gender> (Дата обращения: 10.11.2021).
- Nichtbinär Wiki.** Geschlechtsneutrale Sprache. https://nibi.space/geschlechtsneutrale_sprache (Дата обращения: 10.05.2020).
- Nonbinary Wiki.** <https://nonbinary.wiki/wiki/Nonbinary> (Дата обращения: 13.04.2020).
- Nonbinary Wiki.** Public toilets. https://nonbinary.wiki/wiki/Public_toilets (Дата обращения: 29.01.2022).
- Oxford English Dictionary. 2021.** <https://www.oed.com/view/Entry/77468> (Дата обращения: 10.11.2021).
- Queer Lexikon.** <https://queer-lexikon.net/2017/06/08/nichtbinaer/> (Дата обращения: 17.01.2022).
- Sexo.ru. 2012.** Гендер, пол, ориентация. А кто вы? (ИНФОГРАФИКА и холивар). <https://sexo-ru.livejournal.com/5398.html> (Дата обращения: 08.03.2020).
- Spivak pronouns.** <https://tr.pinterest.com/pin/535717318153081257/> (Дата обращения: 01.05.2020).
- United Nations Human Rights. 2017.** FACT SHEET Intersex. <https://www.unfe.org/wp-content/uploads/2017/05/UNFE-Intersex.pdf> (Дата обращения: 23.03.2021).

Wikipedia. List of languages by type of grammatical genders https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_languages_by_type_of_grammatical_genders (Дата обращения: 05.04.2020).

Wikipedia. Grammatical gender https://en.wikipedia.org/wiki/Grammatical_gender (Дата обращения: 05.04.2020).

РОЛЬ СКАЗКИ В РАЗВИТИИ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ РУССКО- ИТАЛЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

Ирина Демьянова (Таллин)

Русскоязычная диаспора за рубежом – огромное транскультурное сообщество, где существует высокая потребность в нахождении разных форм единения и куда присоединяются те люди, которые знают русский язык и считают его родным. Русскоязычные родители родившихся за рубежом или вывезенных в раннем возрасте на постоянное место жительства за границу детей стараются сохранить у них владение русским языком, познакомить с русской культурой и привить к ней любовь. Однако зачастую у родителей не хватает навыков, умений или средств для сохранения языка, культуры, передачи лингвострановедческой информации, а также развития и поддержки билингвизма.

Кто же такие билингвы и как происходит развитие билингвизма в Италии? Первые исследователи двуязычия, в частности Л. Блумфилд, (см.: Блумфилд 1968: 23) понимали под билингвами тех, кто мог использовать в общении два языка в качестве родных языков. Сам феномен билингвизма может быть рассмотрен с использованием самых разных подходов: социолингвистического, психолингвистического, педагогического. Например, социолингвистическое различие существует между горизонтальным двуязычием, типичным

для сообществ, где все используемые языки имеют равный социальный статус, и вертикальным дву-язычием, в котором только один язык считается официальным. Кроме того, билингвизм можно разделить на множество подгрупп: по возрасту и способу усвоения второго языка (детский и поздний), по среде освоения языка (естественная и искусственная), по последовательности овладения двумя языками (одновременный и последовательный билингвизм), по уровню использования (сбалансированный, несбалансированный) и т. д.

С явлением эмиграции, получившей в XX в. большие масштабы, связано и появление термина *heritage language*, который занял прочное место в терминологии билингвизма и вызвал множество споров и разночтений при переводе его на русский язык: херитажный, эритажный, наследный, наследуемый, второй родной, семейный, домашний и т. д. (Низник 2019). Говоря об эмигрантах второго поколения или, иными словами, эритражниках, нельзя не заметить, что они часто определяются в работах ученых как «полуязычные» или «псевдобилингвальные» (Polinsky, Kagan 2007: 369), не в полной мере владеющие одним из языков.

Что касается Италии, как страны-реципиента иностранцев и страны, где развивается билингвизм, то можно сказать, что данный феномен представляет собой достаточно свежее и еще не полностью стабилизировавшееся явление, характеризующееся «быстрым переходом за короткий период двух десятилетий от страны с большим потоком эмиграции к стране, куда иммигрируют» (Ambrosini & Molina 2004: 11).

Миграционные потоки в Италию достигли особенно значительных размеров в семидесятых годах прошлого века, однако оказали влияние на национальную демографию лишь в девяностые годы. После падения Берлинской стены в 1989 г., распада Советского Союза, а также после расширения Европейского Союза в 2004 и 2007 гг. Италия стала принимать растущие потоки мигран-

тов из бывших социалистических стран Восточной Европы. Увеличивающийся поток мигрантов повлек за собой возникновение такого феномена, как сосуществование в одном ограниченном пространстве (семье, школе и т. п.) нескольких культур и языков, вследствие чего в Италии возрос интерес к теме овладения вторым языком и раннему двуязычию. Так, нейробиолог Ф. Фаббро (Fabbro 1996, 2004) выдвинул несколько теорий о благотворном влиянии раннего билингвизма на общее развитие языковой компетенции. Нейролингвисты Л. Салмон и М. Мариани (Salmon, Mariani 2008) провели углубленные исследования по билингвизму и применению нейро-лингвистических знаний к преподаванию языков.

Детский билингвизм, монолингвизм или же смешение языков зависят от стратегии, применяемой родителями в семье при общении с детьми (De Hower 2009: 77). Наиболее распространенной стратегией является ОРОЯ («один родитель – один язык»), которая также известна под буквенной аббревиатурой ОPOL («one parent – one language»). При следовании данной стратегии, называемой также персональным принципом, каждый из родителей обычно общается с ребенком на своем родном языке (Ambrosini 2004; Чиршева 2012).

Возвращаясь к теме русско-итальянского двуязычия, необходимо отметить, что в Италии преобладают смешанные семьи, где чаще мать русскоязычная, а отец говорит по-итальянски и между собой родители общаются тоже по-итальянски. В то время, как одни родители подходят к формированию билингвизма и бикультурализма у детей достаточно осознанно и структурированно, в других семьях этот процесс осуществляется стихийно и не контролируется. В случае, когда оба родителя выражают желание передать детям свой язык и культуру, итальянский язык является доминирующим (окружение, школа, семья), и, следовательно, очень малая часть детей использует русский язык активно: в результате, на русскоязычную речь дети отвечают либо на смеси двух языков, либо по-итальянски. Кроме того, в Италии – вероятно для более

полной интеграции в общество – при общении с детьми вне дома распространяется тенденция 100%-го использования итальянского языка и со стороны русскоязычного родителя.

Наряду с этим, русскоязычное население Италии проживает довольно изолировано: несмотря на достаточно большое число русскоговорящих, нельзя говорить о существовании настоящих, хорошо организованных и функционирующих русскоязычных общин (Perotto 2003, 2009). Многие русскоязычные жители Италии не столько ищут друзей и знакомых, которые говорят по-русски, сколько самостоятельно стараются сохранить культурные ценности и «русский менталитет». В то же время, при контакте между русскоязычными жителями Италии русский язык имеет роль «лингва франка» и регулярно используется для коммуникации между людьми, родными языками которых являются не только русский, но и другие.

Подобная ситуация дефицита языкового общения не может не влиять на уровень русского языка детей-билингвов, на лексическое богатство их языка. Более того, современный мир наполнен всевозможными техническими новинками и языковая поддержка в виде чтения книг, просмотра фильмов, посещения театральных представлений, к сожалению, отходит на второй и даже третий план, вытесняясь играми на телефоне, планшете и компьютере, просмотром коротких развлекательных роликов в Instagram, TikTok, YouTube. Данные виды проведения досуга проходят на языке среды и школы, так как впоследствии дети делятся впечатлениями со своими сверстниками, говорящими по-итальянски. Помимо этого, большая часть детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста плохо знает героев сказок, так как на их место пришли персонажи современных компьютерных игр или блогеры-геймеры, которые на своих каналах рассказывают о компьютерных играх и снимают видео на эту тему (Демьянова, 2020: 32). Современные «электронные игрушки» способствуют появлению нового поколения детей,

которые «учатся стрелять раньше, чем разговаривать» (Керделлан, Грезийон 2006: 6), а в двуязычной среде либо в условиях систематического общения на неродном языке дефицит речевых умений может усугубляться.

Ситуация, описанная выше, не лучшим образом сказывается на развитии речи, тем более если мы говорим о ребенке-билингве, который, попав в иноязычную среду, не может, как дети, находящиеся в среде полностью русскоязычной, компенсировать недостаток коммуникации на русском языке общением с родственниками или сверстниками. К этому добавляются, как было уже сказано, неумение общаться, присутствие в речи слов-паразитов или слов из молодежного сленга, не соответствующих возрасту, недостаточное развитие словарного запаса, которое заметно даже при краткой монологической речи и проблемы незнания сказок и их героев. Принимая во внимание все вышеперечисленные факторы, было решено провести исследование и выяснить роль сказки в развитии и совершенствовании монологической речи русско-итальянских детей-билингвов.

Почему же именно сказка была выбрана в качестве исследуемого метода развития монологической речи русско-итальянских детей-билингвов? Этому способствовали несколько мотивов. Во-первых, слушая сказку, дети не только обогащают свой словарный запас, но и развивают усидчивость, внимание, умение понимать речь. Во-вторых, сказка не только открывает ребенку мир человеческих чувств и взаимоотношений, но и ненавязчиво, мягко, в подходящем темпе и форме приобщает к русской культуре и русскому языку, знакомит с миром литературы. Еще одним важным моментом является и то, что сказки имеют особенный механизм психологического воздействия на человека и именно сказка содержит тот самый необходимый элемент волшебства, который является для ребенка продолжением игры, учит детей познавать мир, воспитывает, прививает чувство прекрасного. Если синтезировать схему сказки, то можно сказать, что

каждая сказка строится по следующему плану: а) зачин; б) нарушение начального равновесия (причина или задание); в) приключение героя; г) восстановление равновесия (завершение). Следовательно, схема сказки имеет повторяющиеся функции действующих лиц, а такая повторяющаяся схема помогает ребенку предугадать, что будет дальше и тем самым, в некоторых случаях, облегчить понимание развития сюжета (Пропп 1928).

В сказках содержится большое количество эпитетов, оценочных признаков: красивый/уродливый, чистый/грязный, большой/маленький, которые, порой, становятся частью имени одного из главных героев (Василиса Краса, Чудище, Конек-горбунок, Мужичок с ноготок, Крошечка-Хаврошечка). Сказки полны волшебных присказок, пословиц и поговорок, составляющих часть русской культуры, являющихся основой для шуток и юмора: «Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом», «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя и подавно уйду!», Кащей (худой как), Баба-яга (неприятный характер), «при царе Горохе», «сказка про белого бычка», «Чего тебе надобно, старче?», «пойти за тридевять земель», «остались рожки да ножки», «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», «по щучьему велению... по моему хотению» и т. п.

Сказка помогает в игровой форме усвоить правила грамматики русского языка. Например, с помощью сказки «Репка» можно познакомиться с винительным падежом и выучить новые глаголы: *посадить, тянуть, позвать*.

При помощи сказок не только обогащается словарный запас, но и начинается формирование фоновых знаний. Развитие фоновых знаний при помощи сказок происходит, например, при перечислении количества сыновей, которые были у купца (сказка «Царевна Лягушка») или попыток что-либо совершить (в классической русской волшебной сказке в этих случаях присутствует число *три*). Зачастую соприкосновения с культурой происходят не только при

знакомстве с истинно народными сказками, но и при чтении переводной литературы. Например, в классической русской версии сказки «Красная Шапочка» главная героиня несет бабушке пирожки и горшочек масла, тогда как в итальянской версии бабушка получает фокаччу и бутылку вина.

В русских сказках присутствует множество антропоморфных персонажей, которых нет в сказках других народов: Баба Яга, Морозко, богатырь, нечистый, ведьма, русалки и т. д. Есть также женский и мужской варианты сверхъестественных существ: колдун – колдунья, чародей – волшебница, ведьма – черт (бес, нечистый), а люди делятся на возрастные группы: старик – старуха, молодец – девица, мальчик – девочка.

Все эти вводные данные русской культуры довольно многочисленны и более естественным образом могут быть усвоены детьми при помощи сказки.

В рамках нашего исследования о роли сказки в развитии монологической речи детей-билингвов было проведено экспериментальное обучение с группой учеников младшего школьного возраста (6–8 лет) и последующий анализ влияния сказки на речь билингвов. В эксперименте участвовали 7 детей. Среди основных целей и задач эксперимента были намечены следующие: расширение лексики и активизация словарного запаса, развитие связной монологической речи, развитие речевых умений, развитие фоновых знаний, знакомство учеников с содержанием сказок и именами сказочных героев, формирование интереса и любви к сказкам.

Первым шагом в исследовании стало определение коэффициента доминантности русского и итальянского языков (степени языковой доминантности учеников). В качестве инструмента был использован тест М. Эдельмана (Edelman 1968; см. об этом: Чиршева 2012: 198). Тестирование проходило в два этапа, по 45 секунд каждый: ученик называет все объекты, знакомые ему, сначала на одном языке (по-русски), затем на другом (по-итальянски). Исследование проходило

по следующим темам: названия животных, продуктов, персонажей сказок.

На основании полученных результатов был вычислен коэффициент доминантности по следующей формуле:

$$\left(\frac{N1 - N2}{N_{max}} + 1 \right) \div 2,$$

где N1 количество слова на Я1 (первый исследуемый язык); N2 количество слов на Я2 (второй исследуемый язык); N_{max} большее количество (N1 или N2). Если в результате вычислений Кд (коэффициент доминантности) равен 0,50, то билингвизм считается сбалансированным, 0 означает отсутствие слов на Я1, 1 означает отсутствие слов на Я2. Кд более 0,50 означает доминантность Я1, Кд менее 0,50 означает доминантность Я2. Таким образом, степень доминантности того или иного языка определяется степенью отклонения от 0,50. Тест на языковую доминантность проводился в устной форме, так как не все дети еще владеют письменной речью на русском языке. Результаты теста выявили преобладание итальянского языка у четырех из семи участников эксперимента, тогда как у остальных коэффициент доминантности продемонстрировал достаточно сбалансированный уровень билингвизма.

Вторым шагом исследования был опрос, позволивший выяснить, сколько языков родители учеников, участвовавших в эксперименте, применяют при общении с детьми, какие языковые стратегии используют, как оценивают развитие речи детей и как часто читают детям сказки. Полученные данные планировалось использовать также для того, чтобы понять, существуют ли какие-либо препятствия в ежедневном использовании русского языка как языка общения между родителями и детьми и каким образом лучше мотивировать родителей к дальнейшему сотрудничеству. Данные показали, что во всех семьях ребенок обучается на итальянском языке и раз в неделю на русском (русская школа выходного дня), а для общения в шести семьях из семи используются два языка –

русский и итальянский в одной, для «внутрисемейного» общения, используют в основном молдавский язык и иногда русский. Что касается чтения сказок, только в двух семьях из семи родители читают или рассказывают сказки более чем раз в месяц.

Для диагностики лексического запаса детей использовались тесты, ориентированные на билингвов и учитывающие не только возрастные особенности развития ребенка и его когнитивные возможности, но и специфику развития и коммуникативных особенностей билингва в условиях ограниченной речевой среды. Диагностика лексического запаса была проведена при помощи субтеста «Лексика уровня А1», а грамматического строя речи при помощи субтеста «Грамматика уровня А1», разработанных Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина.

Субтест «Лексика» состоял из 6 заданий и на него было отведено 20 минут, а среди заданий были даны, например, следующие: выбрать пары слов, как животные (ворона, лягушка, воробей, петух) общаются (квакает, каркает, мычит, кукарекает, чирикает) и исключить одно лишнее слово (*Задание 3*); составление предложений из слов в разных колонках; порядок слов в предложении, выбор подходящего глагола и дополнения (*Задание 6*).

На субтест по грамматике было отведено 15 минут, и он состоял из 6 заданий. К примеру, *Задание 1*: Кто это? Что это? (лист, вилка, бабочка, ручка, белка, лиса, роза, курица) или *Задание 2*: Составить предложения из слов в разных колонках (порядок слов в предложении, притяжательные местоимения, род прилагательных): *шапка, туфли, пальто, шарф; мой, моя, мое, мои; новый, новая, новое, новые; красивый, красивая, красиво, красивые.*

Результаты диагностики грамматического строя речи показали, что в речи тестируемых учеников-билингвов замечены следующие грамматические неточности: искажение в употреблении категории рода имен существительных; затруднения с употреблением родовых и числовых окончаний глаголов прошедшего времени; ошибки

в употреблении существительных в родительном падеже и использовании падежных форм с предлогом.

В рамках выполненного эксперимента для диагностики содержательности речи использован метод получения устных текстов, произведенных детьми-билингвами: было проведено общение по определенному плану, в ходе которого каждому члену экспериментальной группы задавались вопросы. Была организована игра «Угадай сказку по картинке», предложено задание на отгадывание сказочного произведения по отдельным отрывкам текста и придумывание волшебной истории на свободную тему.

Выполнение заданий оценивалось по десятибалльной шкале, где 10 означает исполнение без ошибок, а 1 – что субтест не был пройден. Результаты показали, что только один из тестируемых получил за каждый из субтестов 7 баллов, остальные ученики набрали 5 и 6 баллов.

Среди основных целей и задач эксперимента были намечены расширение лексического запаса, обогащение содержательности речи, а также работа над грамматической правильностью построения фраз. Для диагностики логичности и связности речи было заранее сформулированы и предложены задания на отгадывание сказки по отдельным отрывкам текста. Для исследования содержательности речи, а также ее связности и логичности ученикам было предложено описать иллюстрацию к сказке «Теремок», где были изображены животные. Иллюстрация предлагалась яркая и крупная, с доступным сюжетом и не перегруженная лишними деталями (Немов 2005: 220–222). Также было выполнено задание, когда зачитывался фрагмент сказки «Колобок» и, если ученик узнал его, то ему предлагалось продолжить рассказывать. Кроме этого, было предложено и задание, направленное на придумывание сказки на свободную тему. После выполнения этих заданий был проведен анализ полученных данных.

В описанных выше тестах проверялись такие умения, как придерживание логического описания, соблюдение логичности и

последовательности в высказываниях, а также уместность употребления слов (Гризлик, Тимощук 2004: 9).

После тестирования и обработки данных проведена работа (экспериментальное обучение) со следующими сказками: «Красная Шапочка», «Колобок», «Репка» и «Теремок». Работа началась со сказки «Красная Шапочка»: ученики признали ее наиболее знакомой и смогли рассказать на итальянском языке, но имена главных героев на русском и содержание корзинки, которую девочка несет бабушке, вызвали у них некоторые затруднения.

После этого, для развития читательской компетенции и развития речи, была разработана программа занятий с использованием сказок «Репка», «Колобок» и «Теремок» для учеников 6–8 лет.

Очень важным аспектом стал и способ преподнесения сказки, так как сказка является составляющей субкультуры детей младшего школьного возраста. Л. В. Щерба считал, что «только знание того, что именно нашим учащимся трудно в русском литературном языке, в чем они особенно часто ошибаются», помогает правильно построить как школьные учебники, так и программу обучения (Щерба, 2008: 367). В обучении детей-билингвов при помощи сказки был использован коммуникативный метод, основанный на вовлечении учеников в совместную деятельность и, следовательно, в процесс общения, использование заданий, воссоздающих ситуации общения (разыгрывании сказки по ролям, с использованием перчаточных кукол, бибабо), дифференцирование заданий, выбор сказок с учетом возраста и уровня знания русского языка и отбор материала адекватного процессу коммуникации.

Программа была рассчитана на 14 часов (раз в неделю, по 45 минут) плюс самостоятельная работа (родители и дети дома) в объеме 8 часов. Программа была разделена на несколько тематических блоков: «Домашние и дикие животные»/«Продукты»/«Сказочные персонажи русских сказок». При работе со сказками содержание текста было немного адаптировано под цели экспериментального

обучения – например, были повторены предметы интерьера (сказки «Колобок» и «Теремок»), глаголы движения, дни недели (сказки «Репка» и «Теремок»), названия родственников (сказки «Репка» и «Колобок») и т. д.

Занятия проходили как в аудитории, так и онлайн. Во время занятий в аудитории было необходимо настроить детей на урок: создать благоприятную атмосферу, устранить все отвлекающие внимание предметы, избавиться от посторонних шумов, позаботиться о том, чтобы дети чувствовали себя комфортно (например, посадить учеников в круг или переставить парты так, чтобы в классе была более уютная атмосфера). Для создания интереса детям показывалась игрушка или предмет, имеющие отношение к сказке (до занятия или же по ходу действия сказки). Кроме того, для привлечения внимания сказка начиналась, например, с имитации голосов зверей или же с имитации звуков природы (ветра, дождя).

После того, как сказка была несколько раз прочитана и была проведена работа с текстом (незнакомые слова, ответы на вопросы), были выполнены следующие задания на основе текста сказки:

Упражнение 1. Изменение текста/путаница. Так как данный прием может быть использован при работе над текстами сказок, имеющими четкую сюжетную линию или хронологическую структуру (Замковая, Моисеенко 2006: 94), для выполнения заданий была выбрана сказка «Колобок». По дороге Колобок сначала встретил лису, потом медведя, волка и зайца, а потом дед попросил бабу вылепить из теста Колобка. В дальнейшем, для выполнения данного упражнения можно изменить сказку о Красной Шапочке – например, «Зеленая Шапочка» (данное задание развивает память, юмор, логику).

Упражнение 2. Введение новых героев/условий. Вторая игра состоялась по сказке «Колобок», который встречал не тех героев, которые перечислены в сказке (заяц, волк, медведь и лиса), а

крокодила, гиппопотама, зебру, кенгуру, жирафа и динозавра (слова, которые подходили и для работы с менее сильной группой учеников, как имеющие схожесть звучания с итальянскими *coccodrillo, ippopotamo, zebra, canguru, giraffa, dinosauro*). Для проведения этого упражнения можно также выбрать сказку «Теремок» или провести игру «Корзинка Красной Шапочки»: пицца, сыр, молоко, картошка, вилка, ананас, торт и т. д. (расширение словарного запаса). Это упражнение позволяет развить память, логику (сопоставление героев или предметов в тексте оригинальной сказки) и фантазию (новые герои или предметы).

Упражнение 3. Придумывание новой концовки. В данном упражнении были задействованы сказки, уже известные ученикам. Детям был предложен, например, вариант, где Лиса не съела Колобка. При проведении дальнейшей работы с другими сказками (предположим, сказка «Спящая Красавица» или «Красная Шапочка») можно использовать, например, иную концовку: после поцелуя принца Красавица спит дальше, а Волк становится хорошим и остается жить в доме бабушки. Данное упражнение помогает обогатить словарный запас, тренирует логику, развивает фантазию.

Упражнения 4 и 5 являются наиболее сложными для выполнения, так как требуют не только наличия лексического запаса, используемого в сказке, но и умения выстроить речь согласно логике повествования: начало (или сказочный зачин «Жили-были» – середина (происшествие) – подведение к логическому завершению/конец).

Упражнение 4. Новая сказка по старому сценарию. В рамках проведенного эксперимента наиболее удачно была выполнена работа с небольшими сказками «Репка» и «Теремок». Для дальнейшей работы по данному упражнению можно выбрать, например, сказку «Красная Шапочка». Новой сказкой по старому

сценарию может стать Красная Шапочка и новые технологии, вместо девочки мальчик, который использует мобильный телефон и, когда встречает Волка, то звонит в полицию или же использует приложение Google Maps, когда потерялся (логика, фантазия, юмор, словарный запас). Из старой сказки остаются такие детали, как красная шапка, корзинка с продуктами и отрицательный герой, антагонист. Данное упражнение не только развивает логику, память и словарный запас, но и требует активации фантазии и умения выстроить повествование.

Упражнение 5. Пересказ прочитанного своими словами: синтез текста, память, логика (наиболее трудный уровень, поэтому выполнялся с опорой на картинки и мнемотаблицы). При пересказе ряда сказок это упражнение требует знания рифмованных формул, характерных для русских сказок: мышканорушка, зайчик-побегайчик и т. д. (пересказ для детей-билингвов 6–8 лет с данным уровнем знания русского языка выполнялся с опорой на картинки, схемы, мнемотаблицы).

Для активации интереса к сказкам во время работы были использованы следующие дополнительные методики:

- мнемотехника
- художественная деятельность
- экспериментирование
- двигательная активность

Применение мнемотехники заключалось в представлении текста сказки с использованием схематических зарисовок. Глядя на зарисовки-напоминания, ребенку легче вспомнить и воспроизвести текстовую информацию. При применении методов мнемотехники используется зрительно-образная память, хорошо развитая у детей 6–8 лет.

Художественная деятельность являлась дополнением занятий, с ее помощью ученики изображали не только главных героев сказки,

явления природы или предметы, но и понятия, которые разбирались во время уроков.

Рассматривая механизм восприятия ребенком сказки, А. В. Запорожец утверждал, что «слушание сказки, наряду с творческими играми, выполняет важнейшую роль в формировании вида внутренней психической активности — умения мысленно действовать в воображаемых обстоятельствах, без чего невозможна никакая творческая деятельность» (Запорожец 1948: 36). В отличие от мнемотехники во время художественной деятельности изображался наиболее запомнившийся или понравившийся эпизод сказки или же один из героев.

Развитие лексического запаса у детей неразрывно связано с познавательной деятельностью, с экспериментированием, а кинестетический опыт, ощущение пространства и объема являются важнейшим условием абстрактного мышления, ведущего впоследствии к овладению такими науками, как геометрия, алгебра, физика. Во время исследования был проведен ряд экспериментов, связанных с тематикой сказки: например, мог бы Колобок катиться, если бы он был иной формы (овал, квадрат, треугольник), сколько весит корзинка Красной Шапочки и сколько дней уходит на прорастание семян.

Очень хорошо подходит для работы с детьми, особенно дошкольного и младшего школьного возраста, двигательная память. Намного легче запомнить рассказ, если наложить на слова двигательную активность, проговаривать фразы под движения. Именно на этом основан метод действия (Total Physical Response), когда в классе звучат инструкции, содержащие новые лексические единицы на изучаемом языке, а затем эти инструкции выполняются. Слова, сопровождаемые действием, ведут к тому, что процесс запоминания проходит активнее (Акишина 2008: 21). Двигательная активность была использована в течение всего экспериментального исследования, как для переключения вида деятельности, так и для

проговаривания и иллюстрации эпизодов из сказки (катиться, как Колобок; тянуть репку, стучать в дверь и т. д.).

Повторное тестирование при помощи субтеста «Лексика уровня А1» показало, что у шести из семи учеников, участвовавших в эксперименте, заметно обогатился словарный запас и улучшились показатели по грамматике. Результаты тестирования показали, что у тестируемых количество баллов за каждый из субтестов выросло в среднем на 2 пункта. Также лучшие результаты были получены при повторном выполнении заданий на уровень лексического запаса, содержательность речи, грамматическую правильность построения фраз, логичность и связность речи.

В заключении можно сказать, что безусловно, при проведении работы со сказками необходимо в первую очередь ориентироваться на ученика и его уровень владения русским языком, а также на его интересы. Кроме того, для детей младшего школьного возраста во время обучения можно ввести такие дополнительные задания, как рисование главных героев и театральная деятельность, направленная на разыгрывание сказки по ролям или с помощью кукол.

Конечно, при развитии монологической речи у детей-билингвов и учителям, и родителям стоит запастись терпением и дать ученикам время, чтобы дети искренне поняли, почувствовали сказку, полюбили сказочных персонажей и хотели бы поделиться знаниями, впечатлениями и чувствами. Важным фактором является и то, насколько семья ученика открыта к двуязычию, насколько ее члены владеют другими иностранными языками и, следовательно, не только понимают все трудности, которые могут возникнуть у ребенка на пути к билингвизму, но и готовы помочь ему в изучении языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишина А. А., Каган О. Е. 2008.** Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного. – М.: Русский язык.
- Блумфилд Л. 1968.** Язык. М.: Прогресс.
- Гризлик Т. И., Тимощук 2004.** Развитие речи детей 6–7 лет. М.: Просвещение. С.9.
- Демьянова И. 2020.** Сказка как средство развития речи детей-билингвов среднего дошкольного возраста. – Вопросы преподавания русской литературы за рубежом: Международный сборник научно-методических статей. Под ред. П. Г. Гельфрейх, А. В. Голубевой. СПб: Златоуст. С. 32–38.
- Диагностика лексического запаса.** Субтест. Лексика уровня А1: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина <https://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/training/astart> (Дата обращения: 01.04.2022).
- Замковая Н., Моисеенко И. 2006.** Инновационные формы работы на уроке русского языка как иностранного. Tallinn: Koolibri.
- Запорожец А. В. 1948.** Психология восприятия сказки ребенком дошкольником. – Дошкольное воспитание. № 9. С. 34–41.
- Керделлан К., Грезийон Г. 2006.** Дети процессора: Как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых. Екатеринбург: У-Фактория.
- Львов М. Р. 1975.** Речь младших школьников и пути ее развития: Пособие для учителей. М.: Просвещение.
- Немов Р. С. 2005.** Психодиагностика: Введение в научно-исследовательскую психологию исследования с элементами математической статистики. М.: Владос. С. 220–222.
- Пропп В. 1928.** Морфология сказки. – Ленинградская Правда. Л: Academia. https://imwerden.de/pdf/propp_morfologiya_skazki_academia_1928_text.pdf (Дата обращения: 14.04.2022).

- Протасова Е. Ю., Родина Н. М. 2005.** Многоязычие в детском возрасте. СПб.: Златоуст.
- Цейтлин С. Н. 2001.** Словарь детских словообразовательных инноваций. München.: Völker und Ritter GmbH <https://library.oapen.org/bitstream/id/e609e1c3-c62d-4bb4-8fc3-f8f58ad5f120/1003927.pdf>, (Дата обращения: 14.04.2022).
- Чиршева Г. Н. 2012.** Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст.
- Щерба Л. В. 2008.** Языковая система и речевая деятельность. М.: ЛКИ.
- Ambrosini, M., Molina, S. 2004.** Il futuro in mezzo a noi. Le seconde generazioni scaturite dall'immigrazione nella società italiana dei prossimi anni. – *Seconde generazioni: Un'introduzione al futuro dell'immigrazione in Italia*. Torino: Edizioni della Fondazione Giovanni Agnelli. P. 1–53.
- De Hower A. 2009.** Bilingual First Language Acquisition. – *Bristol: Multilingual Matters*. P. 77.
- Fabbro F. 1996.** Il cervello bilingue. *Neurolinguistica e poliglossia*. Roma: Astrolabio.
- Fabbro F. 2004.** Neuropedagogia delle lingue: Come insegnare le lingue ai bambini. Roma: Astrolabio.
- Perotto M. 2003.** Стратегии переключения и смешения кода в устной речи русских, живущих в Италии. – *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс*. М: Азбуковник. С. 276–291.
- Perotto M., Ambrosi C. 2009.** Emigrazione e bilinguismo: Realtà russofone a confronto. – *Studi Slavistici vol.VI*. Florence: Firenze University Press. P. 171–195.
- Polinsky M., Kagan O. 2007.** Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. In: *Language and Linguistic Compass* 1, 5. P. 368–395.
- Salmon L., Mariani M. 2008.** Bilinguismo e traduzione: dalla neurolinguistica alla didattica delle lingue. – Milano: FrancoAngeli.
- Weinreich U. 1953.** Languages in Contact: Findings and Problems. New York: Linguistic Circle of New York.

СПЕЦИФИКА ИЕРАРХИИ ТЕРМИНОВ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Полина Довгопят (Санкт-Петербург)

Актуальность данной работы обусловлена проблемой отсутствия четко выраженной иерархии искусствоведческой терминосистемы. Цель настоящего исследования состоит в определении особенностей структуры искусствоведческой терминосистемы от ее ядра до периферии. В задачи исследования входит: (1) определение специфики понятия «термин»; (2) установление отличительных особенностей искусствоведческого термина от общенаучного; (3) выявление структурных особенностей искусствоведческой терминосистемы. В ходе настоящего исследования сформулирована следующая гипотеза: неопределенность терминологического статуса лексических единиц, относящихся к ключевым понятиям искусствоведения, свидетельствуют об отсутствии четко очерченного ядра терминосистемы данной научной дисциплины. К лингвистическим методам исследования относятся дефиниционный анализ, элементы семасиологического анализа. Материалом настоящей работы послужили специализированные словари искусствоведческой терминологии английского языка: *The Oxford Dictionary of Art* (Chilvers 2004), *The Oxford Dictionary of Art and Artists* (Chilvers 2009), *The Concise Oxford Dictionary of Art Terms* (Clarke 2010), *The Oxford Dictionary of Art and Artists* (Chilvers 2015).

Перед обращением к особенностям иерархии искусствоведческой терминосистемы необходимо определить специфику понятия «термин». К. Я. Авербух понимает термин как специальное понятие, относящееся к определенной научной сфере: «Термин – это элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальное понятие определенной области деятельности» (Авербух 2006: 131). Данную точку зрения разделяет и В. М. Лейчик, отмечая, что термин может обозначать как конкретное, так и абстрактное понятие: «Термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей (ЯСЦ), обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» (Лейчик 2006: 31–32). Б. Н. Головин добавляет, что по форме термин может быть как простым, так и сложным: «Термин – это отдельное слово или образованное на базе имени существительного подчинительное словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд общения в сфере определенной профессии (научной, технической, производственной, управленческой)» (Головин 1987: 10). М. Н. Володина также полагает, что термин по форме может быть словом или словосочетанием специальной сферы, при этом отмечая, что термин основан на дефиниции (см.: Володина 1996: 33). В. П. Даниленко относит дефинированность к неизменным свойствам термина (см.: Даниленко 1983: 198). А. А. Реформатский также выделяет такие свойства термина, как однозначность, ограниченная сфера употребления и системность образования (см.: Реформатский 1996: 165–166). Согласно словарю-справочнику лингвистических терминов, термин точно обозначает какое-либо понятие, применяемое в науке, технике, искусстве. От общеупотребительных слов термин отличает отсутствие экспрессии, и, как правило, однозначность (Розенталь, Теленкова 2001: 402).

Помимо принадлежности к языку для специальных целей, точности, желательной однозначности, отсутствия экспрессии и системности образования, Д. С. Лотте выделяет такие критерии терминологичности, как отсутствие синонимов, соотнесенность с научной дисциплиной, мотивированность, контекстуальная независимость, системность, краткость, стилистическая нейтральность, обладание словообразовательной функцией (см.: Лотте 1931: 7–35). С. В. Гринев-Гриневиц выдвигает свою классификацию требований к термину, которая частично соотносится с критериями терминологичности, предложенными Д. С. Лотте. Ученый сформулировал такие требования к значению термина, как непротиворечивость семантики, однозначность, полнзначность и отсутствие синонимов; к формальным параметрам термина С. В. Гринев-Гриневиц относит соответствие нормам языка, лексическую и формальную краткость, деривационную способность, инвариантность, мотивированность и систематичность. К функциональным требованиям отнесены внедряемость, общепринятость, употребительность, интернациональность, современность, благозвучность, эзотеричность (Гринева-Гриневиц 2008: 36–37).

Так как искусствоведение относится к гуманитарным наукам, искусствоведческим терминам присущи черты гуманитарных терминов. Как отмечают А. Г. Анисимова и М. И. Павлюк, «...большая часть терминов гуманитарных и общественно-политических наук представлена консубстанциональными терминами» (Анисимова, Павлюк 2019: 90). А. Г. Анисимовой также установлено, что примерно 90% искусствоведческих терминов абстрактны по значению (см.: Анисимова 1994: 9). Таким образом, терминосистема искусствоведения преимущественно состоит из абстрактных и консубстанциональных терминов. В их числе лексическая единица, обозначающая ключевое понятие искусствоведения – *art*. Терминологический статус лексической единицы, возглавляющей искусствоведческую терминосистему, до

настоящего времени остается спорным, так как *art* признан термином не всеми составителями современных специализированных словарей искусствоведческой терминологии английского языка. Так, в *The Concise Oxford Dictionary of Art Terms* *art* упоминается как самый «неуловимый из терминов», чье существование отрицается даже такими всемирно известными историками искусства, как Эрнст Гомбрих: „The most elusive of terms, its validity is only vouchsafed in cultures which admit to such a concept. Broadly speaking, the term ‘art’ in the visual sense can be applied to any work/subject which engenders, by intent or otherwise, aesthetic and/or intellectual appreciation. In a teasing subversion of the title of his magisterial survey *The Story of Art* (1950) the great art historian Sir Ernst Gombrich declared, ‘There really is no such thing as Art. There are only artists’“(Clarke 2010: 6). Таким образом, в самом определении данной лексической единицы ставится под сомнение не только ее терминологический статус, но даже обоснованность бытования данного понятия. Более того, лексема *art* не входит в состав словарей таких авторитетных изданий, как *The Oxford Dictionary of Art and Artists* (Chilvers 2009, 2015). Об условности терминологического статуса *art* также свидетельствует несоответствие таким критериям терминологичности, как мотивированность, однозначность и системность (ввиду иррациональной природы данного понятия). В соответствии с утверждением Б. Н. Головина о том, что дефинированность является обязательным признаком термина: «имеющий определение – термин, не имеющий определения – не термин» (Головин 1987: 62), к причинам детерминологизации лексической единицы *art* также относится недостаток данного свойства (см.: Гапиенко 2020б: 269).

К возможной причине детерминологизации лексемы *art* можно также отнести ее частое функционирование за пределами языка для специальных целей. Как отмечают А. Г. Анисимова и М. И. Павлюк, термины, обозначающие ключевые понятия искусствоведения, со временем могут детерминологизироваться по причине

чрезмерного употребления в общелитературном языке: «С точки зрения диахронии процессу детерминологизации подвергаются термины, выражающие основные понятия, составляющие ядро терминосистемы и, следовательно, функционирующие в языке значительно большее время, чем периферийные, что увеличивает степень их проникновения в общелитературный язык» (Анисимова, Павлюк 2019: 94). Данная точка зрения отчасти подтверждается отсутствием в словарях специализированной искусствоведческой терминологии английского языка *The Oxford Dictionary of Art* (3 ed.) (Chilvers 2004) и *The Oxford Dictionary of Art and Artist* (5 ed.) (Chilvers 2015) лексических единиц, относящихся к основным понятиям искусствоведения, таких как *style, school, painting, picture, sculpture* и пр. Примечательно, что термины искусствоведения, обозначающие орудия труда, такие как *brush, canvas, easel, frame, palette* и др. (Clarke 2010; Chilvers 2004; Chilvers 2015), упоминаются в составе словников профильных справочников. Данные лексические единицы также активно употребляются в общелитературном языке, при этом не являясь сугубо искусствоведческими понятиями. Таким образом, выявляется противоречие: междисциплинарные термины на границе искусствоведческой терминосистемы обладают неоспоримым терминологическим статусом, в то время как лексические единицы, обозначающие ключевые понятия данной научной дисциплины, находятся за пределами ее терминосистемы. Вероятно, от детерминологизации термины, означающие материалы и орудия труда, уберегли конкретность их значения, однозначность, точность и дефинированность.

Следует отметить, что функционирование терминов искусствоведения за пределами искусствоведческой терминосистемы отчасти обосновано спецификой терминосистемы данной научной дисциплины. Хижняк С. П. отмечает гибкость ее границ и даже тенденцию к смешению терминосистем: «полная инкорпорация одной терминосистемы другой свидетельствует о *нежестком*

характере терминосистемы искусствоведения и специфических процессах смешения терминосистем» (Хижняк 2014: 145). Таким образом, искусствоведческая терминосистема способна вбирать терминологические единицы, относящиеся как к общенаучному, так и к общелитературному языку, к тому же предметная область искусствоведения позволяет терминосистеме искусствоведения заимствовать термины практически из любых областей научного знания, поскольку в поле зрения искусствоведения может оказаться практически любой предмет. Способность искусствоведения тесно взаимодействовать с другими научными дисциплинами приводит к возникновению диффузных терминов, что также может затруднять идентификацию искусствоведческих терминов и определение их точного места в иерархии искусствоведческой терминосистемы. В научной терминологии развитию диффузности могут способствовать несколько факторов. А. В. Леонтьева в своей статье «Проблемы семантической диффузности (на примере научного лингвистического текста)» (Леонтьева 2014: 104) утверждает, что «неосвязаемость» и «незримость» анализируемых феноменов окружающей действительности могут способствовать развитию диффузности. Примечательно, что диффузными могут быть не только термины гуманитарной области знания, такие как *realism*, но также термины, относящиеся к точным наукам, например, *golden section* (см. Гапиенко 2020а: 54–55). Определения диффузных терминов могут несколько отличаться друг от друга ввиду специфики сфер, в которых они функционируют. Так, в словаре искусствоведческих терминов *The Oxford Dictionary of Art and Artist* (5 ed.) раскрыта скорее эстетическая значимость понятия *golden section*: “A proportion in which a straight line or rectangle is divided into two unequal parts in such a way that the ratio of the smaller to the greater part is the same as that of the greater to the whole. Like the mathematical value pi, it cannot be expressed as a finite number, but an approximation is 8 : 13 or 0.618 : 1. The proportion has been known since antiquity and has been said to

possess inherent aesthetic value because of an alleged correspondence with the laws of nature or the universe...” (Chilvers 2015: 50), в то время как в The Concise Oxford dictionary of Mathematics (4 ed.) приведено гораздо более точное в числовом отношении определение данного термина: “A line segment is divided in golden section if the ratio of the whole length to the larger part is equal to the ratio of the larger part to the smaller part. This definition implies that, if the smaller part has unit length and the larger part has length τ , then $(\tau + 1) / \tau = \tau / 1$. It follows that $\tau^2 - \tau - 1 = 0$, which gives, to 4 decimal places. This number τ is the golden ratio. A golden rectangle, whose sides are in this ratio, has throughout history been considered to have a particularly pleasing shape...” (Clapham, Nicholson 2009: 64). Таким образом, семантический объем диффузных терминов может варьироваться в зависимости от сферы научного знания: «в искусствоведческое понятие *golden section* прежде всего вкладывается искусствоведческая значимость, в то время как в математическом термине более подробно описано числовое соотношение» (Гапиенко 2020а: 53-54). Следовательно, способность функционировать за пределами искусствоведческой терминосистемы, выраженная такими свойствами как консубстанциональность и семантическая диффузность, не отражаются на терминологическом статусе искусствоведческого термина, однако размывают границы искусствоведческой терминосистемы и нарушают строгость ее структуры.

Возвращаясь к лексическим единицам *art, artist, painting, school, style* и др., можно предположить, что на их выход за пределы искусствоведческой терминосистемы также повлияли размытость значений и широкозначность, которую нередко сопоставляют с десемантизацией (Панкина 2013: 8). Необходимо отметить, что эврисемия не обязательно способствует детерминологизации искусствоведческого термина. Так, широкозначная лексическая единица *donor*, функционирующая в общелитературном языке как „someone who gives some of their blood or part of their body to be used for

medical purposes“ или „someone who gives money or goods to a person or organization that needs help“ (Cambridge Dictionary), начиная с эпохи Возрождения применяется для обозначения мецената, жертвующего значительные денежные средства для создания произведения искусства (обычно на религиозную тему) в целях увековечивания своего образа рядом с изображением святых покровителей: „A term applied to a person who commissions and pays for a work of religious art and has his or her portrait incorporated in it as an act of devotion. By having themselves included in the picture, donors sought to associate themselves in a special way with the sacred figures portrayed there, either in thanks for favours received or in the hope of future protection and salvation...“ (Chilvers 2015: 36). Таким образом, в период эпохи Возрождения лексема *donor* была переосмыслена и приобрела новое, *специальное* значение, что впоследствии способствовало ее вхождению в состав искусствоведческой терминосистемы в качестве специального термина искусствоведения. Так, лексическая единица общенаучного и общелитературного языка закрепились в языке для специальных целей как наименование конкретного по значению специального понятия. Помимо *donor*, в искусствоведческой терминосистеме функционируют другие специальные термины искусствоведения, такие как *cangiante*, *caravagisme*, *chiaroscuro*, *divisionism*, *pointillism*, *sfumato*, *unione* и др. Их существование «укрепляет» терминосистему искусствоведения и доказывают обоснованность ее научного статуса. Однако, несмотря на наличие специальных терминов, в искусствоведческой терминосистеме отсутствует четко выраженная иерархия: границы терминосистемы данной научной дисциплины размыты, четкая выраженность ядра отсутствует.

Таким образом, искусствоведческая терминосистема не обладает четко выраженной структурой. Наиболее уязвимым с точки зрения степени терминологичности является ядро искусствоведческой терминосистемы. Отсутствие терминологического статуса лексических единиц, обозначающих ключевые понятия данной

научной дисциплины, нарушает целостность ее иерархии. Большинство терминов искусствоведения абстрактны по значению и консубстанциональны. Границы искусствоведческой терминосистемы размыты. При этом наличие специальных терминов искусствоведения можно отнести к маркерам научного статуса терминосистемы рассматриваемой научной дисциплины. Отсутствие строгой иерархии и четко выраженной структуры искусствоведческой терминосистемы не является ее недостатком, напротив – может свидетельствовать о ее гибкости, адаптивности и самобытности.

ЛИТЕРАТУРА

- Авербух К. Я. 2006.** Общая теория термина. М.: Изд-во МГОУ.
- Анисимова А. Г. 1994.** Типология терминов англоязычного искусствоведения. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.
- Анисимова А. Г., Павлюк М. И. 2019.** К вопросу об изменении объема значения консубстанциональных терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 25. № 2. С. 89–94.
- Володина М. Н. 1996.** Термин как средство специальной информации. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Гапиенко П. Е. 2020а.** Семантическая диффузность в искусствоведческой терминосистеме. – Дискурс профессиональной коммуникации, 2(4): С. 43–62.
- Гапиенко П. Е. 2020б.** Статус терминологической единицы «ART» в современной англоязычной терминосистеме искусствоведения. – Российский гуманитарный журнал. Т 9. № 4. С. 264–272.
- Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. 1987.** Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа.
- Гринев-Гриневиц С. В. 2008.** Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия».
- Даниленко В. П. 1983.** Терминообразование. – Научно-техническая терминология (РЖ). № 2. С. 198.

- Лейчик В. М. 2006.** Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: УРСС Эдиториал.
- Леонтьева А. В. 2014.** Проблемы семантической диффузности (на примере научного лингвистического текста). – Вопросы когнитивной лингвистики. № 3 (40). С. 104–110.
- Лотте Д. С. 1931.** Очередные задачи технической терминологии. – Известия Академии Наук СССР. М.: Наука. С. 881–883.
- Панкина М. Ф. 2013.** Широкозначность и полисемия. – Научный вестник Воронеж. гос. архит.-строит. ин-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. №10. С. 7–12.
- Реформатский А. А. 1996.** Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1976.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение.
- Хижняк С. П. 2014.** Терминология искусствоведения как особый тип терминосистем. – Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3 (31). С. 144–150.
- Cambridge Dictionary.** <http://dictionary.cambridge.org> (Дата обращения: 20.03.2022).
- Clapham Ch., Nicholson J. 2013.** The Concise Oxford Dictionary of Mathematics. 4 ed. <https://www.oxfordreference.com/> (Дата обращения: 21.02.2022).
- Clarke M. 2010.** The Concise Oxford Dictionary of Art Terms. 2nd ed. <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199569922.001.0001/acref-9780199569922>.
- Chilvers I. 2004.** The Oxford Dictionary of Art. 3rd ed. <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780198604761.001.0001/acref-9780198604761> (Дата обращения: 25.02.2022).
- Chilvers I. 2009.** The Oxford Dictionary of Art and Artists. 4th ed. <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199532940.001.0001/acref-9780199532940> (Дата обращения: 21.02.2022).
- Chilvers I. 2015.** The Oxford Dictionary of Art and Artists. 5th ed. <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780191782763.001.0001/acref-9780191782763> (Дата обращения: 22.02.2022).

**ОТДЫХ И НЕМНОЖКО НЕРВНО:
ОБ ОДНОМ ИНТЕРЕСНОМ
СИНОНИМИЧЕСКОМ СБЛИЖЕНИИ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ¹**

Татьяна Колосовская (Санкт-Петербург)

Научное направление современной лингвистики, получившее название *Грамматики конструкций* (СхG), которая занимается комплексным анализом отдельных единиц в языке, сегодня активно развивается. СхG демонстрирует сильную зависимость синтаксических структур (конструкций) от их лексического наполнения. Работ, посвященных данной области, конструкциями и их прототипам, а также коллоквиалистике (дисциплина, изучающая разговорную речь), тесно взаимодействующей с *Грамматикой конструкций*, становится все больше. Е. В. Ягунова, Л. М. Пивоварова в статье «От коллокаций к конструкциям» вслед за зарубежными коллегами Ch. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor (Fillmore et al. 1988) выделили следующие свойства конструкции:

- в состав конструкции могут включаться лексические единицы;

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»)

- элементы конструкции имеют возможность свободного комбинирования в предложении с другими элементами;
- конструкции могут определять синтаксические, лексические, семантические, прагматические параметры;
- семантика конструкции более широкая по сравнению с семантикой отдельных ее элементов (см.: Ягунова, Пивоварова 201: 568).

Цель исследования заключается в сопоставительном описании двух синонимичных конструкций, активно функционирующих в русскоязычном дискурсе и содержащих компоненты, которые трудно представить синонимичными (семантическими близкими) в языке: *отдыхать* и *нервно*.

Материал исследования строится на выборке примеров из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (ГП НКРЯ) и из Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ). Выбор именно таких источников для анализа материала повседневной речи обусловлен тем, что подобные конструкции «гораздо более распространены в *имитациях* (курсив автора – Т. К.) живой речи в письменных текстах (то есть в представлении пишущих о том, как, якобы, мы говорим)», чем в спонтанной устной речи (Колосовская, Богданова-Бегларян 2021: 27–28).

Рабочим для исследования является определение *конструкции*, предложенное Е. В. Рахилиной и Ю. Л. Кузнецовой. Вслед за Ch. J. Fillmore с соавторами, московские исследователи понимают под конструкцией «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (Рахилина, Кузнецова 2010: 19).

В центре внимания в настоящей работе находятся две синонимичные конструкции $\langle P - N_1 \text{ отдыхает} \rangle$ и $\langle P - N_1 \text{ нервно } V_f \rangle$, совпадающие по своему значению при различии формального наполнения.

В результате сопоставления лиц, характеров, событий, ситуаций и т. д. с другими объектами сравнения изображаемое конкретизируется, становится более очевидным и выразительным. Анализ материала из классических толковых словарей показывает, что глагол *отдыхать* в своем прямом значении подразумевает главным образом «восстанавливать силы после утомления (изменением или прекращением деятельности, пребыванием в состоянии бездействия или покоя)» (Ефремова 2000: 856). В составе модели $\langle P - N_1 \text{ отдыхает} \rangle$ (ОК)₁ глагол теряет это прямое значение и приобретает новое (ресемантизируется). Первый контекст, в котором у глагола появляется это новое значение, датируется 90-ми годами двадцатого века. В конструкции $\langle P - N_1 \text{ нервно } V_f \rangle$ (ОК)₂ никакой ресемантизации не происходит, но эта конструкция, так же как и первая, выражает оценочные отношения путем сравнения двух компонентов, и ее составные части образуют единое смысловое целое. Первое найденное употребление данной конструкции датируется началом двадцать первого века.

Рассмотрим примеры функционирования обеих моделей в русском дискурсе.

- 1) *Вообще, хотелось бы съездить в США, посмотреть, что там у них происходит, говорят, очень интересные вещи творятся. На каждую гонку IndyCar (P) приходят по 200 тысяч зрителей, в этом плане и Формула-1 (N₁) **отдыхает*** (Э. Сержан. М. Алешин: Уверен, если попаду в «Формулу-1», смогу добиться результата // Советский спорт, 2012.05.04);
- 2) *А живет с Таниным отцом... – Вот это сюжет (P), браزيلские сериалы (N₁) **отдыхают!** – У Веры есть еще один любовник, генерал, муж той самой певицы, которая «засыпалась» на торговле антиквариатом. Любовника-генерала убивают в квартире Веры, а заодно преступники похищают ту самую картину, которую подарил Танин отец...*

(А. Плешакова. Режиссер Алексей Пиманов: Я едва не взорвал артиста во время съемок // Комсомольская правда, 2007.04.18).

В примере (1) Р (первый объект сравнения) – это *гонка ИндиКар*, N_1 (второй объект сравнения) – *Формула-1*, эксплицитно выраженный признак сравнения – *200 тысяч зрителей*, т. е. сопоставляется степень известности объектов Р и N_1 , выраженная количественными показателями. В примере (2) четко выражен компонент N_1 (*бразильские сериалы*), а в роли Р выступает описание сюжета какого-то фильма.

В обоих контекстах глагол *отдыхать*, обеспечивающий сравнение объектов Р и N_1 , имеет значение «не иметь возможности конкурировать с другим объектом (Р) по какому-то признаку, который изначально у N_1 был выражен наиболее ярко».

Компоненты в рассматриваемой модели могут быть различными: как оними (1), так и нарицательными существительными или описательными оборотами (2). Намного легче воспринимаются ОК с именами собственными, так как проще сравнивать всем известные объекты, для которых характерен всем известный определенный признак. Из примеров (1)–(2) видно также, что глагол *отдыхать* может использоваться как в ед., так и во мн. ч: *Формула-1 отдыхает* (1), *бразильские сериалы отдыхают* (2). Уже это показывает некоторую структурную гибкость рассматриваемой модели.

Возможны и другие варианты форм данного глагола:

- 3) *В мой приезд электронное табло (Р) на рабочей площадке показывало 1606 градусов: иной вулкан (N_1), как говорится, может отдыхать.* (В. Лобачев. На подъеме // Труд-7, 2000.11);
- 4) *Герои мультиков (Р) зачастую выдают такое, что персонажи криминальных сериалов (N_1) могут отдыхать!* (Ю. Смирнова. Сердитая мама изобрела глушилку для мультяшек – матерщинников // Комсомольская правда, 2002.02).

Думается, что подобные формы глагола *отдыхать* выражают сопоставление объектов Р и N₁ не столь категорично, как в примерах (1)–(2).

Не менее интересна для анализа и синонимичная рассмотренной конструкция <Р – N₁ *нервно* V_f>, ср.:

- 5) *Товарищ министр, почему в вашем ведомстве (Р) выдают бумажку с номером в госреестре за подписью чиновника, а потом ее отбирают?» Теперь же можно так поступать с любым фильмом... Штирлиц (N₁) **нервно курит...** В последнее время практика восприятия набирает обороты (Л. Малюкова. ПУ – инструмент цензуры // Новая газета, 2015.07);*
- 6) *Суть проста: расскажите нам о своей необычной истории любви! Может, вы познакомились так (Р), что любой сценарист, придумывающий сюжет для крутой мелодрамы (N₁), **нервно курит в сторонке?** Например, спасли свою любимую, когда она тонула? (Т. Ковынева. Женщина нашла мужа, попав в аварию // Комсомольская правда, 2013.09).*

В примерах (5)–(6) сопоставление объектов Р и N₁ выражается устойчивым сочетанием, фразеологизмом, *нервно курит (в сторонке)*, обозначающим, как и глагол *отдыхать* в примерах выше, «и близко не стоял, не сравнить, рядом не стоял», т. е. «значительно отличается в чем-то в худшую или лучшую сторону в сравнении с кем-, чем-либо» (Тришин 2010).

Обычно выражение *нервно курит* используется в рассматриваемой конструкции в сочетании с формой *в сторонке*, но возможны и другие варианты данного распространителя (слота), ср.:

- 1) *Конь в пальто, 2005.01. 18 09: 58. ... с очаровательным чувством юмора, причем. :-) Петросян (N₁) **нервно курит в коридоре...** :-) (Женщина + мужчина: Секс (форум), 2004);*
- 2) *Зачем Ларисе красные колготки. Театральный сезон начался в споре с жизнью (Р). Театр в начале сезона (N₁),*

казалось, **нервно курит в камышах**. Жизнь в полноте непредсказуемого абсурда переигрывает его вчистую. Оторопь от обстоятельств места и времени, от распада смысла затмевает события на сцене (М. Токарева. Зачем Ларисе красные колготки // Новая газета, 2017.09);

- 3) За одним таким «аистом» (Р) гонялись чуть ли не неделю, он перестрелял человек пять или семь наших, но так и не смогли его поймать. Причем гонялся за ним наш спецназ, честно могу сказать, еще какие боевики были! Те, кого сейчас в кино показывают (N₁), **нервно курят в углу** (lenta.ru, 2019.04).

Примеры (7)–(9) позволяют наблюдать варианты данного слота ОК: в коридоре, в камышах, в углу. Похоже, выбор того или иного обстоятельства места никак не мотивирован контекстом: ни смысл ОК, ни оценка, выражаемая ею, от него никоим образом не зависит.

Есть и еще один слот рассматриваемой ОК, который подвергается варьированию – глагол (V_г) курит, ср.:

- 4) К слову, далеко не каждая зарубежная YouTube – звезда (Р) может похвастаться подобными результатами. Например, скандально известный американский блогер Логан Пол (N₁), в начале 2018 года прославившийся на весь мир роликом с глумлением над трупом самоубийцы, **нервно топчется в сторонке** вместе со своими жалкими 19 миллионами зрителей. Откровенно уступает Лайк Насте в количестве просмотров и самый популярный ютубер Феликс Чельберг (А. Болотов. «YouTube только это и надо» // lenta.ru, 2019.07);
- 5) «Как так круто его пригриповали к коптеру?» – пошутил один из пользователей в комментариях под роликом. «Партия Роста (Р) продемонстрировала свою последнюю разработку – летающий стул. Илон Маск (N₁) **нервно грызет ногти**», – отметил другой юзер (Лидера Партии Роста высмеяли за «полет» в кресле над Москвой // lenta.ru, 2017.03).

N_1 в примерах (10)–(11), ощущая свою неспособность соперничать с P и нервничая от этого, не только *курит в сторонке*, но иногда *топчется* (там же, *в сторонке*) (10) или *грызет ногти* (11).

Несомненно, вариативность открывает огромный спектр возможностей для рассматриваемых ОК, в том числе возможность объединять компоненты разных моделей. Таким образом, как бы в доказательство синонимии ОК₁ ($\langle P - N_1 \text{ отдыхает} \rangle$) и ОК₂ ($\langle P - N_1 \text{ нервно } V_r \rangle$) возникают примеры, где эти конструкции взаимодействуют в рамках одного контекста, ср.:

- 6) [Тимур, муж] *Чем? Ну/ музыки нет/ я (P) бы станцевал вам здесь. Хотя могу и без музыки [В. Карасева, жен, 26, 1980, радиоведущий] Давайте/ так/ ха... отлично/ Майкл Джексон (N_1) **нервно ходит в курилке/ отдыхает**. Спасибо/ браво! [А. Водонаева, жен, 23, 1983] Нет/ а вы к кому/ молодой человек/ вам Анастасия нравится? (Реалити-шоу «Дом-2» (2006) // Из коллекции НКРЯ).*

В примере (12) представлены сразу обе модели, в которых одинаковые объекты P и N_1 и общее оценочное значение. Более того, можно предположить, что выбор глагола V_r в данном случае диктует объект N_1 . Майкл Джексон известен своей походкой в танцах – возможно, поэтому в ОК используется глагол *ходит*.

Более очевидное употребление V_r подстраивающегося под объект, наблюдаем в контекстах (13)–(14).

- 7) *Добросовестность труженика особенно подчеркивает быстрое на руку ФСБ, которое уже провело экспертизу и установило, что «исполнителем убийства был Заур Дадаев, бывший замкомандира чеченского батальона «Север» (P). «CSI. Место преступления» (N_1 -1) **отдыхает**, а Шерлок Холмс (N_1 -2) **нервно курит трубку в коридоре** (Ира Керст // inforesist.org, 2015.03.09);*
- 8) *Как только я включил камеру и Вика (P) стала рассказывать историю своей первой любви, я понял, что это уровень*

«Ромео и Джульетты», где, правда, Ромео – рок-музыкант, показывающий со сцены жопу, и наркоман, употребляющий с 16 лет героин, а Джульетта – Спасительница, ангел-хранитель домашнего очага, по совместительству поэтесса и фотомодель. Шекспир (N₁-1) **отдыхает**. Николай Васильич Гоголь (N₁-2) **нервно поживает в шинели...** (К. Л. Селиверстов. 12 с половиной, или Моя жизнь в чистом искусстве // «Волга», 2011).

Как результат постепенного процесса происходит синтез элементов двух конструкций, имеющих сходное значение:

- 15) Да !!!! реал (N₁) **отдыхает в сторонке!** (Вконтакте // 2015);
- 16) Геннадий Мутасов (Р) стал актером, главный любительский артистический дебют 2012, что творится в мире, Чарли Шин (N₁-1) и Джуд Лоу (N₁-2) **отдыхают озабочено покуривая**, но технику речи надо ставить это не колонки в гламурных журналах писать, и быть редактором фунтом, председателем, по рекламным бюджетам (http://m.livejournal.com/read/user/villa_lobos/27925 // villa_lobos, 2013).

В примере (15) модель (OK)₁ заимствует обстоятельственный фрагмент *в сторонке* у конструкции (OK)₂ с наречием *нервно*, а в контексте (16) видим более сложные преобразования: наречие *нервно* заменяется синонимичным для данной ситуации наречием *озабоченно*, а глагол трансформируется в деепричастие *покуривая*, описывающее процесс курения, происходящий «не спеша или время от времени, понемногу» (МАС 1984: 254). Несмотря на коренные изменения модели (OK)₂, невооруженным взглядом видно, откуда возникла расширяющая модель часть.

Таким образом, можно, по-видимому, говорить о появлении в русской речи нового, энантиосемичного, значения у глагола *отдыхать*: «нервничать, осознавая чье-то превосходство». Проведенный анализ корпусного материала выявил множество структурных вариантов двух смежных конструкций (OK)₁ и (OK)₂,

которые не ограничиваются рассмотренными в настоящей статье примерами, а также синонимическое сближение единиц *отдыхать* и *нервно* (чаще – *курить*). Дополнительной проблемой может стать понимание данных моделей носителями других языков, так как перевод подобных конструкций имеет свою специфику в каждом языке. Это может стать перспективой предпринятого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- ГИКРЯ.** Генеральный Интернет-Корпус Русского языка. <http://www.webcorpora.ru/> (Дата обращения: ...)
- Даль В. И. 1905.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. 3-е изд., Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 2. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф.
- Ефремова Т. Ф. 2000.** Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2-х т. М.: Русский язык.
- Колосовская Т. Л., Богданова-Бегларян Н. В. 2021.** Насколько <N₁ ОТДЫХАЕТ>? (о вариативности одной синтаксической модели в русской устной речи). – Социо- и психолингвистические исследования. № 9. С. 27–34.
- МАС. 1984.** Словарь русского языка в четырех томах. Том III. М.: Русский язык.
- НКРЯ.** Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 10.02.2022).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1999.** Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник.
- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. 2010.** Конструкции в Грамматике конструкций. – Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник. С. 19–24.
- Тришин В. Н. 2010.** Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS [Электронный ресурс]. М.: Academia. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index-205.htm#205> (Дата обращения: 10.02.2022).

- Ушаков Д. Н. 2014.** Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант.
- Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. 2011.** От коллокаций к конструкциям. – Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы. СПб.: Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН. С. 568–617.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. 1988.** Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *Let alone*. – Language, Vol. 64, № 3. Pp. 501–538.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ
РЕФЛЕКСИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ
РОМАНОВ А. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ
МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»,
Е. ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН» И
РАССКАЗА М. СТЕПНОВОЙ «ТУДОЙ»)

Елизавета Корешкова (Калининград)

Термин *рефлексия* определяется как инструмент метаязыка, он подчеркивает главную черту метаязыковых образований. Рефлексия представляет собой единицу речевого дискурса адресата и адресанта, которая направляет мышление в нужное русло и облегчает усвоение получаемой информации, тем самым исключает вероятность возникновения непонимания в процессе коммуникативного акта.

Рассмотрим понятие *рефлексии* в аспекте современной лингвистики. Сугубо лингвистическое понимание термина следующее: «метаязыковое комментирование актуальной для современного словоупотребления лексической единицы» (Вепрева 1999: 52).

Метаязык возможен по причине неразрывной связи между языком и мышлением, он обусловлен процессами языковой рефлексии и воплощен в особых единицах языка – рефлексивах. *Рефлексив* – однословное или развернутое в субтекст метаязыковое

высказывание, комментирующее какой-либо компонент художественного текста: лексему, словосочетание, грамматическую форму. Однако термин *рефлексив* не является единственным: в истории науки существуют и другие терминологические единицы такие как «оценка речи», «контекст-мнение», «метаязыковое высказывание», «словесное само моделирование», «показания метаязыкового сознания», «метатекст», – все они стоят в одном ряду с термином *рефлексив* (Вепрева 2002: 72). Единицы этого класса, относящиеся к условно-речевым, в отличие от собственно речевых и неречевых, появляются как реакция говорящего на его собственные речевые действия. Испытывая затруднения в «проблемных точках речепождения», говорящий часто использует при этом единицы другого дискурсивного класса, «рефлексирует», как бы снимая с себя ответственность за правильность найденной единицы («точность номинации») или выражая свое к ней отношение (см.: Богданова-Бегларян 2015: 11). Е. И. Шейгал считает, что цель рефлексивов заключается в «снятии информационной энтропии» и приближении категории эксплицитности и имплицитности к истине (см.: Шейгал 2004: 45).

Согласно принятой ныне типологии, по структуре рефлексивы делятся на эксплицитные и имплицитные; по способу текстовой реализации – на текст-рефлексив и рефлексив внутри текста (см.: Петрова 2016: 219); с точки зрения природы гетерогенного корпуса метаязыковых высказываний – на коммуникативные и концептуальные, по критериям коммуникативного напряжения – на динамические, личностные, стилистические, деривационные, по критериям концептуального напряжения – на ксеноразличительные (социальные), личностные, динамические и деривационные рефлексивы (см.: Вепрева 2002: 116). Коммуникативные рефлексивы создают пространство для поиска удачного пути самовыражения, что говорит о творческом характере данных вербализованных актов мыслительной деятельности. «В коммуникативных рефлексивах

вербализуются механизмы саморегуляции и самоорганизации речевой деятельности, реагирующие на очаги напряжения, связанные с разграничением нормативных и ненормативных речевых зон (см.: Вепрева 2002: 117). Концептуальные рефлексивы отвечают очагам напряжения, связанным с когнитивной деятельностью, с реакцией на перемену общественных моментов жизни. Концептуальные рефлексивы по большей части направлены на понимание определенного концепта с точки зрения массового сознания, а не индивидуального, как это бывает в коммуникативных рефлексивах.

На наш взгляд, приведенная типология рефлексивов может быть дополнена еще одним типом рефлексивов – фонетическим. По способу текстовой реализации фонетический рефлексив предлагается отнести к «рефлексиву внутри текста», так как он представляется в виде небольшой части внутри объемного целого текста. По классификации И. Т. Вепревой фонетический рефлексив можно отнести к коммуникативным рефлексивам по критериям личностной оценки. Обращаясь к оценке выражения, говорящий рассматривает два его аспекта: фонетическое звучание и значение слова, то есть соотношение формы и содержания. Следовательно, адресант может рефлексировать (размышлять) о звуковой форме знака.

Рабочее определение фонетического рефлексива – это эксплицитно выраженное метаязыковое высказывание, комментирующее облик слова и передающее субъективное отношение персонажа или автора. Он сочетает в себе признаки деривационного и личностного рефлексивов, дополняя их коннотативным содержанием, выраженным фонетической конструкцией.

На примере конкретных произведений рассмотрим реализацию и функционирование фонетического рефлексива в художественных текстах. Материалом исследования послужили произведения М. Степновой (рассказ «Тудой»), А. Чудакова (роман «Ложится мгла на старые ступени»), Е. Водолазкина (роман «Брисбен»).

Выбраны именно эти произведения, поскольку герои названных авторов вспоминают о языковых впечатлениях детства. В пределах художественного текста присутствуют и монолог, и диалог, которые по-разному могут определять функциональность рефлексива. Так, чуткие, открытые новому знанию мальчики с энтузиазмом осваивают новые для них слова. При этом незнание значения лексической единицы не является препятствием для ее фонетического усвоения. Например, вот как «пробует на звук» незнакомые слова герой романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»:

*Город порто-франко. Что такое порто-франко, Антон не понимал, но **очень нравилось само слово** <здесь и далее везде курсив и жирный курсив наш. – Е. К.> (Чудаков 2001: 54).*

Само слово в данном примере – это именно и только **фонетический** облик слова, а фраза *очень нравилось само слово* представляет собой фонетический рефлексив. Как видно, сам автор акцентирует на непонимании героем значения семы, но категоризируя его эмотивный компонент: Антону неизвестно значение слова «порто-франко», но его впечатляет звучание, что выражается с помощью упомянутого выше фонетического рефлексива. Можно предположить, что в этом случае фонетический рефлексив спровоцирован «проступающими» в слове *порто-франко* понятными мальчику словами со шлейфом романтических ассоциаций – *порт* и *Франция*.

В следующем примере слова, ставшие объектами фонетической рефлексии, не способны породить у ребенка какие-либо ассоциации. Тем не менее Антон высоко оценивает звучание абсолютно непонятных ему специальных слов по шкале «хорошо – плохо», что наводит на весь эпизод комическую коннотацию:

*“Презерватив” звучало хорошо, но <...> Антон отдал **предпочтение** недавно услышанному слову “псориаз”. Псо-ри-аз (Чудаков 2001: 86).*

В данном примере речь идет о звуковосприятии речи мальчиком. И если для героя «презерватив» и «псориаз» – нейтральные слова, восприятие их ребенком-персонажем эмотивно. Антону нравится звуковой состав данных слов, на что указывают фонетические рефлексивы «звучало хорошо», «отдал предпочтение».

Фонетический уровень активно задействован и в виде ономапоеи:

Дети ее дразнили «Шоша», – не знаю, откуда это взялось, – она обижалась (Чудаков 2001: 13).

Кроме того, в романе встречаются примеры фонетических рефлексивов, выраженных «непрофессиональной» транскрипцией:

– Садис, – сказала Клавдия Петровна; она говорила: «садис», «шыгать», «коришневый», «сделалса», «лев» (Чудаков 2001: 57).

Ненормативная фонетика выступает как форма рефлексии. О том, что в данном примере используется старомосковская норма речи, читатель узнает из контекстной ситуации произведения. Через данный фонетический маркер, вербально выраженный рефлексив, демонстрируется возраст героини, и ее старомосковская норма речи формирует отношение к Клавдии как к женщине преклонного возраста, которая живет «вне времени произведения».

Герой-повествователь романа Е. Водолазкина «Брисбен» вспоминает, как в детстве был зачарован звучанием украинского слова *очерет*, готов был приписать ему магические свойства, хотя и знал, что в переводе на русский *очерет* – это всего лишь камыш:

«Когда на первом уроке классная руководительница Леся Кирилловна спросила, как по-украински будет камыш <здесь и далее везде курсив в соответствии с оригиналом – Е. К.>, ответ знали только деревенские. Очерет, произнес ученик по

фамилии Бджилка. **Очэрэт, зачарованно прошенгал** Глеб <здесь и далее везде жирный шрифт наш – Е. К.>. Он с горечью подумал, что среди людей, знающих такие **волшебные слова**, ему делать нечего. Он обречен плестись в хвосте и восхищаться теми, кто впереди» (Водолазкин 2019: 27).

Эмоциональные фонетические рефлексивы, передающие восторг и удивление выражены в тексте эксплицитно с оценочной коннотацией: *зачарованно прошенгал, волшебные слова*. Мелиоративные фонетические рефлексивы *зачарованно* и *волшебные слова* выражают восхищение реципиента фонетической музыкой слова чужого языка и тем самым способствуют формированию концептуально значимой текстовой информации.

Наибольшую сложность для восприятия составляет иная группа рефлексивов, выраженная в синестезии через интеграцию в одну фонетическую форму видимого и слышимого. В рассказе М. Степновой «Тудой» герой на протяжении всего произведения выделяет для себя новые слова с необычным или непривычным для него звучанием без использования экспрессивной оценки, подмечая выражением: «Ещё одно слово». К таким относятся следующие примеры: *сайгачить, голытьба, алкашня, боршч, доруле, сэзмале, стефания*, однако в заключительной части произведения мы видим фонетический рефлексив *ласковый лепет*, контекстуально противопоставленный «графическому» рефлексиву *колючая ледяная* (о латинице), что создает синестетический эффект наложения визуально (латиница) и аудиально (речь=лепет) воспринимаемого. Приведем пример:

*Тридцать лет спустя он попал в Кишинев на пару дней, проездом. Другая страна, другой город, другой язык. **Колючая ледяная латиница** до неузнаваемости изменила **круглый ласковый лепет его отрочества*** (Степнова 2015: 84).

В рефлексиве кроме сенсорной оценки присутствуют и дополнительные пояснения, в результате приводящие к четкости границ рефлексива. Графический (фонетический) имплицированный рефлексив формирует эмотивное восприятие текста, однако дальнейшее оперирование и маркировка (повторное использование) невозможны без художественного окружения (контекста).

Стоит учитывать, что были проанализированы произведения, в которых главными героями являются дети либо подростки. Выражение рефлексии в детской речи имеет разнообразную природу со стороны ассоциативных пояснений, определяемых ребенком во время освоения новых единиц лексики. Детская рефлексия может быть основана на фонетической и семантической ассоциациях. В рамках исследуемой работы нас интересует фонетическое ассоциирование, которое основывается на случайном сходстве звучания лексической единицы, выражаемое в отождествлении плана содержания незнакомого ребенку слова с планом содержания знакомой лексемы. Подобные рефлексивы появляются из-за паронимической подмены или омофонического разложения. Так, мы видим на примере, что происходит омофоническая ассоциация, когда герой накладывает незнакомый звуковой отрезок речи на знакомое слово. (*Город порто-франко. Что такое порто-франко, Антон не понимал, но **очень нравилось само слово*** (Чудаков 2001: 47)). Проявление рефлексивов в сознании ребенка напрямую связаны с его ментальным и языковым развитием.

Таким образом, рефлексия над звуковым составом слова многообразна и разнонаправлена, не зависит от понимания его лексического значения, может охватывать как слово полностью, так и элементы его звучания: отдельные звуки, темп, связь с графическим оформлением. Нам представляется целесообразным ввести термин «фонетический рефлексив» в терминологический аппарат рефлексологии и признать необходимость специализированного многоаспектного анализа фонетических рефлексивов в художественных

текстах, поскольку в первую очередь человеком воспринимается звуковая оболочка лексемы, от которой он уже переходит к семантической составляющей. Таким образом, проанализированные рефлексивные коннотации показывают, что главная их функция относится к управлению когнитивной деятельностью адресата и адресанта, чтобы в конечном итоге произошло более продуктивное понимание сказанного или написанного.

Исследование фонетических рефлексивов позволяет утверждать, что можно его отнести к коммуникативным, так как обращение рефлексии происходит не только к семантическому контролю, но и к фонологическому, согласно всем требованиям восприятия языковых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова-Бегларян Н. В. 2015.** Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи. Мир русского слова. № 3. СПб: Изд-во СПбГУ. С. 11–17.
- Вепрева И. Т. 1999.** О социально-оценочной функции метаязыкового комментария в публичной речи. – Политический дискурс в России-3: Матер. рабочего совещания. М. С. 51–53.
- Вепрева И. Т. 2002.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Уральск, ун-та.
- Вепрева И. Т. 2003.** Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на матер. высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг.): Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Екатеринбург: УрГУ им. А. М. Горького.
- Водолазкин Е. Г. 2019.** Брисбен. М.: АСТ.
- Зырянов О. В. 2009.** Жанровые рефлексивы в свете исторической поэтики. – Дергачевские чтения – 2008: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф.: В 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 80–91.

- Петрова Н. Г. 2016.** К вопросу о соотношении понятий «рефлексив» и «регулятив». – Сибирский филологический журнал. № 4. Новосибирск: ИФЛ СО РАН. С. 219–227.
- Степнова М. Л. 2015.** Тудой. М.: Детский мир – сборник рассказов.
- Чудаков А. П. 2001.** Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. Электронный ресурс–документ pdf. https://сахара.ru/thumbs/966656/chudakov_mgla.pdf (Дата обращения: 20.01.2022).
- Шейгал Е. И. 2004.** Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис

КТО КАК ОТДЫХАЕТ: НАБОРЫ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В РАССКАЗАХ ОБ ОТДЫХЕ ЭКСТРАВЕРТА И ИНТРОВЕРТА

Екатерина Костина (Санкт-Петербург)

Ключевое слово (КС) – междисциплинарное понятие. В психолингвистике под этим термином подразумевается прежде всего единица, несущая основную характеристику письменного текста, который, в свою очередь, является одним из вариантов фиксации дискурса. С позиции стратометрической концепции, человек является многоплановой структурой и включает в себя различные социальные, биологические и психологические характеристики – *страты* (см.: Ерофеева 1995: 5). *Экстраверсия* и *интроверсия* как ведущие психотипы человека являются основными вариантами приспособления личности к окружающему миру и во многом определяют речевое поведение человека, поэтому исследование наборов ключевых слов в корреляции со *стратой* «экстраверсия/интроверсия» является весьма актуальным, почему и стало предметом рассмотрения в настоящей статье.

Материалом для анализа стали монологи на заданную тему «Как Вы проводите свободное время?» двух информантов корпуса САТ (корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека», 2013; Богданова-Бегларян и др. 2017, 2019): информанта №4 (И4, типичный экстраверт) и информанта №6 (И6, глубокий интроверт) (психотип информантов корпуса САТ

был установлен на основании психологического текста Г. Айзенка, см.: Личностный опросник... 1995). На основании этих монологов был проведен лингвистический эксперимент. Респондентам в количестве 50 человек было предложено ознакомиться с двумя монологами и выписать из каждого текста 5–10 ключевых слов. Такой объем обусловлен возможностями оперативной памяти человека, которая позволяет одновременно и сохранять цельность, и представлять ее аналитически расчлененной, но при этом – без избыточных, специальных средств связности (см.: Сахарный 1991: 226). Результатом эксперимента стали наборы КС, которые были сведены в общую таблицу и распределены по частотности. Наиболее частотные ключевые слова представлены в *Таблице 1*, в скобках указано количество их упоминаний респондентами.

Таблица 1. Наиболее частотные ключевые слова в монологах интроверта и экстраверта

Интроверт	Экстраверт
<i>лингвист/лингвистика/лингвистикой</i> (32)	<i>свободное время</i> (28)
<i>чтение (почитать/сесть и почитать)</i> (29)	<i>водное поло</i> (26)
<i>свободное время/препровождение (время)</i> (28)	<i>Вконтакте/контакт</i> (23)
<i>на выходных/выходные</i> (20)	<i>общение</i> (23)
<i>телевизор</i> (20)	<i>спорт/занятия спортом</i> (21)

На основании полученных результатов можно говорить о заметных различиях в речи экстраверта (Э) и интроверта (И). Так, содержательно в проанализированных монологах выделяются 3 тематических категории по отношению к свободному времени: для Э отдых – это прежде всего «Спорт» (16,9%) и далее в равных долях «Учеба» и «Социальные контакты» (по 11,8%); у И на первом месте оказался «Телевизор» (10,5%) и далее «Учеба» и «Магазин» (по 7,8%). Каждая тематическая группа имеет определенный набор ключевых слов:

- «спорт» (Э) – водное поло (26), спорт/занятия спортом (21), тренировка/тренируюсь/тренер/тренажерный зал (13), физкультура (2), гол (2), команда (2), соревнования (2), плавание (2);
- «учеба» (Э) – работа/работать (21), курсовая (17), учеба/учусь (16), немецкий (12), практика (7);
- «социальные контакты» (Э) – Вконтакте/контакт (23), общение (23), друзья (9), напились (с ребятами)/пить/выпивка/пиво (8), знакомства (3);
- «телевизор» (И) – телевизор (20), посмотреть (5), передача (3);
- «учеба» (И) – чтение (почитать/сесть и почитать) (29), Гончаров (6), Бальзак (4);
- «магазин» (И) – магазин (16), сходить (3).

В разговоре об отдыхе и для интроверта, и для экстраверта значимыми оказались категории места и времени. Важно отметить, что в группе КС по времени и месту в обоих монологах присутствует оценочность: *времени нет* (Э; 4), *выпадает* (И; 3), *иногда* (И; 3). Таким образом, отсутствие свободного времени в жизни человека является не меньшим стимулом для обсуждения этой проблемы, чем его наличие. В *Таблице 2* приведен полный список ключевых слов, относящихся к категории места и времени.

Монологи информантов были проанализированы также с точки зрения удобочитаемости и легкости чтения на основе индекса Флеша-Киндсайда. *Степень удобочитаемости* показывает, насколько читатель должен быть подготовлен для понимания текста: 0 соответствует минимальному уровню образования, 20 относится к категории сложных научных текстов. По шкале индекса *легкости чтения* 100 – это показатель наиболее простого для понимания текста (см. подробнее: Богданова 2009). В *Таблице 3* представлены результаты подсчетов.

Таблица 2. Категория места и времени в монологах интроверта и экстраверта

Интроверт	Экстраверт
магазин (16) пробки/в пробке (12) вечером (8) дома (6) транспорт/в транспорте (6) выпадает (3) иногда (3)	времени нет/нет (13) бар (5) бассейн (2) воскресенье (1) выходные (1)

Таблица 3. Степень удобочитаемости и индекс легкости чтения монологов экстраверта и интроверта

	Интроверт	Экстраверт
Степень удобочитаемости (max 20)	20	17,3
Индекс легкости чтения (max 100)	4	17

Оба текста оказались весьма сложными для восприятия в силу наибольшей спонтанности и минимальной лингвистической мотивированности монолога как жанра устной речи, так как он ограничен только тематически – заданной экспериментатором темой. В процессе речетворчества говорящий пользуется определенным набором имеющихся у него средств на различных уровнях языка – фонетическом, морфологическом, лексическом и т. д. Выбор этих средств не может быть случайным: так или иначе он мотивирован контекстом, обстановкой, в которой находится говорящий. Таким образом, можно говорить как минимум о двух характеристиках устной речи: *лингвистической мотивированности* и *спонтанности* (см.: Богданова-Бегларян 2013). По соответствующим шкалам устный монолог является наиболее спонтанным и минимально лингвистически мотивированным (см. *Рисунок 1* ниже).

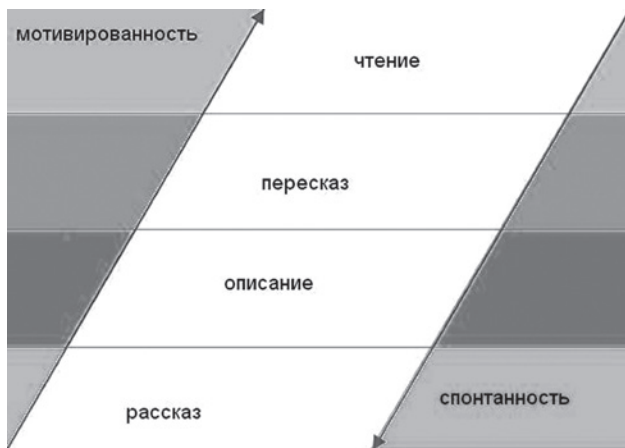

Рисунок 1. Взаимозависимость лингвистической мотивированности и спонтанности разных типов монологического текста

Однако текст интроверта, меньший по объему, по статистическим данным оказался сложнее и семантически более насыщенным: в монологе И, включающем 99 слов, респонденты выделили 38 КС (38,3% от общего объема); в монологе Э на 1767 слов пришлось 59 выделенных КС (3%).

Отдельно в монологе интроверта респонденты отметили лексическую группу «неуверенность», которая подчеркивает «осторожную» модальность его высказываний (3%). К этой группе относятся неопределенные местоимения, наречия, а также вводные слова, маркирующие неуверенность говорящего: *наверное* (2), *какой-нибудь* (2), *что-нибудь* (2). В лингвистике таким языковым элементам присвоен термин «хедж» (от англ. *hedge* – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) (см: Lakoff 1973: 421). Избыточное присутствие таких единиц в речи свидетельствует о том, что говорящий избегает точных утверждений или демонстрации уверенности в выборе тех или иных идей и положений, в результате

чего производит впечатление неуверенного в себе человека. То, что респонденты выделили группу этих лексем из всего монолога в качестве ключевых слов, указывает на значимость данных единиц в предложенном дискурсе.

Согласно гипотезе Л. В. Сахарного, речь строится на ассоциативных моделях, в направлении от ключевых слов к тексту (см.: Сахарный 1991: 235). Начав развивать одну тему, связанную с отдыхом, информанты, следуя за ассоциативным рядом, быстро переключались на темы, никак не связанные с заданной в начале («Как Вы проводите свободное время?»). Примечательно, что в монологе И вся лексико-семантическая группа, не связанная с отдыхом, посвящена разговорам об учебе, в то время как в монологе Э в большом количестве проявляется *ретроспекция*: начав говорить о свободном времени, экстраверт погружается в воспоминания о своем детстве и первых годах студенчества, рассказывает несколько историй из жизни. Возможно, полученные результаты связаны с тем, что экстраверты – это люди, «которые думают вслух, говорят бóльшую часть времени, менее сосредоточены на себе и склонны переходить от темы к теме» (Teiger, Barron-Teiger 1998). В *Таблице 4* приведены наборы КС, которые не связаны с темой монолога. В количественном соотношении в монологе И эта группа лексики составляет 18,4%, в монологе Э – 20,3%.

Значимыми для респондентов стали также показатели *метакоммуникации* в тексте, когда информант комментирует свою речь. Так, в речи экстраверта 4 респондента выделили в качестве ключевого слова комментарий информанта *много говорю* – о его собственном монологе. *Дискурсивные слова*, или *дискурсивы* (в самом общем понимании данного термина – как единицы дискурса с ослабленным референциальным значением, регулирующей и организующей сам процесс коммуникации; см., напр.: Ерофеева 2022), также оказались представлены в качестве КС в обоих монологах в значительном количестве: *там* (И; 2), *ну* (Э; 1), *просто* (Э; 1), *вот* (Э; 1).

Таблица 4. Ключевые слова, не связанные с темой отдыха, в монологах экстраверта и интроверта

Интроверт	Экстраверт
лингвист/лингвистика/лингвистикой (32) рабочее время (11) задания (8) статьи (4) морфология (4) монография (3) историческая грамматика (3)	третий курс (4) день рождения (4) увольнение/увольняют (2) одноклассники (2) школа (1) готовка (1) влюблен (1) серый (1) танец маленьких утят (1) первый курс (1) загс (1) СПбГУ (1)

Важным аспектом анализа устной речи является прагматический, который позволяет проанализировать работу механизма построения спонтанного текста. Предметом изучения *прагмалингвистики* являются различные действия говорящего в момент речи и паралингвистические элементы (ПЭ) звуковой цепи – смех, вздох, кашель, зевота, плач, рыдания, свист, шмыганье носом и др. (см.: Крейдлин 2002: 27–28, 34–35). Респонденты выделили всего 2 ПЭ в монологах информантов: *ухмыляется* (интроверт) и *плача* (экстраверт). При сопоставлении с произнесенным монологом оказалось, что паралингвистическая помета *ухмыляется* располагается в конце текста интроверта: *наверно все // (ухмыляется) мое свободное время*. В такой позиции смех как элемент звуковой цепи типичен и выступает как «смех-облегчение: монолог закончен, и можно вздохнуть» (Богданова-Бегларян 2022: 8).

В целом результаты проведенного исследования могут стать отправной точкой для дальнейшего изучения специфики речи интровертов и экстравертов. В данный момент проанализированные наборы ключевых слов позволяют сделать лишь предварительные выводы относительно речевого портрета говорящих и психотипа.

Во-первых, при сопоставлении наборов КС с исходными текстами подтверждается гипотеза об ассоциативном механизме текстопорождения и движении от «текста-примитива» к целому (в терминологии Л. В. Сахарного). Во-вторых, выделенные респондентами наборы КС подчеркивают некоторые особенности личности и речи говорящих с разным психотипом: например, необходимость большего количества слов для выражения мысли и потребность в ретроспекции при экстраверсии или более ограниченный круг лексики и «осторожная» модальность в речи интроверта. Можно отметить также сложность для восприятия (при чтении расшифровок/транскриптов) обоих текстов, что, возможно, связано с особенностями коммуникативной личности филолога и спецификой спонтанного монолога как жанра устной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова Н. В. 2009.** О дополнительных возможностях редакторского контроля над качеством текста. – Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы. Вып. 2. Екатеринбург: УГТУ-УПИ. С. 80–86.
- Богданова-Бегларян Н. В. (Отв. ред.) 2013.** Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Богданова-Бегларян Н. В. 2022.** Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! (о смехе как реакции говорящего на собственную речевую деятельность). – «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. С. 7–11.
- Богданова-Бегларян Н. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. 2017.** Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи. – Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара. СПб.: Политехника-принт. С. 8–13.

- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю.** 2019. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи. – Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. С. 110–125.
- Ерофеева Е. В.** 2022. Дискурсивы в устных спонтанных монологах: социальное и индивидуальное. – Тезисы 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 438.
- Ерофеева Т. И.** 1995. Социолект: стратификационное исследование. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Крейдлин Г. Е.** 2002. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение.
- Личностный опросник ЕРІ (методика Г. Айзенка).** 1995. – Альманах психологических тестов. М.: КСП. С. 217–224.
- Сахарный Л. В.** 1991. Тексты-примитивы и закономерности их порождения. – Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука. С. 221–237.
- Lakoff G.** 1973. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. – Journal of Philosophical Logic. Vol. 2 (4). Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company. P. 458–508.
- Teiger Paul D., Barron-Teiger B.** 1998. The Art of SpeedReading People. Little, Brown, Boston.

ОТ ГИПЕРКОРРЕКТНОСТИ – К ГИПЕРВЕЖЛИВОСТИ: ОБ ОДНОЙ РАСПРОСТРАНЕННОЙ АНОМАЛИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ РЕЧИ

Виктория Ложкина (Санкт-Петербург)

В настоящее время в русской речи распространилась и активно употребляется формула <МОЗНО/МОЗНЕТЕ/МОЗНESH'/МО-
GU LI YA... POZHALUJSTA + Inf/Acc>. Ее появление приходится примерно на границу XX–XXI вв. По одной из версий, основной путь вхождения этой формулы в русский язык – калькирование англоязычной конструкции *May I please*. По мнению И. В. Высоцкой и О. И. Северской, впервые эта формула прозвучала по-русски в переведенных с английского фильмах и телепередачах, откуда перешла в речь и постепенно широко распространилась (Высоцкая, Северская 2019: 227). Однако более вероятным представляется другое предположение. Уже И. В. Высоцкая и О. И. Северская в своей статье отмечают, что в это же время в русском языке начали постепенно складываться новые традиции вежливого общения, стала формироваться «новая русская вежливость». Как пишет Р. Ратмайр, этот процесс сопровождал социокультурный сдвиг в сфере обслуживания: производители старались наладить новые правила общения с клиентами, подражая европейским фирмам. Появилось обязательное использование стандартизированных

форм вежливости, непривычных для человека постсоветского пространства. Вместе с тем, как пишет Р. Ратмайр, в условиях социальной коммуникации «отрицательно маркируется не только отсутствие вежливости, но и слишком высокая степень вежливости» (Ратмайр 2009: 63). Этим можно объяснить, в частности, отрицательное отношение некоторых носителей русского языка к частотной в сфере услуг гипервежливой формуле <МОЖНО/МОЖЕТЕ/МОЖЕШЬ/МОГУ ЛИ Я... ПОЖАЛУЙСТА + Inf/Асс>. И. В. Высоцкая и О. И. Северская полагают, что неприятие она вызывает в основном у людей старшего возраста, что позволяет охарактеризовать конструкцию как «маркер этикетного раскола поколений» (Высоцкая, Северская 2019: 225).

Целью настоящей статьи является описание актуального функционирования формулы <МОЖНО/МОЖЕТЕ/МОЖЕШЬ/МОГУ ЛИ Я... ПОЖАЛУЙСТА + Inf/Асс> в речи современных студентов. Отправной точкой наших рассуждений служит предположение, что названная речевая формула возникает как следствие гиперкорректности¹. Говорящий, не обладая достаточными знаниями, но стремясь говорить правильно и красиво, делает так называемые «ошибки от усердия». Это может быть связано в том числе с традицией воспитания. Так, Е. А. Земская пишет: «Существуют слои, которые не могут обходиться и не обходятся без ритуального выражения вежливости» (Земская 1997: 275). «С раннего детства детей приучают говорить спасибо и пожалуйста, именуя эти слова “волшебными”» (Там же). К тому же в сознании

¹ Термин «гиперкорректность/гиперкоррекция» может трактоваться по-разному в зависимости от его использования в той или иной сфере лингвистики. Так, О. С. Ахманова называет гиперкорректностью «ошибочное свойство форм (слов и т. п.) ошибочно исправленных на основании неверной этимологии» (Ахманова 2004). Иногда этот термин употребляют в значении 'автоматическое следование некоторому запретительному правилу (чаще всего из области произношения), вызванное стремлением говорить правильно, но приводящее к появлению неправильных форм при попытке корректировать свою речь' (Азимов, Шукин 2009: 47).

русскоязычного человека прослеживается связь вежливости в общении с высоким уровнем образования (Ратмайр 2009: 63). Интересно, что далее в работе Е. А. Земская приводит пример, близкий к теме нашего исследования: *Да, пожалуйста, если можно* (Земская 1997: 275). Разумеется, избыточности в этом предложении нет, так как ПОЖАЛУЙСТА и МОЖНО находятся в разных частях сложного предложения. Однако легко представить, как в будущем носитель языка, стремясь к экономии речевых усилий, опустит подчинительный союз *если*, и фраза перейдет в разряд гипервежливых.

Вопрос об *экономии речевых усилий* является важным для настоящей работы. Живая речь обладает двумя диаметрально противоположными свойствами: с одной стороны, говорящий желает сократить время и усилия на произнесение той или иной фразы, а с другой стороны, в его речи нередко появляются избыточные единицы. По мнению Н. В. Богдановой-Бегларян, «лингвистическая экономия, являясь, по сути, *деструктивной* <здесь и далее в цитате курсив мой. – В. Л.>, оказывается в то же время и *созидательной*» (Богданова-Бегларян 2018: 23). Возможно, что исследуемая формула <МОЖНО/МОЖЕТЕ/МОЖЕШЬ/МОГУ ЛИ Я... ПОЖАЛУЙСТА + Inf/Асс> является примером именно такой избыточности.

Категория вежливости стала объектом «лингвистического описания <...> относительно недавно» (Брагина и др. 2021: 219). Е. А. Земская в работе «Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка» (Земская 1997) описывает достижения лингвистики в области описания категории вежливости в 90-е годы прошлого века. В частности, автор обращается к теории П. Браун и С. Левинсона и полемизирует с ней. Британские ученые предлагают разделить понятие вежливости на *негативную* вежливость и *позитивную* вежливость. Однако Е. А. Земская считает, что негативная вежливость – это, скорее, «отсутствие вежливости» (Земская 1997: 272), чем особая ее разновидность.

Таким образом, анализ функционирования в современной речи формулы <МОЖНО/МОЖЕТЕ/МОЖЕШЬ/МОГУ ЛИ Я... ПОЖАЛУЙСТА + Inf/Асс> можно считать вполне актуальным для современной русистики.

Основной материал настоящего исследования делится на две части: пользовательский подкорпус, включающий данные из переписки студентов в социальной сети ВКонтакте, а также результаты социолингвистического опроса, проведенного в 2022 году.

Собранный для исследования пользовательский подкорпус содержит 50 контекстов (сообщений студентов СПбГУ, в которых встречается исследуемая речевая формула). Среди студентов – 20% филологов и 80% нефилологов. Все контексты датированы 2020–2022 гг. Возраст респондентов – от 18 до 23 лет. Подавляющее большинство высказываний (90%) принадлежит девушкам (это объясняется, скорее, кругом общения автора и не дает оснований предполагать наибольшую активность употребления этой формулы в речи именно студенток).

Все контексты зафиксированы в двух коммуникативных ситуациях (КС).

КС-1. Обращение студента к преподавателю:

- *Можете пожалуйста сфотографировать еще раз?*²
- *Могу ли я выступить в другой раз, пожалуйста?*
- *Можете тогда, пожалуйста, отменить мою заявку в ЛМС? Спасибо.*

Формула в этой КС реализуется во всех вариантах, за исключением неформального <МОЖЕШЬ... ПОЖАЛУЙСТА + Inf/Асс>, что объясняется уважительным отношением студента к преподавателю (профессору и/или научному руководителю). Графически компонент ПОЖАЛУЙСТА здесь никогда не сокращается и в большинстве случаев выделяется с двух сторон запятыми, ср.:

² Здесь и далее в примерах авторские пунктуация и орфография сохранены.

- *Здравствуйте, Регина Амуровна! Можете, пожалуйста, поставить в графу "Оценка", что у меня всё зачтено, потому что без этого считается, что допуска нет?*

В большинстве случаев предложение с рассматриваемой речевой формулой оформляется как вопрос: в конце ставится вопросительный знак:

- *А можно будет сделать это после 1 мая, пожалуйста?*

КС-2. Общение студентов с другими студентами:

- *Можно ссылку, пожалуйста.*

Здесь можно выделить варианты данной коммуникативной ситуации: а) обращение к однокурснику/одногоруппнику/хорошему товарищу (более неформальный стиль общения); б) обращение к старшему студенту/менее знакомому/главе студенческого совета (стиль общения официальный, он близок к КС-1). В дальнейшем для удобства эти варианты КС-2 не разделяются.

В КС-2 рассматриваемая формула реализуется во всех возможных вариантах, графически компонент ПОЖАЛУЙСТА передается различными способами:

- полное написание: *пожалуйста: Можно чек лист пожалуйста;*

графические сокращения:

- *У тебя есть пауер банк? Можешь пж взять если есть?*
- *Можешь пж сфоткать листья дуба и клена.*

Примерно в 60% случаев тот же компонент ПОЖАЛУЙСТА не выделяется на письме запятыми:

- *Можно ещё раз пожалуйста;*
- *А можно поподробнее для прогульщиков, пожалуйста...*

Это можно объяснить, например, скоростью коммуникации в интернете и все тем же стремлением к экономии времени и усилий.

Важной особенностью неформальной переписки студентов в социальной сети является усиление просьбы смайликами. Из примеров далее видно, что даже гипервежливая формула кажется

молодым людям недостаточно вежливой. В пользовательском под-корпусе 10% контекстов сопровождаются двумя смайликами: 🙏 и 🙏🙏. Попробуем разобраться в их семантическом наполнении.

Смайлик 🙏 имеет семантику усиленной просьбы, даже мольбы:

- *А можно пожалуйста не поттера 🙏🙏).*

Смайлик 🙏🙏 сравнительно недавно вошел в широкое употребление и имеет семантику стеснения, это своеобразная просьба о поощрении просящего, так он может выражать некоторую безвыходность своего положения:

- *Можно пожалуйста 🙏🙏);*
- *Можете рассказать, пожалуйста, что задали? 🙏🙏).*

Для уточнения семантики смайликов был проведен небольшой лингвистический опрос, в котором приняли участие 10 студентов. Результаты оказались очень разнообразны, респонденты не дали единого толкования, ср.:

- *он точно передает какое-то волнение, вероятно в хорошем смысле. Как от любопытства;*
- *застенчивость;*
- *я конечно дико извиняюсь;*
- *сконфуженно;*
- *неловкость, смущение;*
- *пожалуйста/прости;*
- *смущенная просьба.*

Хорошо видно, что единого мнения по поводу семантики используемых смайликов у студентов нет. Очевидно, этот вопрос заслуживает отдельного изучения.

Вторая часть собранного материала была получена в ходе социолингвистического опроса, который был проведен в феврале 2022 года. В опросе приняли участие 114 человек. Все респонденты являются студентами СПбГУ в возрасте в основном от 18 до 23 лет (2 человека оказались младше 18 лет и 3 – старше 23 лет).

Респонденты, имеющие (получающие) филологическое образование, составили 31% опрошенных. Таким образом, удалось охватить достаточно широкую аудиторию студентов-нефилологов, опирающихся не на лингвистические знания, а только на собственное языковое чутье, а также тех, кто привык уделять пристальное внимание различным явлениям речи.

Респондентам было предложено 6 вопросов: первые два – о нормативности исследуемой речевой формулы, следующие два – о ее степени вежливости, еще два вопроса касались проблем пунктуации в двух разных КС; и наконец, последние два вопроса были связаны с графической передачей компонента ПОЖАЛУЙСТА.

Рассмотрим подробнее полученные результаты.

Очень интересным оказался выбор студентами «правильного» варианта из четырех предложенных – см. рис. 1.

Какой вариант кажется Вам наиболее правильным?

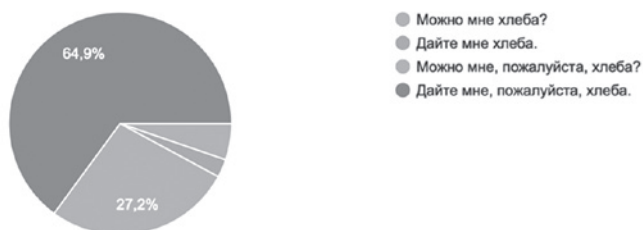

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос (1) Какой вариант кажется Вам наиболее правильным?

Как можно видеть из диаграммы на Рисунке 1, почти 65% студентов выбрали в качестве правильного вариант, в котором не содержится компонента МОЖНО (а именно – *Дайте мне, пожалуйста, хлеба*). Но уже на втором месте по популярности (27,2%) оказался вариант с рассматриваемой речевой формулой: *Можно мне, пожалуйста, хлеба?*

Из этого можно сделать вывод, что современные молодые люди, в частности студенты, довольно слабо ощущают аномальность и гиперкорректность исследуемой речевой формулы.

Большинство респондентов (69,3%) выбрали вариант *Можно мне воды, пожалуйста?* и как наиболее вежливый – см. Рисунок 2. Можно, по-видимому, согласиться с приведенным выше мнением исследователей, что перед нами процесс становления «новой русской вежливости».

Какой вариант кажется Вам наиболее вежливым?

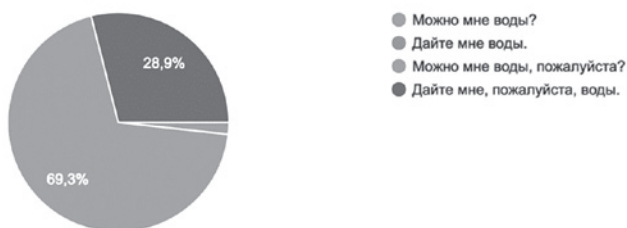

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос (2) Какой вариант кажется Вам наиболее вежливым?

Вопрос с выбором пунктуационного оформления исследуемой формулы был направлен, главным образом, на выяснение следующих моментов: 1) при письменном обращении к преподавателю/профессору/научному руководителю (КС-1) – выделяют ли студенты компонент ПОЖАЛУЙСТА запятыми и ставят ли знак вопроса в конце предложения; 2) при письменном общении студентов с друзьями и/или одногруппниками (КС-2) – выделяется ли компонент ПОЖАЛУЙСТА запятыми и ставится ли знак вопроса в конце предложения. Рассмотрим полученные результаты.

В ситуации КС-1 61% студентов выбрали вариант с постановкой всех необходимых знаков препинания: выделением компонента ПОЖАЛУЙСТА запятыми и знаком вопроса в конце предложения (*Можете прислать мне список литературы, пожалуйста?*), и

только один студент выбрал вариант, исключаящий любые знаки пунктуации (*Можете прислать мне список литературы пожалуйста*).

В ситуации КС-2 высокую употребительность показали сразу три варианта: 47% – *Можешь скинуть ссылку, пожалуйста?* (запятая и вопросительный знак); 35% – *Можешь скинуть ссылку, пожалуйста* (запятая и отсутствие вопросительного знака); 27% – *Можешь скинуть ссылку пожалуйста* (нет ни запятой, ни вопросительного знака).

Уже в этой части опроса респонденты предлагали свои варианты ответа, в которых можно наблюдать сопровождение речевой формулы смайликами и графическими сокращениями компонента ПОЖАЛУЙСТА: *можешь скинуть ссылку 🙏 / Кинь ссылку **пж** / Скинь ссылку **пж** / Кинь ссылку **плиз***.

В целом 40% опрошенных привыкли использовать графические сокращения компонента ПОЖАЛУЙСТА. Предложенные ими варианты написания можно видеть на *Рисунке 3*.

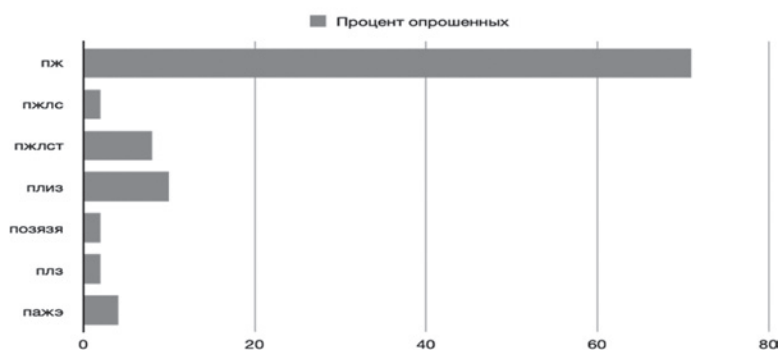

Рисунок 3. Варианты написания слова ПОЖАЛУЙСТА, предложенные респондентами

Из рисунка видно, что самым популярным вариантом сокращения является форма *пж* (70%). Интересно, что вторым по популярности

(и, надо сказать, существенно уступающим первому) вариантом является транслитерированное английское слово *плиз* (*please*) (10%).

При сборе материала для анализа можно было также наблюдать рефлексию студентов относительно степени нормативности формул <МОЖНО/МОЖЕТЕ/МОЖЕШЬ/МОГУ ЛИ Я... ПОЖАЛУЙСТА + Inf/Асс>. Обнаружились, в числе прочего, случаи негативной реакции, ср.:

- *Я не люблю формулировку «можно». Нет, блин нельзя. Прошу типа «Подскажите какую литературу использовать» или «пришлите пожалуйста литературу» или «посоветуйте, что почитать».*

Очевидно, в этом можно усмотреть доказательство утверждения Р. Ратмайр об отрицательном маркировании избыточной вежливости.

Еще один студент специально переучивает себя, чтобы не допускать ошибок в речи:

- *Я уже привыкла писать таким образом, чтобы «можно» и «пожалуйста» не встречались в одном предложении.*

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Речевая формула <МОЖНО/МОЖЕТЕ/МОЖЕШЬ/МОГУ ЛИ Я... ПОЖАЛУЙСТА + Inf/Асс> находится в активном словарном запасе современных студентов.
2. Многие молодые люди знают о неправильности этой формулы, однако абсолютное большинство считает ее наиболее вежливой.
3. Среди современных студентов есть те, кто сознательно продолжает использовать неправильную формулу в речи, а есть и такие, кто старается себя переучить.
4. В письменной неформальной среде компонент ПОЖАЛУЙСТА часто сокращается, заменяется транслитерированным англоязычным синонимом (*плиз*).

5. Гипервежливая речевая формула нередко сопровождается графическими знаками, смайликами, с семантикой усиления просьбы или смущения.
6. Можно предположить, что перед нами – действительно постепенный процесс образования новой вежливой формы в русском языке.

Однако важно учесть, что разговорная речь (и язык вообще) – динамичная, развивающаяся система. И релевантность наших предположений может подтвердить только время. «Язык, надо дать себе отчет, меняется, и с этим сделать ничего нельзя... Мы можем только фиксировать и дивиться» (Вайль 2015).

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов Э. Г., Шукин А. Н. 2009.** Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР.
- Ахманова О. С. 2004.** Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС.
- Богданова-Бегларян Н. В. 2018.** Фонетический Тяни-Толкай: о двух разнонаправленных тенденциях в построении устного текста. – Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Фонетика. № 18. С. 22–31.
- Брагина Н. Г., Иссерс О. С., Мендоза И., Ратмайр Р. 2021.** Категория языковой вежливости и ее комплексное описание (к постановке проблемы). – Коммуникативные исследования. № 2. С. 217–232.
- Вайль П. Л. 2015.** Еще раз о русском языке. http://kabruss.blogspot.com/2015/06/blog-post_26.html (дата обращения: 02.03.2022).
- Высоцкая И. В., Северская О. И. 2019.** «Можно, пожалуйста, ...» как речевая формула «новой русской вежливости». – Сибирский филологический журнал. № 3. С. 225–233.
- Ратмайр Р. 2009.** «Новая русская вежливость» – мода делового этикета или коренное прагматическое изменение? – Вопросы языкознания. № 1. С. 63–81.

ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛ ИНТЕНСИФИКАЦИИ В ЯЗЫКЕ: ОТ НАРЕЧИЯ К ХЕШТЕГУ

Юлия Локалина (Санкт-Петербург)

Одной из важнейших тем последних лет в лингвистике является интенсификация в языке. Лингвистом, обратившимся к этому явлению одним из первых, был У. Лабов. Интенсификация связана с выражением эмоций носителя языка, для которого важно усилить семантику своих слов в той или иной ситуации. Именно поэтому У. Лабов считает, что средства языковой интенсификации «лежат в основе социального и эмоционального выражения» в речи говорящего (Labov 1984: 43).

К такой особенности в языке обратилась и А. Вежбицкая. Согласно лингвисту, гиперболозованность русской речи как средство «выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных» (Вежбицкая 1996: 84), является яркой чертой современного языка, использующего интенсифицирующие способы выражения. Действительно, часто в разговорной речи носителей языка, в рекламе, в интернете и других источниках можно услышать такие словосочетания: *суперпитательный батончик, грандиозный скандал* и т. д.

Стоит отметить, что функционально-семантическая категория интенсивности обладает свойством всеобщности, средства ее выражения охватывают языковые единицы разных уровней: глаголы,

прилагательные, наречия, местоимения, существительные, фразеологические единицы, целостные тексты и проч. (см.: Безрукова 2004: 3). Согласно П. А. Леканту, под интенсификацией понимается ряд функционально-семантических операций, включающих подчеркивание (акцентирование), усиление, полноту, градацию (обычно высокую ее степень), обобщение и оценку (см.: Лекант 2011: 58). Лексические и фразеологизированные интенсификаторы – это языковые единицы, план содержания которых включает вышеупомянутые функционально-семантические операции.

В данной работе анализируется конструкция *от слова совсем*, являющаяся интенсификатором в современной речи. В состав конструкции входит наречие *совсем*. Именно оно и создает эту экспрессию. Данное наречие – наречие меры и степени, указывающее на различную степень проявления какого-либо признака. Наречия меры и степени определяются как лексические и фразеологические единицы, выполняющие «функцию указания на степень величины или на оценку признака субъекта речи» (Ховалкина 1996: 80). Эта группа наречий была отмечена в трудах В. В. Виноградова, Н. Н. Прокоповича, И. П. Слесаревой, А. Н. Баранова, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, Е. Кржижковой, А. А. Ховалкиной и др.

«Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» определяет *совсем* как наречие, указывающее на «большую интенсивность итогового состояния» (НОССРЯ 2003: 1082). Кроме НОССРЯ определение наречию *совсем* дает и «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка», отмечающий значение «полного завершения/кульминации процесса», названного словом, взаимодействующим с данным наречием (Баранов и др. 1993: 148). И, наконец, «Словарь русского языка» (в 4-х т.) дает такое определение: «совершенно, полностью» (МАС 1985–1988, 4: 177). Из представленных определений можно сделать вывод о том, что наречие отражает градуальность, т. е. наречие *совсем* указывает на высокую степень величины какого-либо признака.

Исследователи, анализирующие конструкцию *от слова совсем*, отмечают, что рассматриваемое фразеологизированное выражение произошло от свободного сочетания *от слова*, которое обычно употребляется как отсылка к этимологии слова (см.: Вознесенская, Северская 2019: 477). Однако в новом значении «*от слова совсем*» отсылает к оси синтагматики, то есть *совсем* <...> синтагматически связано со словами этого или предыдущего предложения» (Там же).

С. С. Белоусов в работе «От слова совсем как грамматическая конструкция» представил первый случай употребления данной конструкции. Ему удалось найти пример использования конструкции на одном из форумов, где мужчина из города Волгодонска в 2005 году написал следующее: «Единственный крупный минус – водонепроницаемость отсутствует, от слова “совсем”» (Белоусов 2016: 72).

Начиная с 2005 года конструкция стала развиваться и функционировать в текстах блогов в социальных сетях. Важно отметить, что конструкции одного вида записи не существует. Возможны следующие варианты написания:

- 1) с использованием запятой, отделяющей хештег от главного предложения:
Возможно #детектив, #фэнтези, драма или бурный роман не интересны, #отсловасовсем;
- 2) с использованием точки, в результате чего образуется парцелляция:
Все работает иначе. #отсловасовсем;
- 3) с использованием многоточия, интонационно выделяющего хештег:
С тобой рядом совсем не страшно... #отсловасовсем.

В качестве еще одного доказательства обратимся к предложениям, написанным в 2013, 2017 и 2019 годах соответственно:

- 1) *Жесткий ноутбукный рюкзак Logitech Kinetik Backpack исчез из продажи, от слова совсем;*

- 2) Решили для контраста и красивых кадров ради посмотреть элитную недвижимость и вдруг узнали от местного эксперта, что ее не существует – от слова совсем;
- 3) Уйду из жизни – никому это не будет нужно от слова совсем.

Здесь можно также увидеть разное написание: пунктуационно конструкция может выделяться, а может и не выделяться.

Данные сайта Национального корпуса русского языка показывают только два употребления конструкции *от слова совсем* в основном корпусе и 14 употреблений в газетном. Следовательно, можно сделать вывод, что *от слова совсем* употребляется реже в повседневной жизни, чем в СМИ. Это позволяет предположить, что и в публицистических текстах, особенностью которых является эмоциональность и оценочность, важной составляющей являются именно интенсификаторы.

С развитием социальных сетей интенсификатор *от слова совсем* приобрел форму хештега. Хештег стал известен 23 августа 2007 г. Бывший сотрудник Google американец Крис Мессина опубликовал твит с предложением индексировать информацию по тематическим «каналам» через применение хеш-символа # и словесного тега. Идея создания такого явления принадлежит Мессину, а само название термина ввел ведущий научный сотрудник медиаконпании Gigaom С. Бойд. Он соединил заимствованное из языка программирования название символа (#) *hash* ('решетка') и английское *tag* ('метка').

В настоящей статье рассматривается функционирование хештега в трех социальных сетях: «ВКонтакте», Instagram и Twitter. Перед тем как перейти к анализу, обратимся к определению самого хештега.

Согласно данным Википедии, хештег «представляет собой слово или объединение слов (без пробелов), которому предшествует символ #... Хештеги используют в рекламной продукции или арт-представлениях в качестве отсылки к появившейся тенденции в интернете или в попытке создать такую тенденцию» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Хештег>, дата обращения: 15.01.2022).

Такое общее определение необходимо для понимания, что такое «хештег», однако для данного исследования наиболее значима характеристика указанного понятия, представленная в статье The Guardian. Русский перевод этой статьи размещен на платформе интернет-СМИ «Ридус». Согласно газете, «дети употребляют слово “хештег” или его обозначение “#” для создания драматического эффекта и для усиления напряжения». В качестве примеров приводятся такие предложения:

- 4) *Это чудесный день, #солнечно;*
- 5) *У меня самая лучшая семья, #фантастическаясемья.*

Таким образом, хештег также участвует в процессе интенсификации. В связи с этим конструкция *от слова совсем*, ставшая хештегом, приобрела семантику особого (двойного) усиления.

В работе было рассмотрено употребление хештега в таких соцсетях, как «ВКонтакте», Instagram и Twitter. Обращаясь к истории употребления рассматриваемого хештега, отметим первые зафиксированные случаи его наличия в указанных социальных сетях:

- 6) Instagram (дата основания: 2010 г.): *Симку с интернетом сегодня купить не успела, а завтра воскресенье и #греки-нехотятработать #отсловасовсем* (2014 г.);
- 7) «ВКонтакте» (дата основания: 2006 г.): *Я так устала, уже на грани и хочу послать все нафиг, уехать туда, где ждут, где есть друзья и поддержка. #зеркало #отсловасовсем* (2016 г.);
- 8) Twitter (дата основания: 2006 г.): *#первакинепришли #отсловасовсем* (2014 г.).

Важно сказать о неравномерном соотношении собранного материала. Чаще всего хештег используется в Instagram (55%), реже – в сети «ВКонтакте» (32%), и наименьшее количество употреблений можно найти в сети Twitter (13%). Такое соотношение можно объяснить повышенной популярностью двух первых сайтов (РИА «Новости» 2021).

Спецификой хештега как интенсификатора можно считать и его графические особенности. Пользователи сети особенно любят прописные буквы, являющиеся способом выделения слова или его части. Проанализировав собранный материал, были отмечены следующие варианты:

- использование только прописных букв: #ОТСЛОВАСОВСЕМ;
- выделение начальной буквы последующих слов: #отСловаСовсем;
- выделение начальных букв каждого слова: #ОтСловаСовсем;
- использование прописных букв для выделения нужного слова: #отсловаСОВСЕМ.

Таким способом пользователи сети часто прибегают к выражению эмоций. Интересно, что набирая текст всеми прописными буквами и графически создавая иллюзию изменения интонации, носители языка выражают широкий спектр эмоций и чувств, например, гнев, раздражение, недовольство и т. д. Рассмотрим следующие примеры:

- 9) *На пляже отсутствуют лежаки #отСловаСовсем;*
- 10) *Раньше я не умела отдыхать #ОтСловаСовсем;*
- 11) *Потому что от психологического насилия законы России не защищают. #отсловаСОВСЕМ;*
- 12) *Скажу, откровенно, я была не готова #ОТСЛОВАСОВСЕМ.*

Примеры показывают, что носитель языка пытается поставить акцент на отдельных словах или буквах, тем самым делая логическое ударение.

Необходимо подчеркнуть и то, что усиление значения в тексте хештег может создавать, во-первых, с помощью тавтологии типа *совсем – совсем*:

- 13) *Ты у меня такой мудрый, такой умный, такой большой, что с тобой рядом совсем не страшно... #отсловасовсем;*
- 14) *Там было пусто совсем #отсловасовсем.*

Во-вторых, в текстах часто образуется плеоназм, т. е. рядом стоят близкие по смыслу слова, такие как *вообще – совсем*:

15) *Шапки Тим не признает вообще, #отсловасовсем;*

16) *Ее не было вообще #отсловасовсем.*

Важно, что хештег *#отсловасовсем* практически во всех своих употреблениях усиливает семантику взаимодействующих с ним слов. Как правило, он выполняет в тексте функцию обстоятельства меры и степени (при глаголе или другом обстоятельстве, также меры и степени). Это можно отметить и при использовании хештега, и отдельно конструкции. Нужно добавить, что способствует этому усилению наличие в составе хештега именно наречия *совсем*:

- *Убрали длину (насколько?) #отсловасовсем;*
- *Я их не боюсь (насколько?) от слова совсем.*

Таким образом, семантика исходного наречия *совсем* «подчиняет себе» и конструкцию, и хештег. Предложенная выше «шкала интенсификации» демонстрирует графические и связанные с ними семантические изменения, способствующие усилению интенсификации языкового выражения. Особенно важно отметить, что яркой чертой современного русского языка является использование интенсифицирующих средств. Благодаря этому получила популярность конструкция *от слова совсем*, а впоследствии и хештег.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А. Н., Плулгян В. А., Рахилина Е. В. 1993.** Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры.
- Безрукова В. В. 2004.** Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка). Дис. ...канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ.
- Белоусов С. С. 2016.** От слова совсем как грамматическая конструкция. – Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 7–1 (160). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. С. 72–77.
- Вежбицкая А. 1996.** Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари.

- Википедия.** Хештег. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хештег> (дата обращения: 15.01.2022).
- Вознесенская М. М., Северская О. И. 2019.** «Ни разу от слова совсем»: усилительная семантика сленговых аграмматизмов. – Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума. Ярославль: РИО ЯГПУ. С. 472–482.
- Интернет-издание «Ридус». 2015.** СМИ: обозначение «хэштег» – слово года для юных британцев. <https://www.ridus.ru/news/186830> (Дата обращения: 15.03.2022).
- Лекант П. А. 2011.** Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке. – Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. М.: Изд-во МГОУ. С. 130–136.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (НОССРЯ). 2003.** М.: Школа «Языки славянской культуры».
- РИА «Новости». 2021.** Аналитики назвали самые популярные в России соцсети. <https://ria.ru/20211119/sotsseti-1759749020.html> (Дата обращения: 19.11.2021).
- Словарь русского языка (МАС). 1985–1988.** В 4-х т. Т. 4. М.: Русский язык.
- Ховалкина А. А. 1996.** Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке. Симферополь: Таврия.
- AIRSOFTGUN.RU.** Где купить М-65. – Конференция на AIRSOFTGUN.RU. <https://airsoftgun.ru/phpBB/viewtopic.php?t=5383> (Дата обращения: 30.10.2021).
- Labov W. 1984.** Intensity. – Meaning, Form, and Use in Context: Linguistic Applications. Washington, D. C.: Georgetown University Press. P. 43–70.

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. БРОДСКОГО: УРОВЕНЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Анна Музычук (Санкт-Петербург)

В современной лингвистической науке проблема (мета)языковой рефлексии остается актуальной. Она рассматривается исследователями довольно часто и с различных точек зрения. Как филологический дискурс (Н. А. Фатеева), преломление фактов языка в художественных произведениях (М. Р. Шумарина) и явление, проанализированное с позиций функционально-типологического подхода (И. Т. Вепрева). Отметим, что И. Т. Вепрева вводит в научный оборот специальный термин «рефлексив», сущность которого определяется как «метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы» (Вепрева 2002: 76). Вслед за М. Р. Шумариной мы понимаем под рефлексивом всякий метаязыковой контекст, реализующий (эксплицитно или имплицитно) метаязыковое суждение о любом факте языка/речи. Форма (мета)языковой рефлексии, которой посвящена наша работа, относится к тому, что обозначено в монографии М. Р. Шумариной как поэтическая рефлексия (далее – ПР). ПР является воплощением творческого уровня метаязыкового сознания. Данный уровень отличает осознанная интерпретация фактов языка/речи.

Интересным представляется утверждение о том, что поэтический язык способен вскрывать потенциальные возможности языковой системы: «Языковая рефлексия (далее – ЯР – отв. ред. И. А.) в большей или меньшей степени свойственна всем носителям языка. Уже минимум рефлексии обеспечивает грамотное владение языком и речью. Писатели, а особенно поэты, наделены ею в максимальной степени – проявление их ЯР представляет большую ценность, обладает высоким престижем, может быть использовано в нормализации языка» (Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2011: 810).

Цель данной работы – проанализировать, каким образом возможность использования потенциальных свойств лексической семантики языковых единиц приводит к смысловым преобразованиям и приращениям, значительным трансформациям структуры значения слова в поэтических произведениях И. А. Бродского. Исследование выполняется на стыке таких актуальных направлений современного теоретического языкознания, как изучение явлений (мета)языковой рефлексии (Н. А. Фатеева, М. Р. Шумарина, И. Т. Вепрева), теория значения (М. В. Никитин), лексическая семантика (М. А. Кронгауз) и лексикология (Л. Г. Бабенко) на материале полного корпуса русскоязычных произведений И. А. Бродского (471 текст, так как исключены стихи для детей и шуточные для друзей, а также переводы) с использованием метода лингвостилистического анализа поэтического текста. Какие процессы, происходящие в поэтическом языке Бродского, способны обогатить язык как систему? Почему рассматриваемая нами проблема выходит за рамки того, что можно было бы обозначить как образность в стихотворениях? Представляется, что поэтической выразительности Бродский предпочитает лингвистическую точность в той форме, как он ее понимает: «Внешне сильно напоминающее стремление к Истине, стремление к точности по своей природе лингвистично, т. е. коренится в языке, берет начало в слове» (Бродский 2015: 216). Эту

мысль Бродский выражал не только в эссе, посвященном поэзии М. И. Цветаевой, но он также сформулировал ее в своем знаменитом стихотворении «Вертумн»: «В поисках точного слова, точного выражения» («Вертумн», II, 182). Н. А. Фатеева выделяет следующие уровни метаязыковой организации поэтического текста: 1) лексический (слова, называющие языковые и стиховые явления); 2) фразеологический (фразеологизмы, содержащие и/или обыгрывающие лингвистические термины); 3) лексикографический (происходит научение читателя тем словам, которые поэт использует, то есть реализуется некоторое словарное толкование, но с учетом поэтического задания); 4) словообразовательный (неологизмы); 5) грамматический (в текстах содержатся грамматически аномальные слова или высказывания с последующим объяснением, которое дано с точки зрения поэта); 6) фонетический и орфографический (например, эксперименты со стихотворениями из одних гласных или с терминами артикуляции); 7) только орфографический (нередко исторический подтекст есть, также зачастую касается графического облика букв); 8) пунктуационный (знаки препинания как источник смысловых трансформаций поэтического выражения); 9) интерлингвистический (запись текста в другом алфавите); 10) уровень стихосложения (например, «Свободный стих» написан у Д. С. Самойлова свободным стихом); 11) текстовый (на этом уровне происходит текстопорождение в виде, например, произведения о том, как рождается стих; в другой терминологии это возможно охарактеризовать как автометаописание, встречающееся у И. А. Бродского, например, в цикле «Часть речи»); 12) интертекстуальный (метаязыковая рефлексия в особом построении текстов, воспроизводящих стиль или языковые приемы другого поэта). Мы проанализируем в поэтических произведениях Бродского взаимопроникновение следующих уровней: лексического, лексикографического, текстового. Стоит отметить, что лексический уровень будет рассмотрен нами не как рефлексия по отношению

к лингвистическому или поэтическому термину (ср. у Пастернака есть стихотворение про анапест), но в качестве уровня лексических единиц, которые могут характеризовать предметы совершенно разной природы, не только лингвистической или поэтической.

Предлагаемое лингвистическое исследование является небольшим фрагментом актуальной темы «Бродский и язык». Оно направлено на один из уровней (мета)языковой рефлексии поэта, уровень компонентной организации лексических единиц, а также призвано определить значение этого преобразования для идиостиля поэта. Отметим, что анализу подвергается не столько лексическое своеобразие стихотворений Бродского, сколько расщепление семантики слов на компоненты. Поясним: при использовании окказионализма достигается некий внешний эффект (см., например, «надвадцатого мартабря»), а при работе с компонентной организацией значения слова эффект можно охарактеризовать как внутренний, затрагивающий глубинные процессы понимания и интерпретации художественного текста. Опуская здесь обширную тему филологичности поэзии Бродского, остановимся тем не менее на том, что интерес к лексико-семантическому полю «язык» проявляется уже в ранних стихотворениях поэта. Обратим также внимание и на то, что уже отмечены ведущими исследователями творчества И. А. Бродского следующие особенности его поэтического языка: недискретность поэтического словаря и неповторимая семантическая валентность слова (М. Крепс); окказиональное словоупотребление и наличие авторских коннотаций некоторых слов (А. М. Ранчин); «филологическая метафора» как проявление языковой рефлексии и концептуализации мира в знаках языка (Д. Н. Ахапкин). Т. Патера провела исследование поэтического словаря И. А. Бродского, подсчитав все словоупотребления поэта и предложив материал в виде многотомного конкорданса. Язык как сознание, Бог, Время и императив существования в текстах Бродского рассмотрен И. И. Плехановой: «Для Бродского истина заключена в

самом бытии языка, а его бытие способствует утверждению истины, создает особый императив существования и даже моделирует действительность» (Плеханова 2012: 172).

Отдельное внимание хотелось бы обратить на выявленные нами методом сплошной выборки контексты, которые маркированы словами *точнее/точней*, *вернее/верней* в составе уточняющей конструкции в поэтическом языке Иосифа Бродского. В терминологии М. Р. Шумариной данные контексты со словами *точнее/точней* и *вернее/верней* являются аналогами метаоператоров, т. е. сигналами метаязыковой рефлексии, которые выражены материально, но представлены как косвенные. Слово *верней* (и его версия – *вернее*) встречаются, по данным Конкорданса Т. Патеры, 56 раз, и это противопоставлено употреблению данного слова в иной (например, сравнительной функции), которое в сумме составляет всего 8 раз. Мы видим, что заметное преимущество есть у тех употреблений слова, которые входят в уточняющую конструкцию, однако стоит проанализировать, что именно они уточняют.

Предположим, что это словоупотребление у Бродского является проявлением языковой рефлексии в составе метакоммуникативной вставки, которая, например, возможна в живой речи в ситуации, когда человек правит речь по ходу самого речевого сообщения. Как это происходит в поэзии? Обратимся к примеру:

Но в том и состоит искусство
любви, вернее, жизни – в том,
(«Пень без музыки», I, 344).

Мы видим, что перед нами первый языковой выбор – слово *любовь*, а также второй – *жизнь*. Вторым представлен как уточнение первого, а то, что уточняется с его помощью, это *любовь*. Слово *искусство* принадлежит в тексте сразу двум партнерам по словесному окружению, то есть одновременно характеризуется искусство и любви, и жизни, но последнее является уточнением первого. Следо-

вательно, ряд *искусство любви* исключается более широким рядом *искусство жизни*. Складывается лингвистически anomальная ситуация уточнения в процессе порождения речи, реализуется непривычная метакоммуникативная вставка, содержащая указание на последующий языковой выбор, который, как представляется, отменяет первый слишком сложным способом. Однако в контексте стихотворения имплицирован и другой смысл: запрет на произнесение слова *любовь*, которое в ситуации треугольника приносит лирическому герою боль.

Уточняющие конструкции в поэзии Бродского могут быть также реализованы с помощью слов *точнее/точней*. В этих случаях встречается различное оформление конструкции. Так, она может быть в начальной позиции:

Когда-нибудь, когда не будет нас,
точнее – после нас, на нашем месте
возникнет тоже что-нибудь такое,
чему любой, кто знал нас, ужаснется.
Но знавших нас не будет слишком много.
(«Остановка в пустыне», I, 231)

В постпозиции данная конструкция также встречается:

Когда я умру, а сказать точней:
когда я проснусь, и когда скучней
на первых порах мне придется там,
должно быть, виденья, я вам воздам.
(«Письмо в бутылке», I, 218)

Возможно размещение конструкции с *точнее/точней* в центральной позиции:

Ткань времени, точнее – бязь
из тикающего сырца
(«Взгляни на деревянный дом» II, 181)

Встречаются и такие примеры, где уточнение предворяет представление интенционала лексического значения слова. Под интенционалом мы вслед за М. В. Никитиным понимаем «логические зависимости составляющих его <интенционал – А. М.> семантических признаков и прежде всего родо-видовые, или спецификационные (гипергипонимические) связи» (Никитин 1988: 77).

Проанализируем работу со значением встретившегося нам по предыдущему отрывку слова *бязь*:

И он перестоит века,
галактику, жилую часть
грядущего, от паука
привычку перенявши прясть
ткань времени, точнее – бязь
из тикающего сырца,
как маятником колотясь
о стенку головой жильца.

(«Взгляни на деревянный дом...», II, 181).

Наше внимание привлекает не только отмеченное выше представление ядра лексического значения слова *бязь*, так как последнее является *тканью*, а значит, *бязь* – гипоним, а *ткань* – гипероним. Представленную в тексте Бродского модель выражения лексического значения слова *бязь* можно было бы принять за интенционал, но мы имеем в стихотворении не просто *ткань* в любых ее разновидностях, а *ткань времени*, и это усложняет модель, оставляя от нее только форму, но не гипонимо-гиперонимические точные соответствия, как это было со словами *бязь* и *ткань*. Нить человеческой жизни, по древнегреческим представлениям, прядут Парки, которые решают, сколько она продлится. Отметим, *нити*, но не *ткани*. С другой стороны, слово «текст» связано с *тканью*, текстурой. Мы видим из приведенного примера, что уточняющая конструкция, разделяющая гипероним (*ткань*) и гипоним (*бязь*), усложнена тем, что она

является характеристикой бренности человеческой жизни – *ткань времени*.

В зависимости от того, какие признаки становятся доминатными в описании предмета номинации в поэтических контекстах Бродского, можно говорить о языковой рефлексии поэта по отношению к значению слова. Например, денотат (*ромашка*) и сигнификативная конструкция (*неточный, одноразовый, срочный пророк*) связаны поэтом в составе дефиниции:

Выбегает на бровку
придорожную в срок
ромашка – неточный,
одноразовый, срочный
пророк.

(«Колокольчик звенит...», II, 462).

В приведенном примере вступают в силу законы распределения гипонимо-гиперонимических отношений внутри значения слова *ромашка*. Поясним: одним из представителей гиперонима *пророк* является *ромашка* в поэтическом языковом сознании Бродского, который вырос в языковой среде, приписывающей этому растению профетические свойства. Тем не менее, объективно в языке гиперонимом к слову *ромашка* является слово *растение*. В приведенном поэтическом контексте Бродский использует структуру интенционала лексического значения слова, чтобы оттолкнуться от нее в своем представлении о релевантных для денотата сигнификатах.

Складывается впечатление, что точное указание на признаки предмета, которые актуальны в поэтическом контексте, представлены Бродским как бы со стороны самого языка. Тем не менее, наполнение модели интенционала лексического значения слова представлено индивидуально по тем сигнификатам, которые характеризуют денотат, или по тем признакам, которые выделяются

автором как значимые. Именно поэтому, надо полагать, у читателя при первом прочтении возникает желание принять изображенную языковую структуру по модели интенционала, построенного на гипонимо-гиперонимических отношениях, за реальное положение вещей.

Использование данной модели лексического значения слова представлено не только в приведенном примере (ср.: *Старение – крови медленное струение; сухая сгущенная форма света – снег; Слава всему, что приводит в движение ветер! / В зрелом возрасте это – вариант колыбели*). Поясним, что в примере *Старение – крови медленное струение* отношения гипонима и гиперонима оказываются затемнены, но мы можем сказать, что есть признак – *крови медленное струение*, а есть то, что с помощью данного признака охарактеризовано – старение организма человека. Только уникальность семантической связи в стихотворении «Эклога IV. Зимняя» дает основание считать снег – формой света, то есть деформировать содержимое указанной выше модели представления ядра лексического значения слова *снег*, гиперонимом которого вдруг оказывается в поэтическом контексте слово *свет*. *Сухая сгущенная форма света* с одной стороны и *снег* с другой соединены Бродским в форме дефиниции, помещенной во вставную конструкцию, синтаксически оформленную с помощью двух знаков тире, в «Эклогe IV. Зимней»:

Сухая, сгущенная форма света –
снег – обрекает ольшаник, его засыпав,
на бессонницу, на доступность глазу

в темноте. Роза и незабудка

(«Эклога IV: Зимняя», II, 88)

Следующим шагом лингвистической интерпретации значений слова в поэзии становится раскрытие того расщепленного смысла, который и составляет семантическую поэтику Бродского.

Попытки анализировать семантическую структуру слова *мыс*, исходя из интенционала лексического значения имени, находим в работе Т. Е. Никольской «Роль семантического повтора в языковой композиции “Колыбельной Трескового Мыса” Иосифа Бродского»: «Родовая часть интенционала (<...>), то есть гиперсема, – «часть побережья», видовая часть представлена иерархически организованным набором дифференциальных сем: (1) окончание –> (2) выступ –> (3) угол» (Никольская 2018: 105). Автор отмечает, что Бродский задает сложную систему образов «не за счет собственно лексического повтора и приращений смысла в результате реализации синтагматических связей, а благодаря расщеплению семантики: компоненты лексического значения слова получают различную материальную манифестацию, что способствует реализации разнонаправленных векторов – центробежных и центростремительных, по которым выстраивается языковая композиция текста» (Никольская 2018: 104). Это подтверждает и нашу гипотезу о том, что преобразования лексических значений слов в поэзии Бродского затрагивают компонентную структуру, а также во многом отдаляются от того, что можно было бы сделать, изменив облик слова, т. е. прибегнув к окказионализму.

Деформировать содержимое указанной выше модели представления ядра лексического значения слова *снег*, гиперонимом которого вдруг оказывается в поэтическом контексте слово *свет* (ср.: в БАС: «Атмосферные осадки, выпадающие в виде белых звездообразных кристаллов или в виде хлопьев, представляющих собою скопление таких кристаллов», либо в другом значении: «Сплошная масса, слой этих осадков, покрывающий какое-либо пространство» (БАС, т. 13, 1962: 1471) вполне возможно для проникновения в то, что М. Крепс характеризует следующим образом: «Единицей поэтики Бродского становится не само слово с той или иной стилистической аурой, а его неповторимая семантическая валентность на уровне данного контекста» (Крепс 1984: 115).

Особенного внимания заслуживает указание на поэтические контексты, в которых реализуется дистантное расположение предмета и признака, его характеризующего, т. е. денотата и сигнификата. Дистантное расположение предмета *звук* и признака, содержащее уточнение значения слова *механический*, реализовано с помощью придаточного причини с союзом *ибо*. Оно отдаляет денотат от сигнификата, а также уточняет значение слова *механический*. В поэтическом контексте стихотворения «Осенний крик ястреба» механический звук охарактеризован как не предназначенный ни для чьих ушей. Существуют также в творчестве Бродского и другие способы уточнения значения слова в поэтическом контексте, одним из которых является маркирование с помощью союза *то есть* дистантного расположения признака и предмета. Рассмотрим пример из цитированного уже выше произведения «Эклога IV: Зимняя»: *Время в чистом, то есть без примеси вашей жизни виде*. Данное предложение является, стоит отметить, реализацией конструкции «X в чистом виде» (где X – это время), однако трансформирует ее центральное содержание, наделяя поэтическое выражение незабываемым смыслом (ср.: в живой речи «Ложь в чистом виде»). В приведенном примере указание на *ложь* говорит о том, что никакой правды в словах нет. По мнению говорящего, только *ложь* существует в том отрывке речевого акта или действия, которые он оценивает как лживые, неискренние, показные. Такова одна из реализаций модели «X в чистом виде» в живой речи, однако она не так представлена в рассматриваемом нами примере о времени. Несмотря на то, что соблюдены формальные требования к конструкции (например, *время* и *ложь* – оба слова – имена существительные), реализуется модель «X в чистом виде» в этих двух случаях употребления совершенно отлично друг от друга. Слово *время*, в отличие от слова *ложь*, не имеет оценочного потенциала.

Дистантное расположение признака и предмета, проведенное в тексте Бродского «Эклога IV: Зимняя», позволяет нарушить

семантическую спаянность *в чистом виде* и трансформировать значение слова *чистый*, с которым соотнесено в уточняющей конструкции с *то есть* слово *примесь*. Принципиально важным оказывается указание на то, что *время в чистом виде* – это именно *время* без примеси, потому и *чистое*. Тем не менее сочетаемость, предпринятая в тексте, *без примеси вашей жизни* позволяет объединить и дистантное расположение признака и предмета, и преобразование в контексте значения слова *чистый*, и уточняющую конструкцию как свернутую импликацию. Как и в рассмотренном нами выше примере, возможна подстановка союзов *ибо, так как, потому что*. Вариант *то есть* уже реализован в тексте, поэтому здесь мы его не указываем. Принципиально важным оказывается другое – импликация вставлена в промежуток, отдаляющий предмет от признака, денотат от сигнификата. Это же семантическое преобразование мы наблюдали в случаях, когда Бродский использует причастную конструкцию и придаточное причины, уточняя значения слова в поэтическом контексте. Этот пример отличается, стоит отметить, только тем, что для понимания, что такое *время в чистом виде* могут быть также использованы другие тексты поэта (см., например, «Колыбельную Трескового Мыса»: *ибо в чистом времени нет преград, порождающих эхо*). Интересно отметить, что в «Колыбельной Трескового Мыса», несмотря на близкое расположение предмета (*время*) и признака (*чистое*), существенно содержательно трансформированы две модели: «X в чистом виде» и «Чистый X».

В результате проведенного исследования, основанного на лингвостилистическом анализе лексических единиц, семантическом описании компонентов лексического значения слова, анализе лексикографического представления лексических единиц в словарях удалось показать, что: 1) в поэтических контекстах Бродского присутствует указание на то, что автором осуществляется языковая рефлексия по отношению к значению слова;

2) существуют контексты, в которых указанные слова-сигналы имплицитны; 3) релевантное значение слова, актуальное для конкретного поэтического контекста, реализуется с помощью уточняющих конструкций со словами *вернее/верней, точнее/точней*; 4) поэтические дефиниции, представленные в творчестве Бродского, либо обнажают компонентную структуру интенционала лексического значения слова, либо используют эту структуру и перестраивают. Таким образом, специфика идиостиля Бродского проявляется в комбинировании компонентов лексического значения слов. Для выявления процесса творческой актуализации компонента лексического значения слова мы проанализировали, какой сигнификат поэт приписывает денотату на уровне тех поэтических дефиниций, которые широко распространены в поэтическом языке Бродского.

Лингвистическими методами нам удалось зафиксировать колебания степени проявления признаков, характеризующих денотат, по тому, каким образом интегральные и дифференциальные компоненты распределяются по шкале интенционал-экстенционал – или ядро-периферия – в структуре значения лексемы с опорой на гипогиперонимическое представление лексического значения в текстах поэта. Как отмечает Т. Е. Никольская, Бродский задает сложную систему образов «благодаря расщеплению семантики: компоненты лексического значения слова получают различную материальную манифестацию» (Никольская 2018: 104). Это подтверждает и нашу гипотезу о том, что преобразования лексических значений слов в поэзии Бродского затрагивают компонентную структуру, а также во многом отдаляются от того, что можно было бы сделать, изменив облик слова, прибегнув к окказионализму. В поэзии Бродского мы сталкиваемся с усилением (мета)языковой рефлексии, поскольку имеем дело с трансформированными языковыми структурами, наполняемыми индивидуальным содержанием (например, контексты представления интенционала лексического значения слов,

уточняющие конструкции, сигналы языковой рефлексии, затрагивающей именно уровень значения лексических единиц).

Усиление (мета)языковой рефлексии обусловило возникновение таких творческих подходов к языку, которые прослеживаются в поэзии Бродского. Степень лингвистической отзывчивости стихов Бродского, ее, отмеченный уже выше, филологизм, позволяют поэту использовать совершенно уникальные возможности языка, в особенности лексики. Стремление использовать языковой знак осознанно и индивидуально прослеживается в том, насколько часто в качестве составной части концептуализации мира в знаках языка встречаются поэтические контексты, мотивирующие и объясняющие значения лексических единиц с помощью индивидуального наполнения языковых моделей, одной из которых является, например, представление интенционала лексического значения слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахаккин Д. Н. 2002.** Филологическая метафора в поэтике Иосифа Бродского. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб.
- Бабенко Л. Г. 2008.** Учебно-методический комплекс дисциплины «Лексикология русского языка». Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
- Бродский И. 2015.** Дитя цивилизации: Избранные эссе. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория».
- Бродский И. 2018.** Стихотворения и поэмы: в 2-х т. Т. 1. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория».
- Бродский И. 2018.** Стихотворения и поэмы: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория».
- Вепрева И. Т. 2002.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Крепс М. 1984.** О поэзии Иосифа Бродского. Ann Arbor, Michigan: Ardis.

- Кронгауз М. А. 2005.** Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия».
- Культура русской речи:** Энциклопедический словарь-справочник. 2011. М.: ФЛИНТА.
- Никитин М. В. 1988.** Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа.
- Никольская Т. Е. 2018.** Роль семантического повтора в языковой композиции «Колыбельной Трескового мыса» Иосифа Бродского. – Язык как материал словесности: XXI научные чтения (20 октября 2018 г. Москва. К 95-летию профессора А. И. Горшкова). Казань.: Бук.
- Плеханова И. И. 2012.** Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Поэт времени. Томск.: ИД СК-С.
- Ранчин А. М. 2001.** На пиру Мнемозины. Интертексты Иосифа Бродского. М.: Новое литературное обозрение.
- Словарь современного русского литературного языка (БАС):** в 17-ти т. 1950–1965. М., Л.: Изд-во АН СССР.
- Фатеева Н. А. 2017.** Поэзия как филологический дискурс. М.: Издательский дом ЯСК.
- Шумарина М. Р. 2011.** Язык в зеркале художественного текста. (Мета-языковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: ФЛИНТА.
- Patera Tatiana. 2002.** A concordance to the poetry of Joseph Brodsky. Vol. 1–6. Lewinston, N. Y.: The Edwin Mellen Press.

ФОРМА-ИДИОМА УСТНОЙ РЕЧИ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

У Нань (Санкт-Петербург)

Устная разговорная речь имеет особые характеристики, отличающие ее от литературно-письменной речи. В частности – наличие большого количества особого рода «стабилизовавшихся построений... в которых черты собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лексико-фразеологическими (Шведова 1960: 7). Ср. также: «РР <разговорная речь> – это языковая система, для которой в высшей степени характерно стремление к использованию *готовых единиц* (здесь и далее в цитате курсив мой. – У. Н.), всякого рода *готовых конструкций*, что объясняется автоматизмом протекания речевого акта. Говорящий, находясь в условиях непринужденного, неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое “речевое поведение”, поэтому он легко и часто прибегает к *готовым языковым формулам*, в том числе всякого рода *клише, шаблонам, стереотипам*» (Земская и др. 1981: 6). Феномены такого рода «стабилизовавшихся построений», определяемые П. А. Лекантом как *формы-идиомы* (ФИд), употребляются как некое целое, не подлежат дальнейшему разложению и их значение не выводится из значений, входящих в них слов (см.: Лекант 1965: 41–43).

Для анализа особенностей таких ФИд в устной разговорной речи был использован корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем подробнее: Богданова-Бегларян 2013; Богданова-Бегларян 2016; Богданова-Бегларян и др. 2019). ОРД – это корпус диалогов, монологов и полилогов, фиксирующий устную повседневную бытовую коммуникацию в разных речевых ситуациях, что позволяет исследовать живой язык повседневного общения, во всем его разнообразии, во всех его формах и проявлениях. Корпус предоставляет наилучшие возможности для описания и анализа функционирования любого русского слова или выражения.

В ходе лингвистического анализа фразеологических единиц (Лю Даян 2020) из подкорпуса ОРД, в числе прочих фразеологизмов, были извлечены 30 форм-идиом более чем в 140 контекстах: *не проблема, без вопросов, в десятку, до фига* и под. Этот материал позволяет проводить семантический, грамматический и прагматический анализ, позволяет каждой такой единице дать исчерпывающую характеристику.

В настоящей работе ФИд рассматриваются как грамматические единицы-конструкции, которые, в полном соответствии с Грамматикой конструкций (СхG) (Fillmore et al. 1988; Рахилина, Кузнецова 2010), можно представить как ряд различных структур. Среди них преобладают именные, в основном предложно-падежные словоформы (80,6 %):

- NOM:
 - <He + N₁> *не вопрос, не проблема, не фонтан;*
- GEN (32%):
 - <Без + N₂> *без базара, без проблем, без разницы, без фанатизма;*
 - <He без + N₂> *не без этого;*
 - <До + N₂> *до дури, до фига;*
 - <С + N₂> *с нуля;*
 - <Ни + N₂> *ни фига;*

- DAT (24%):
 - <По + N₃> по *понятиям, по идее, по барабану, по жизни, по определению, по добру;*
 - <(He) к + N₃> (*не*) к *добру;*
- ACC (24%):
 - <Ha + N₄> на *халяву;*
 - <(He) в + N₄> (*не*) в *кайф, (не) в масть;*
 - <B + N₄> в *десятку;*
 - <3a + N₄> за *компанию;*
 - <По + N₄> по *фиг;*
- LOC (20%):
 - <(He) в + N₆> *не в себе, (не) в духе;*
 - <B + N₆> в *натуре, в принципе;*
 - <Ни о + N₆> *ни о чем.*

Видно, что, кроме Тв. п. (INSTR) (пока это так, но, может быть, расширение материала изменит данную ситуацию), в формировании ФИд задействованы все падежи русской именной системы; особенно много разных структур с GEN и ACC. 24% всех предложно-падежных ФИд составляют формы с отрицанием, которое может быть как единственно возможным (*не без этого, не в себе, ни о чём*), так и факультативным (*в масть – не в масть, в кайф – не в кайф, в духе – не в духе*).

Незначительную долю материала (6,7%) составляют глагольные ФИд, всегда с отрицанием: <He + V_r> (*не горит, не светит*), ср.:

- 1) *ну может быть // # ну это наверно () после вот этого // # давайте резекцию сначала сделаем / посмотрим всё @ то есть пока да / значит пока это **не горит** (M1 # И1)¹;*

¹ Все примеры из корпуса ОРД атрибутируются с указанием номера информанта (И1, И2...) и его собеседников-коммуникантов: мужчин (M1, M2...) или женщин (Ж1, Ж2...). Знаком (#) обозначена мена говорящих, знаком (@) – наложение их речи, () – заминка говорящего, *П – hesitantная пауза, *С – смех. О других особенностях

- 2) *может быть даже вот эту / вот такой ... # вот понима... / вот ... # ну подумаем // # подумаем / да // # ага // # потому что не... **не горит** // # нет / **не горит** // *П это мне эту надо (Ж1 # И4);*
- 3) *а куда / куда он денется / ес... если я сказал / что у меня треть // *С *П теперь уже и это / *П мне это / *П **не светит** (И28).*

По количеству значений ФИд можно разделить на две группы: моносемантические и полисемантические.

Моносемантические формы-идиомы имеют одно значение. Это значение, как правило, хорошо осознается носителями языка и может быть проверено с помощью замены на *слово-идентификатор*, ср.:

- 4) *ну понимаешь / я понимаю *Н бл**ь / что это немножко стремно / и так далее / да // **в натуре** / бл**ь там (И15);*
- 5) *не / хычей всех хычей всё / на х*й @ на / и ры-ры-ры-рынок разнести в щепки @ реально // за чинару # да / **в натуре** / рынок? (М3 @ И15);*
- 6) *чувствуешь такое на х*й опустошение! внутри **в натуре** катарсис чувствуешь (И15).*

Для ФИд *в натуре* в разных контекстах (может быть, в любых, но это требует проверки) таким словом-идентификатором, выражающим ее значение, может быть, например, *действительно*.

Полисемантические формы-идиомы имеют более одного значения в устной коммуникации. В каждом конкретном употреблении значение ФИд определяется контекстом, ср. (в скобках после примера указано возможное значение ФИд):

- 7) *но десять литров это как-то вот вообще **ни о чём** (И4) ('мало; не о чем говорить');*
- 8) *всё / я свою футболку уже / (...) предыдущую на тряпки отпускаю блин // # и эту что ли тоже? # не / вот эту да // *П*

расшифровки корпусного материала (конвенциях дискурсивной транскрипции) ОРД (см.: Богданова-Бегларян 2016: 242–243).

- все / она (...) уже **ни о чём** // *П убита // # но могла бы быть рабочей (И36) ('плохая, негодная');
- 9) Чурикова\$ / она (э...э) *П # особенная актриса она // # *Н шарм идёт вообще ! я вот / *В привык её в фильмах воспринимать / такая страшенькая / **ни о чём** ! а тут от неё даже очень ... # (э...э) она очень / да (М2 из [И36])² ('неинтересная внешне, некрасивая');
- 10) ну / так и течёт до сих пор // сделал так себе / рабочий **ни о чём** / никакой мужик вообще (И4) ('плохой, куда не годный', возможно, также 'непрофессиональный'; ср. в данном контексте слово *никакой* в том же значении);
- 11) такой идет им(?) посыл сексуальности! вообще ни от одной женщины вообще / я вот **по жизни** не испытывал! (М2 из [И36]) ('никогда в жизни');
- 12) так-то я фотографом **по жизни** всю жизнь (И39) ('всегда, всю жизнь').

Из примеров (7)–(12) видно, что значения ФИД в разных контекстах могут быть как весьма близкими (ср. преобладание во всех употреблениях формы *ни о чём* семы отрицания какого-то признака), так и противоположными друг другу (*по жизни*).

Возможны между ФИД в русском языке и синонимические отношения, ср.:

- 'много':
- 13) технологий этих **до дури** (И45);
- 14) Юле% / некогда / а у нас времени **до фига** / поэтому я считаю что туда ходить не надо (И19)³;

² Данный фрагмент – из реплики коммуниканта М2 из «речевого дня» И36. Знак (\$) в расшифровках ОРД означает всем известное имя собственное (личное имя, географическое название, название книги, фильма, фирмы и т. п.), *В – шумный вдох, *Н – неразборчивый фрагмент.

³ Знаком (%) в расшифровках ОРД отмечается личная информация (имя человека, адрес, номер телефона и т. п.), которая при публикации обычно анонимизируется.

- ‘все равно’:

- 15) мне совершенно () **по фиг** # мне совершенно тоже *Н # я могу материться не материться / мне совершенно **без разницы** (Ж1 # И4);
- 16) Хюндайчик\$ смешной какой-то стоит / у него какая-то морда необычная вот за окном // *П да тебе-то **по барабану** (И39).

Порой синонимичные ФИд встречаются в речи одного говорящего – ср. реплики Ж1 в примере (15), – как будто он (в данном случае – она) стремится усилить степень выражения своего отношения к тому, о чем идет речь (в данном случае – об употреблении в разговоре табуированной лексики).

- ‘на самом деле, вообще-то’:

- 17) нам спешно или мы подождём? # **в принципе** не спешно (И4 # Ж1);
- 18) **по идее** / Ирина_Юрьевна% должна была раздать всем эти (:)
(...) *П эти
эти (И72);

- ‘абсолютно точно, правильно’:

- 19) Янковский\$ с Купченко\$ сыграли (...) вот / (...) бл**ь / (...) **в десятку** в общем! очень хорошо! (М2 из [И36]);
- 20) не могли бы () ты не можешь () быть похожим на Чехова\$ // # ну конечно я не могу *Н // # *С ну да // # **по определению** (И34 # М1);
- 21) однако / *П *В *П не в кайф это мне **по понятиям** // *В водочки б ещё выпил (И39);
- выражение согласия:
- 22) но у нас там около девяти человек / *К девять человек наших @ ну(:) много / да / давай человек шесть // @ да **без проблем** # человек шесть (И15 @ М1);
- 23) можем по e-мэйлу / если человеку / (...) удобно / *П **не вопрос** (И19);

24) *да у нас просто у очень многих нет / *П то есть это будет вторая половина ноября ? а в интернете / вот достать / в принципе нельзя ? только вы выдаете их ? @ да не проблема (Ж1 @ И24);*

25) *ну / что у тебя там? это семьдесят рублей где-то // @ *Н // # или даже восемьдесят // и пачку // # была б моя / я б тебе дал / без базара (И15 @ М2).*

Из приведенных контекстов видно, что ФИД в русской речи образуют особую подсистему единиц. Они поддаются грамматической систематизации, могут быть однозначными и многозначными, способны вступать между собой в синонимические отношения. Общим для многих таких единиц является полная зависимость их семантики от контекста, хотя часто диффузность устного дискурса порождает неоднозначность интерпретаций, что свойственно большинству функциональных единиц устной речи. Существует также целый ряд признаков, общих для всех ФИД: все они устойчивы, некомпозициональны, неоднословны, высокочастотны и воспроизводимы.

Многие ФИД имеют весьма распространенные структурные варианты: *ну не вопрос, да без проблем, ну там по идее, уж не без этого, ну как бы на халяву.*

Детальная лексико-грамматическая характеристика выявленных ФИД позволит в дальнейшем описать их синтаксические функции в устном дискурсе⁴, а также роль в формировании речевых актов (РА) русскоязычной коммуникации, что может быть важно в самых разных аспектах: коллоквиалистика (теория разговорной речи), лингводидактика (преподавание русского языка, в том числе в иностранной аудитории), теория РА, лингвистическая экспертиза. Все это делает ФИД русской повседневной речи весьма заманчивым объектом многоаспектного лингвистического исследования.

⁴ См. первый опыт такого описания: У Нань 2022.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова-Бегларян Н. В. (Отв. ред.) 2013.** Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. СПб: Изд-во СПбГУ.
- Богданова-Бегларян Н. В. (Отв. ред.) 2016.** Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография. СПб.: Лайка.
- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю. 2019.** Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД): текущее состояние и перспективы. – Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. С. 101–109.
- Звуковой корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД).** <https://ord.spbu.ru/>. (Дата обращения: 01.04.2022).
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. 1981.** Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Изд-во «Наука».
- Лекант П. А. 1965.** К вопросу о формах-идиомах в русском языке. – Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. С. 41–43.
- Лю Даян. 2020.** Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование. Дис. ...канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ.
- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. 2010.** Конструкции в Грамматике конструкций. – Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник. С. 19–24.
- Шведова Н. Ю. 1960.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. 1988.** Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *Let alone*. – Language. Vol. 64, № 3. P. 501–538.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСОНАНТНЫХ СИСТЕМ ВЬЕТНАМСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Фан Нгуен Хань (Москва)

В статье рассматриваются особенности консонантного строя вьетнамского и русского языков. В центре внимания находится анализ фонологических сходств и различий между системами согласных звуков в изучаемых языках. Актуальностью данного исследования является факт того, что в современной лингвистике недостаточно исследований, изучающих вопрос сопоставления консонантных систем вьетнамского и русского языков. Объектом исследования являются системы согласных звуков в русском и вьетнамском языках. Предметом исследования являются артикуляционные характеристики согласных звуков в русском и вьетнамском языках. Целью исследования является выявление сходств и различий консонантных систем в русском и вьетнамском языках. Для достижения поставленной цели следует решить следующие задачи: анализ систем согласных звуков в русском и вьетнамском языках, выявление особенностей изучаемых систем и сопоставление двух систем звуков на основе полученных данных. В исследовании используются описательный и сопоставительный методы изучения. В ходе исследования был составлен обзор литературы на основе работ русских, вьетнамских и зарубежных исследователей, перечислены

особенности систем согласных звуков в русском и вьетнамском языках и составлены таблицы с полученной информацией для сравнения. В результате исследования были сделаны следующие выводы: системы согласных звуков в русском и вьетнамском языках отличаются друг от друга количеством фонем, кроме того, каждая система имеет свои особенные артикуляционные характеристики, а также функция согласных звуков в слове в каждом изучаемом языке неодинакова. Новизна исследования заключается в том, что оно подробно описывает и сравнивает консонантные системы русского и вьетнамского языков. Результат анализа может быть полезен исследователям и студентам, изучающим вьетнамский и русский языки.

ВВЕДЕНИЕ

Общепринятым является тот факт, что звуковая система любого языка мира определяется своими особенностями. Наряду с вокалическим инвентарем, консонантная система является составным элементом в каждом языке.

Вьетнамский и русский языки – языки разных типов и разных языковых семей. Родной язык вьетнамского народа – изолирующего типа, и он принадлежит к австроазиатской языковой семье. Русский язык, в свою очередь, является языком синтетического типа, и он принадлежит к семье индоевропейских языков. Между этими языками существует большая разница, не только по грамматическим структурам, но и по фонетическому строю. В настоящее время исследований, посвященных сопоставлению систем согласных звуков вьетнамского и русского языков, относительно немного. Большинство авторов затронули этот вопрос в аспекте обучения русскому языку вьетнамских студентов (см.: Тью 2017: 31), и в этих работах отсутствует учет новых данных современных исследований об особенностях фонетической системы вьетнамского языка (см.: Грязнова 2012: 59–71). Это делает данное исследование актуальным.

В ходе реализации настоящей работы была поставлена цель выявления сходств и различий, присутствующих в консонантных системах русского и вьетнамского языков. При этом необходимо изучить системы согласных звуков в русском и вьетнамском языках. Особое внимание уделяется рассмотрению артикуляционных характеристик согласных звуков в русском и вьетнамском языках.

Для выполнения поставленной цели возникает потребность в определении списка согласных фонем в этих языках и выявлении дифференциальных черт, лежащих в основе каждого языка. Материалами исследования в данной работе послужили как классические, так и современные труды русских, вьетнамских и зарубежных авторов, в частности, А. А. Реформатского, Р. И. Аванесова, В. Г. Гака, И. С. Быстрова, М. В. Гординой, Т. Т. Мхитарян, Т. Т. Доан, Б. Фам, Дж. Кэрби и др.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Одним из критериев в сопоставлении фонетических систем любых двух языков является сравнение количества фонем в изучаемых языковых системах (см.: Томашпольский 2010: 54), и в рамках данной работы проводится сопоставительный анализ числа согласных фонем в русском и вьетнамском языках. Для начала берется на рассмотрение общее число согласных фонем русского языка.

В зависимости от подхода к изучению выделяются от 32 до 37 согласных фонем в системе консонантизма русского языка. Так в каждом языке имеются спорные случаи относительно того, являются ли данные звуки самостоятельными фонемами или же они представляют собой варианты других фонем. В русском языке спорный статус принадлежит следующим согласным: долгим мягким шипящим /ш^ʰ:/, /ж^ʰ:/, мягким заднеязычным /к^ʰ/, /г^ʰ/, /х^ʰ/ (см.: Попов 2014: 46). Исследователи русского языка имеют разные мнения о фонематической самостоятельности указанных согласных.

В настоящем исследовании статус фонем признается за тридцатью семью звуковыми единицами, включая: /б/, /б'/, /п/, /п'/, /в/, /в'/, /ф/, /ф'/, /з/, /з'/, /с/, /с'/, /д/, /д'/, /т/, /т'/, /г/, /г'/, /к/, /к'/, /ж/, /ж':/, /ш/, /ш':/, /л/, /л'/, /м/, /м'/, /н/, /н'/, /р/, /р'/, /х/, /х'/, /ц/, /ч'/, /ʎ'/.

По сравнению с русским языком система звуковых единиц во вьетнамском языке недостаточно изучена. Существуют разные мнения о количестве звуков во вьетнамском языке, число которых может варьировать от 21 до 24 (см.: Фам 2018: 57).

Вопросы о фонологическом статусе вызывают согласные /г/, /р/ и гортанная смычка /ʎ/.

В настоящее время фонематическая самостоятельность гортанной смычки /ʎ/ поддерживается многими современными исследователями (см.: Доан 2003: 153).

Это мнение подтверждается тем фактом, что во вьетнамском языке не происходит соединения конечного согласного предыдущего слога с гласным следующего слога. Многие исследователи указывали, что все слоги вьетнамского языка (по «стандартному варианту») начинаются с согласного звука. И так, в случаях, где слог пишется без начального согласного, на самом деле произносится с согласным /ʎ/.

Рассмотрим следующий пример: в двусложном слове *ôm ấp* [om1ʎp5] в значении «обнимать» первый слог заканчивается на согласный [m] и следующий слог заканчивается на гласный [ɔ̃]. На письме нет наличия другого элемента между этими двумя звуками, но при произношении отмечается незначительная пауза после звука [m].

Это явление наблюдается во многих случаях, и было признано одной из причин, приводящих к акценту у вьетнамских студентов, изучающих иностранные языки (см.: Тью 2017: 35).

Фонемный статус согласного /р/ также вызывает разногласия между исследователями вьетнамского языка. По мнению Доана, буква «г» во вьетнамском языке обозначает звук [z] (см.: Доан 2003: 157). Настоящее наблюдение показало, что для носителей

вьетнамского языка разница между дрожащим [r] и ретрофлексным [z] не является смысловоразличительной, они могут свободно меняться друг с другом в речи, не изменяя значение слова, например: слово *rau* в значении «овощи» может произноситься как [raw1], так и [zaw1], поэтому в данной работе мы считаем его аллофоном фонемы /z/.

О вопросе фонемного статуса глухого билатерального /p/ мнение большинства исследователей заключается в том, что он является аллофоном фонемы /b/. Так глухой билатеральный [p] встречается только в заимствованных словах, и в речи его нередко заменяет звук [b], не изменяя значения слова, например: «pin» [pin1] — «bin» [bin1] в значении «батарейка», «pa-tê» [pa1 te1] — «ba-tê» [ba1 te1] в значении «паштет», «pa-tanh» [pa1 teŋ1] — «ba-tanh» [ba1 teŋ1] в значении «ролики» и т.д.

Так, в данном исследовании признается, что во вьетнамском языке есть 22 согласные фонемы. В систему вьетнамских согласных фонем включаются следующие элементы: /t^h/, /b/, /m/, /f/, /v/, /t/, /d/, /n/, /s/, /z/, /tʃ/, /c/, /ɲ/, /ŋ/, /l/, /k/, /x/, /ɣ/, /ʃ/, /z/, /h/, /ʔ/. Далее рассматриваются основные признаки русских и вьетнамских согласных звуков. Как известно, в большинстве языков мира у согласных звуков присутствуют следующие универсальные характеристики:

- место образования;
- способ образования;
- соотношение голоса и шума.

Эти признаки также характерны как для русского, так и для вьетнамского языков. Однако русскому языку присуща еще другая характеристика, которая отличает его от вьетнамского языка. Это – наличие/отсутствие палатализации. По этому признаку русские согласные могут делиться на мягкие и твердые (см.: Князев и Пожарицкая 2011: 40).

Рассмотрим классификации согласных звуков в русском и вьетнамском языках подробнее по месту образования.

В русском языке по месту образования согласные делятся на:

- – **губные**, которых 10:

+ губно-губные: /п/, /пʰ/, /б/, /бʰ/, /м/, /мʰ/

+ губно-зубные: /ф/, /фʰ/, /в/, /вʰ/

- **язычные**, которых 27:

+ переднезубные: /с/, /сʰ/, /з/, /зʰ/, /ц/, /т/, /тʰ/, /д/, /дʰ/, /н/, /нʰ/, /л/, /лʰ/, /р/, /рʰ/

+ переднеязычные: /ш/, /ж/, /чʰ/, /шʰ:/, /жʰ:/

+ среднеязычные: /ʝ/

+ заднеязычные: /х/, /к/, /г/, /хʰ/, /кʰ/, /гʰ/

Во вьетнамском языке по месту образования согласные фонемы делятся на:

- – **губные**, которых 5:

+ Губно-губные: /b/, /m/

+ Губно-зубные: /f/, /v/

- – **язычные**, которых 17:

+ передне-зубные: /t/, /tʰ/, /d/, /n/, /s/, /z/, /l/

+ переднеязычные: /tʃ/, /sʃ/, /zʃ/

+ среднеязычные: /c/, /ɲ/

+ заднеязычные: /k/, /ŋ/, /x/, /ç/

– **глоттальные**: /ʔ/, /h/

Как было представлено, во вьетнамском языке кроме губных и язычных согласных есть также и глоттальные согласные.

Рассмотрим классификации согласных звуков в русском и вьетнамском языках по способу образования.

В русском языке они делятся на:

– **Взрывные**, которых 12: /п/, /пʰ/, /б/, /бʰ/, /т/, /тʰ/, /д/, /дʰ/, /к/, /кʰ/, /г/, /гʰ/

+ Носовые: /м/, /мʰ/, /н/, /нʰ/

+ Боковые: /л/, /лʰ/

– **Фрикативные**, которых 15: /ф/, /фʰ/, /в/, /вʰ/, /с/, /сʰ/, /з/, /зʰ/, /ш/, /шʰ:/, /ж/, /жʰ:/, /ʝ/, /х/, /хʰ/

– **Аффрикаты**: /ц/, /чʰ/

– **Дрожащие**: /р/, /рʰ/

Во вьетнамском языке по месту образования согласные фонемы делятся на:

- **Взрывные**, которых 9:
- + Придыхательные: /t^h/
- + Непридыхательные: /b/, /t/, /d/, /t̚/, /c/, /ɲ/, /k/, /ʔ/;
- **Носовые**: /m/, /n/, /ŋ/
- **Боковые**: /l/
- **Фрикативные**, которых 9: /f/, /v/, /s/, /z/, /ʃ/, /z̥/, /x/, /ç/, /h/.

Из приведенного выше можно обозначить следующее:

- в русском языке есть классы «дрожащие» и «аффрикаты», которые отсутствуют во вьетнамской системе консонантов;
- класс «взрывные согласные» во вьетнамском языке делится на два подкласса: придыхательный и непридыхательный. Вьетнамский придыхательный согласный /t^h/ не имеет эквивалентов в системе фонем русского языка.

Кроме места образования возможно классифицировать согласные фонемы в русском и вьетнамском по соотношению голоса и тона.

По этому признаку русские согласные могут делиться на:

- **Сонорные** (сонанты) – 9 согласных фонем: /m/, /m'/, /n/, /n'/, /l/, /l'/, /p/, /p'/, /j'/
- **Шумные**, которых 28:
 - Звонкие: /б/, /б'/, /в/, /в'/, /з/, /з'/, /д/, /д'/, /ж/, /ж'/, /г/, /г'/
 - Глухие: /п/, /п'/, /ф/, /ф'/, /с/, /с'/, /ц/, /т/, /т'/, /ш/, /ч'/, /ш'/, /х/, /х'/, /к/, /к'/

По этому признаку, вьетнамские согласные могут делиться на:

- **Сонорные** (сонанты), которых 5: /m/, /n/, /ɲ/, /ŋ/, /l/
- **Шумные**, которых 17:
 - Звонкие: /b/, /v/, /d/, /z/, /z̥/, /ç/
 - Глухие: /f/, /t/, /t^h/, /s/, /t̚/, /ʃ/, /c/, /k/, /x/, /ʔ/, /h/

По признаку соотношения голоса и шума все согласные фонемы во вьетнамском и русском языках также делятся на шумные и сонорные, шумные также делятся на звонкие и глухие.

Далее мы рассмотрим особенности согласных звуков в потоке речи. Особенности произношения русских согласных:

- Наличие консонантных кластеров. Например: *здравствуйте, куртка, воск*.
- Все согласные фонемы могут занимать позицию конца слога в закрытых слогах.
- Для шумных согласных звуков в русском языке характерны заметные комбинаторные и позиционные изменения в потоке речи. Например: *завт[фт]ра, сд[з'д']елать, мяк[хк']ий*.

В отличие от русского языка, у согласных звуков вьетнамского языка есть следующие особенности:

- Нет консонантных кластеров
- Только /p/, /t/, /k/, /m/, /n/, /ŋ/ могут занимать позицию конца слога в закрытых слогах
- Нет заметных комбинаторных изменений

Следующее отличие заключается в том, что во вьетнамском языке только 6 согласных фонем /p/, /t/, /k/, /m/, /n/, /ŋ/ могут занимать позицию конца слога в закрытых слогах. Многие исследователи полагали, что 6 конечных согласных имеют свои свойства, которыми они различаются от их аналогичных звуковых единиц, находящихся в позиции начала слога. Принято считать, что конечные согласные во вьетнамском языке являются имплозивными согласными (см.: Гордина и Быстров 1984: 102).

Последнее отличие заключается в изменении произношения согласных звуков в потоке речи. Если в русском языке шумные согласные могут озвончаться, оглушаться или смягчаться в зависимости от соседних звуков или от позиции в слове, то согласные во вьетнамском языке почти не изменяются. Преобразование может происходить, но незаметное, в этом случае мы не принимаем во внимание конечные согласные.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования можно прийти к следующим выводам:

- Системы согласных звуков в русском и вьетнамском языках отличаются друг от друга количеством фонемных элементов: в русском языке 37 согласных фонем, а во вьетнамском языке – 22.
- Каждая система имеет свои особенные артикуляционные характеристики:
- + система согласных звуков русского языка отличается различением по мягкости/твердости
- + по способу образования в русском языке есть аффрикаты и дрожащие согласные, которых нет в системе вьетнамского языка. Во вьетнамском языке, в свою очередь, наличествуют придыхательные согласные, которых нет в русском языке.
- + по месту образования во вьетнамском языке отмечено наличие глоттальных согласных, которые не характерны для русского языка
- Для русских согласных звуков отмечается изменение произношения в потоке речи. Это явление не наблюдается у согласных во вьетнамском языке.

Результат данного анализа может быть полезен исследователям и студентам, изучающим вьетнамский и русский языки.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И. 1984.** Русское литературное произношение. М.: Просвещение.
- Гак В. Г. 1977.** Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение.
- Гордина М. В., Быстров И. С. 1984.** Фонетический строй вьетнамского языка. М.: Наука.

- Грязнова В. В. 2012.** Формирование фонетических навыков учащихся из юго-восточной Азии на базе интерактивного курса дистанционной поддержки обучения русской фонетике (начальный этап). Автореф. дис. ...канд. пед. наук. М.
- Князев С. В., Пожарицкая С. К. 2011.** Современный русский литературный язык. М.: Академический проект.
- Мхитарян Т. Т. 1959.** Фонетика вьетнамского языка. М.: Изд-во восточной литературы.
- Попов М. Б. 2014.** Фонетика современного русского языка. СПб.
- Реформатский А. А. 1996.** Введение в языковедение. М.: Аспект пресс.
- Томашпольский В. И. 2010.** Сравнительная типология французского и русского языка. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Тью Ф. А. 2017.** Сопоставительный анализ взаимосвязей фонетики и орфографии в русском и вьетнамском языках. – Русский язык за рубежом. Вьетнамская русистика. №23. С. 31–35.
- Фомина Т. Г. 2007.** Современный русский язык. Казань.
- Đoàn T. T. 2003.** Ngữ âm tiếng Việt. (Фонетика вьетнамского языка). Hà Nội: Đại học Quốc gia Hà Nội.
- Kirby J. P. 2011.** Vietnamese (Hanoi Vietnamese). – Journal of the International Phonetic Association. №41(3).
- Phạm В. 2018.** Children's acquisition of consonants, semivowels, vowels, and tones in Northern Viet Nam. – Charles Sturt University Ph.D. thesis.
- Yanusheva I., Buncic D. 2015.** Russian (Illustration of the IPA). – Illustrations of the IPA: Russian. Journal of the International Phonetic Association, 45 (2).

КОНТАКТНЫЙ ГЛАГОЛ *ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ* НА ШКАЛЕ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Марина Росип (Санкт-Петербург)

Устная речь (УР) играет важнейшую роль в жизни людей, так как представляет собой неотъемлемую часть повседневной коммуникации и дает большой простор для исследовательской деятельности. Не случайно И. А. Бодуэн де Куртенэ называл собственно «живые языки, во всем их разнообразии» наиболее подходящим источником материала «как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов <...> материала, данного непосредственно и доступного не только всестороннему наблюдению, но даже экспериментам» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 103). В процессе перманентного развития многие единицы устной речи могут приобретать совершенно новые значения, не зарегистрированные в словарях, и именно одной из таких единиц посвящено настоящее исследование.

Целью работы является анализ употреблений контактного глагола (КГ) *представляешь* для получения полной картины особенностей его функционирования в русской устной спонтанной речи.

Под **контактными глаголами** в лингвистике понимают «глаголы, привлекающие внимание адресата к высказыванию (обычно в форме императива или 2 л.)» (Гришина 2007: 150). Н. В. Богданова-Бегларян и Е. Р. Маслова предлагают более развернутое определение КГ: это «глагольные формы с ослабленной семантикой, <...>

(1) регулирующие речевое взаимодействие между участниками коммуникации (привлечение внимания адресата на начальной стадии установления речевого контакта, поддержание этого контакта в течение разговора и доведение его до логического завершения) и (2) выполняющие в речевом акте различные дополнительные прагматические задачи (вербализация речевого колебания (хезитации), маркирование границ реплики и др.)» (Богданова-Бегларян, Маслова 2019: 160–161). Стоит отметить, что функция (1) является следствием воздействия на глагол процесса **грамматикализации**, а функция (2) возникает в результате смежного с грамматикализацией процесса **прагматикализации**. В настоящей статье внимание сосредоточено на результатах первого процесса.

Понятие грамматикализации впервые было употреблено французским языковедом А. Мейе в статье «L'évolution des formes grammaticales» («Эволюция грамматических форм») 1912 г. Здесь под грамматикализацией понимается «переход самостоятельного слова на роль грамматического элемента» («le passage d'un mot autonome au rôle d'élément grammatical» (перевод Т. А. Майсак. – М. Р.) (Meillet 1912: 131) и «приобретение грамматического статуса словом, бывшим до этого автономным» («l'attribution du caractère grammatical à un mot autonome» (перевод Т. А. Майсак. – М. Р.) (Там же: 133).

В современной лингвистике грамматикализация рассматривается как «изменение, происходящее с лексическими единицами и конструкциями в определенных языковых контекстах, предполагающее выполнение грамматических функций, а также результат грамматикализации, продолжающий развивать новые грамматические функции» («the change whereby lexical items and constructions come in certain linguistic contexts to serve grammatical functions, and once grammaticalized, continue to develop new grammatical functions») (перевод К. Д. Зайдес. – М. Р.) (Hopper, Traugott 2003: 18; Богданова-Бегларян (отв. ред.) 2021: 18).

Грамматикализация, таким образом, представляет собой разновидность процесса переходности, в ходе которого единица меняет свои грамматические свойства. Описывать динамику этих изменений удобно с применением **методики шкалирования**, что уже давно отмечено лингвистами, ср.: «В последнее время вновь становится популярной мысль о том, что целесообразно отказаться от “прокрустовалож» четкой и бескомпромиссной схемы и предпочесть метод количественной оценки, согласно которому каждое языковое явление должно описываться по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов» (Арутюнова 1965: 89); «Для значительного количества языковых фактов типичные синтаксические модели и лексико-грамматические классы слов оказываются “прокрустовым ложем”» (Бабайцева 1967: 7). Воспользуемся такой методикой и в настоящей работе.

Для того чтобы проследить процесс грамматикализации словоформы *представляешь* и визуализировать его на «шкале вводности», методом сплошной выборки из устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ; <https://ruscorpora.ru>) было отобрано 132 вхождения данной формы¹. Для описания функционирования выделенных форм была построена следующая шкала, включающая в себя пять точек (см. *Рисунок 1*).

Рисунок 1. Шкала грамматикализации контактного глагола ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ

¹ В дальнейшем планируется расширение материала с привлечением еще ряда устных корпусов: корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), мультимедийного подкорпуса НКРЯ, а также корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД).

Рассмотрим подробнее каждую из точек предложенной шкалы. Количественные данные, приведенные для каждой точки, представлены ниже, на *Рисунок 2*.

Точка 1: <представляешь + существительное в В. п.>

(9% пользовательского подкорпуса)

В крайней левой **Точке 1** форма *представляешь* является еще не вводным словом, а полнозначным глаголом, способным присоединять существительное в В. п. (в контекстах подчеркнуто):

- 1) *Представляешь такую вот цену/ да?*
- 2) *Вот в этой программе/ значит/ м... одна из женщин искала своих подружек по детдому и стала перечислять их фамилии/ и в числе этих фамилий была Маша Демашкина. **Представляешь** м-моё состояние? Я вот ни... ну/ ни... я ж говорю/ словами не передашь.*

Точка 2: <представляешь + (как...) + придаточное предложение>

(21%)

В **Точке 2** такой же полнозначный глагол присоединяет придаточное предложение; распространение его существительным уже практически невозможно (союзное средство в примерах подчеркнуто):

- 3) *Представляешь/ как на него повлияла моя детская просьба "купи мне пианино";*
- 4) *А когда тебя не будет/ уу **представляешь**/ какой у меня будет... какая у меня будет жизнь?*

Точка 3: <представляешь + (как...) + предикатив> (1%)

В следующей точке шкалы глагольная форма вступает на путь грамматикализации: придаточное предложение редуцируется до одиночного предикатива (подчеркнуто), появляется элемент вводности:

- 5) *Очень здорово/ даже не **представляешь** как весело.*

Точка 4: вопросительно-риторическая конструкция

<представляешь + (как...)> (5%)

В четвертой точке шкалы форма *представляешь* употребляется в рамках вопросительно-риторической конструкции с союзным словом, но без придаточного предложения; именно с этого момента семантика вводности начинает усиливаться:

- 6) *И он/ это/ ну видимо/ машинист заднее/ это/ стекло/ или как они/ ну я не знаю/ как он заметил/ что полсостава отцепилось. Ну представляешь/ как?*
- 7) *Ну они же у неё собраны всё равно. И представляешь шо/ за свадьбу за целую не это.*

Надо сказать, что такие конструкции являются довольно распространенными среди употреблений контактных глаголов (*изделия // знаешь какие ? народу знаешь сколько; а я думаю знаешь что ? тогда будет неровно // видишь как ?*) и могут быть охарактеризованы «как вполне идиоматизированный и относительно самостоятельный элемент синтаксической структуры устного дискурса, выполняющий контактоустанавливающую функцию и еще не утративший глагольной семантики» (Богданова-Бегларян 2016: 64).

Точка 5: вводное слово/предложение <(...) представляешь (...)> (64%)

В наибольшей степени форма *представляешь* проявляет свойства КГ в крайней правой точке шкалы, где является полноценной вводной единицей. Таким образом, процесс грамматикализации можно считать завершенным:

- 8) *Представляешь/ сама себя приняла в пионеры;*
- 9) *Я в Хельсинки, недавно буквально, точно такую же видел. Представляешь?*

На Рисунке 2 показано процентное соотношение контекстов (в рамках пользовательского подкорпуса настоящего исследования),

содержащих словоформу *представляешь*, в каждой из пяти точек шкалы переходности. Видно, что бóльшая часть употреблений в проанализированных контекстах соотносится с точкой 5 (64%), т. е. глагол *представляешь* в устной речи наиболее часто употребляется в функции вводного слова или предложения (или, используя термины коллоквиалистики, в функции контактного глагола), а не в значениях, предписанных академическими словарями.

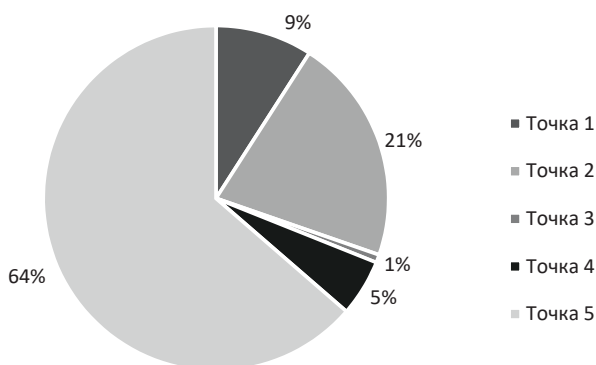

Рисунок 2. Распределение употреблений формы ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ по точкам шкалы

Если обратиться к словарной статье на глагол *представлять*, то в таких классических словарях, как МАС, БАС и БТС, обнаруживается следующее. Толкование этой глагольной формы в целом можно свести к трем основным значениям, ни одно из которых не затрагивает употреблений словоформы *представляешь* в функции КГ, ср.:

- 1) быть чьим-либо представителем, замещать кого-либо, действовать по чьему-либо поручению;
- 2) понимать, осознавать, знать;
- 3) быть, являться чем-либо (БАС 1961, БТС 1998, МАС 1999).

Таким образом, анализ корпусного материала выявил значительное количество «несловарных» употреблений словоформы

представляешь в живой речи носителей русского языка. Отсюда следует вывод о том, что лексикографическое описание глагола *представлять* на данный момент представляется не вполне актуальным и требует значительных дополнений.

О стремлении современной лексикографии² к «обновлению словарного пространства» (Богданова 2017: 7) писали уже не раз, отмечая, что «жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» (Там же: 7–8), что существует известная «несогласованность дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» (Там же 2012: 65) и что «языковая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном согласовании [его] собственных речевых действий с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка, и с реальной повседневной речевой практикой его современников» (Черняк 2010: 23). В связи с этим формулируются даже новые задачи, которые встают перед лексикографией и лексикографами, ср.: «задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть наивную картину мира в лексических значениях и отразить ее в системе толкований» (Аперсян 1995: 58). «Наивную картину мира в лексических значениях» слова, о которой пишет Ю. Д. Апресян, можно, по-видимому, отождествить в некотором приближении с ментальным лексиконом носителя языка, с представлением человека о том, что означают те слова, которыми он по преимуществу пользуется в своей повседневной речевой практике (цит по: Богданова-Бегларян Н. В. (отв. ред.) 2021: 9).

² Речь идет о «периоде лексикографического ренессанса конца XX – начала XXI века и появления новых лексикографических технологий» – периоде, в который «закономерно возникла необходимость научного осмысления новых объектов или более углубленного исследования объектов, ранее лексикографически не описанных» (Приемышева 2020: 58).

Данная работа может послужить некоторым стимулом к обновлению лексикографического описания исследуемой формы глагола *представлять*, что является довольно актуальным для современной коллоквиалистики. Кроме того, в рамках настоящего исследования в дальнейшем планируется создание проекта словарной статьи на слово *представляешь*, которая бы отвечала современным запросам.

Представляется, что подобные **шкалы** будут полезны не только при составлении словарных статей, но и для осознания непрерывности и постепенности языковой эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 1995.** Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры.
- Арутюнова Н. Д. 1965.** О критерии выделения аналитических форм. – Аналитические конструкции в языках различных типов. Под ред. В. М. Жирмунского, О. П. Суника. М.-Л.: Наука. С. 121–128.
- Бабайцева В. В. 1967.** Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж: Центральное-Черноземное книжное изд-во.
- Словарь современного русского литературного языка 1961 (БАС).** В 17-ти т. Т. 11. М.: Наука.
- Богданова Л. И. 2012.** Когнитивная информация для толковых словарей. – Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 65–70.
- Богданова Л. И. 2017.** Слово в речи и в словаре. – Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. научных материалов. Гл. ред. И. Л. Копылов. Минск: Четыре четверти. С. 7–12.
- Богданова-Бегларян Н. В. 2016.** Вопросительные конструкции в устной спонтанной речи: адресность, риторичность, идиоматичность. – Коммуникативные исследования. № 4. С. 61–76.
- Богданова-Бегларян Н. В., Маслова Е. Р. 2019.** Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функцио-

- нально-семантическое разнообразие. – Acta Linguistica Petro-politana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XV, ч. 3. СПб.: ИЛИ РАН. С. 158–184.
- Богданова-Бегларян Н. В. (отв. ред.) 2021.** Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография. СПб.: Нестор-История.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. 1963.** Языкознание. – И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 96–117.
- Большой толковый словарь русского языка. 1998 (БТС).** Под ред. С. А. Кузнецова. СПб. <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (Дата обращения: 03.12.2021).
- Гришина Е. А. 2007.** О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка). – Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007». М.: РГГУ. С. 147–156.
- Словарь русского языка 1999 (МАС).** В 4-х т. Т. 3. М.: Русский язык.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ).** <https://ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения: 14.10.2021).
- Приемышева М. Н. 2020.** Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания. – Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.). Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. С. 58–59. <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020) (Дата обращения: 12.03.2021).
- Черняк В. Д. 2010.** Нормативные словари в современном социокультурном пространстве. – Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии. Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 11–13 ноября 2009 года. СПб.: САГА. С. 22–27.

Hopper P. J., Traugott E. C. 2003. Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Meillet A. 1912. L'évolution des formes grammaticales. – Scientia. № 12.
Pp. 130–148.

О НЕОДНОРОДНОСТИ (СПОРНОСТИ)
НЕОДНОСЛОВНЫХ ДЕЭВФЕМИЗМОВ
В «СЛОВАРЕ ЭВФЕМИЗМОВ РУССКОГО
ЯЗЫКА» Е. П. СЕНИЧКИНОЙ

Екатерина Яковлева (Санкт-Петербург)

Традиционно под эвфемизмами понимаются «слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» (Крысин 1996: 387; Москвин 1999: 6; Шмелев 1979: 402). В рамках этой, без сомнения, обширной группы лексики нас привлек такой вид эвфемизмов, как «деэвфемизмы», который описывается Е. П. Сеничкиной во вступительной статье к ее словарю и в работе «Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учеб. пособие».

Под деэвфемизмами автор понимает слова или сочетания слов, «утратившие свою эвфемистическую функцию и приобретшие отрицательную оценку» (Сеничкина 2008: 20–21). Во вступительной статье к упомянутому словарю автор также отождествляет деэвфемизмы и бранные слова, а в словарных статьях нередко отмечается, что конкретная лексическая единица является деэвфемизмом в литературной речи и эвфемизмом в просторечии или фиксируется, что в настоящее время выражение является просторечным деэвфемизмом.

Цель работы состоит в попытке показать, что, во-первых, не все сочетания слов, квалифицируемые автором как деэвфемизмы, действительно являются таковыми с точки зрения коннотативной части лексического значения и/или выполняемой ими эвфемистической функции в различных контекстах, а, во-вторых, что не все неоднословные деэвфемизмы, сопровождаемые функциональными пометами «простор.», «разг.», можно квалифицировать так с точки зрения формы существования языка.

Таким неоднословным сочетаниям в издании посвящены двадцать две словарные статьи, заглавные словосочетания или выражения в которых выглядят так: *елки точеные, жить с кем-л., заборная брань, заборные слова, иди на фиг, иди на хрен, крыша съезжает (съехала), едет (поехала) у кого-л., лицо кавказской национальности, мать твою, несознательный элемент, отхожее место, протягивать (протянуть) ноги, путаться с кем-л., сожительствовать с кем-л., спать с кем-л. 2, спать с кем-л. 3, спутываться (спутаться) с кем-л., схлестываться (схлестнуться) с кем-л., сыграть в ящик, таскаться с кем-л. 1, таскаться с кем-л. 2, уличная женщина (девица и т. п.).*

Тем не менее количество неоднословных эвфемизмов не будет тождественно количеству выделенных словарных статей, поскольку наличие в словарной статье «цифрового индекса» свидетельствует не об омонимии лексических единиц, а о их полисемии. Таким образом, деэвфемизмы *спать с кем-л. 2 и 3, таскаться с кем-л. 1 и 2* будут рассматриваться не как разные эвфемистические замены, а как значения одного эвфемизма. Варианты компонентного состава будут рассматриваться в рамках одного словосочетания или выражения.

Необходимо обратить внимание и на то, что часть неназванных в качестве неоднословных сочетаний слов (*жить с кем-л., путаться с кем-л., сожительствовать с кем-л., спать с кем-л. 2 и 3, спутываться (спутаться) с кем-л., схлестываться (схлестнуться) с кем-л., таскаться с кем-л. 1 и 2*) лишь с формальной точки зрения являются полилексемными. Известно, что если компонент словосочетания

указывает на предложное управление и грамматическое дополнение в определенном значении и не является фиксированным (как и в этом случае), то в толковых словарях он не является частью заголовочного слова/словосочетания/выражения и вносится в зону грамматических помет. Однако все же следует рассмотреть вышеупомянутые лексические единицы в силу того, что такими они представляются в Словаре Е. П. Сеничкиной. В поле зрения, таким образом, попадают двадцать деэвфемизмов.

Е. П. Сеничкина настаивает на том, что деэвфемизмы не могут считаться эвфемизмами и их следует квалифицировать в частных случаях как дисфемистические, указывая, однако, на возможность характеристики этих замен как эвфемизмов низкого стиля речи. Словарные статьи с выделенными единицами нередко сопровождаются в упомянутом Словаре пометой «простор. яз. эвф., в лит. речи – деэвф.», что указывает на выполнение этими лексическими единицами эвфемистической функции в одной речевой ситуации и дисфемистической – в другой, однако представляется необходимым уточнить применительно к деэвфемизмам возможность функционирования в сфере литературного языка, т. к. часть этих языковых единиц имеет потенциал рассматриваться в качестве жаргонной или вульгарной, и возможность квалификации их как деэвфемизмов в целом, т. к. другая часть описываемых единиц лексики не содержит помет, указывающих на эмоционально-оценочную характеристику, в различных типах словарей. Необходимо учесть, что анализ семного состава дефиниций не даст должного результата в силу того, что в них всегда отражается прямое или еще одно эвфемистическое наименование запретного предмета или явления действительности. Соотношение выделенных единиц и их стилистической и экспрессивной характеристики представлено в *Таблице 1*. Список лексикографических изданий, использованных для сопоставления, выглядит следующим образом: «Большой словарь русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной

(БСРП), «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (БТС), четырехтомный «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС), «Словарь русской брани. Матизмы, обсценизмы, эвфемизмы» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никиотиной (СРБ).

Таблица 1. Соотношение стилистической и экспрессивной характеристики деэвфемизмов

Деэвфемизм	Пометы в «Словаре эвфемизмов русского языка»	Характеристика в других типах словарей
<i>елки точеные</i>	Простор. яз. эвф., в лит. речи – деэвф.	<i>Прост. Эвфем. Шутл. Бранно</i> (СРБ).
<i>жить с кем-л.</i>	Простор. перен. мин. ст. эвф., в лит. речи – деэвф. (Крысин, 04=эвф.).	<i>Разг.</i> (МАС). <i>Разг.</i> (БТС).
<i>заборная брань</i>	Разг. в наст. вр. – деэвф.	Пометы отсутствуют (БТС). Пометы отсутствуют (МАС). «Заборная брань»: <i>Неодобр.</i> (СРБ).
<i>заборные слова</i>	Разг. перен. в наст. вр. – деэвф.	
<i>иди на фиг</i>	Простор. эвф. фраз. в лит. речи – деэвф.	<i>Вульг.-прост. Бранно</i> (СРБ).
<i>иди на хрен</i>	Простор. в лит. речи – деэвф.	<i>Вульг.-прост. Бранно</i> (СРБ).
<i>крыша съезжает (съехала), едет (поехала) у кого-л.</i>	Разг. перен., фикс. как эвф. с посл. десятилет. XX в. В наст. вр. – деэвф. (Крысин=деэвф.).	<i>Разг.-сниж.</i> (БТС). <i>Жарг. мол. Шутл.-ирон.</i> (БСРП).
<i>лицо кавказской национальности</i>	Соц. эвф., фикс. как эвф. с 90-х гг. XX в. В наст. вр. – деэвф. (Крысин=эвф.).	<i>Публ.</i> (БСРП).
<i>мать твою</i>	Сокращ. бран. простор. стерт. эвф., в лит. речи – деэвф.	<i>Вульг.-прост. Эвфем. Бранно</i> (СРБ).

<i>несознательный элемент</i>	дезвф.	<i>Сов. Неодобр.</i> (БСРП).
<i>отхожее место</i>	Простор. стерт. эвф. и дезвф.	<i>Разг.</i> (БТС). <i>Разг.</i> (БСРП). Пометы отсутствуют (СРБ).
<i>протягивать (протянуть) ноги</i>	Простор. перен. яз. эвф. в лит. речи – дезвф. (Маньковская=эвф.).	Пометы отсутствуют в словарной статье к лексеме «нога». <i>Разг.</i> в словарной статье к лексеме «протянуть» (БТС).
<i>путаться с кем-л.</i>	Простор. перен. яз. эвф., в лит. речи – дезвф.	<i>Грубо</i> (БТС). <i>Прост. Неодобр.</i> (МАС).
<i>сожительствовать с кем-л.</i>	Простор. перен., мин. ст. эвф., в лит. речи – дезвф.	Пометы отсутствуют (БТС).
<i>спать с кем-л.</i>	Простор. перен. яз. эвф., в лит. речи – дезвф. (Крысин, 04=эвф.) (для второго значения); простор. Перен. яз. эвф., в лит. речи – дезвф. (для третьего значения)	<i>Разг.-сниж.</i> (БТС). <i>Прост.</i> (МАС). <i>Прост. Эвфем.</i> (СРБ).
<i>спутываться (спутаться) с кем-л.</i>	Простор. перен. яз. эвф., в лит. речи – дезвф.	<i>Разг.-сниж.</i> (БТС). <i>Прост.</i> (МАС). <i>Прост. Неодобр.</i> (СРБ).
<i>схлестываться (схлестнуться) с кем-л.</i>	Простор. перен. яз. эвф., в лит. речи – дезвф.	В словарях в значении, указанном в Словаре Е. П. Сеничкиной, не фиксируется.
<i>сыграть в ящик</i>	Простор. перен. яз. эвф., в лит. речи – дезвф.	<i>Грубо</i> (БТС). <i>Прост.</i> (БСРП).
<i>таскаться с кем-л.</i>	Простор. перен. яз. эвф., в лит. речи – дезвф. (для первого и второго значения).	<i>Неодобр.</i> (БТС). <i>Прост.</i> (МАС).
<i>уличная женщина (девица и т. п.)</i>	Устар. дезвф.	«Уличная женщина»: <i>Разг. Неодобр.</i> (БСРП). Пометы отсутствуют (СРБ). «Уличная девица»: <i>Презр. или Бранно</i> (СРБ).

Проанализированный материал практически не дает возможности квалификации выбранных лексических единиц как эвфемистических или деэвфемистических. Так, из восьми деэвфемизмов, принадлежащих сфере интимных отношений, только *путаться с кем-л.* однозначно трактуется лексикографами как грубое или неодобрительное (то есть как деэвфемизм, по мнению Е. П. Сеничкиной), а *жить с кем-л.* и *сожительствовать с кем-л.* не имеют ни в одном словаре эмотивного компонента коннотации, выраженного с помощью соответствующих помет (то есть эти лексические единицы можно расценивать как эвфемистические). Следует обратить внимание на то, что деэвфемизм *спутаться с кем-л.* в трех словарях из четырех не имеет помет, указывающих на экспрессивную характеристику, в отличие от видового варианта *путаться с кем-л.* Из оставшихся 12 деэвфемизмов однозначно отрицательно трактуются 3 (*иди на фиг, иди на хрен, мать твою*) и однозначно нейтрально тоже 3 (*заборные слова, отхожее место, протягивать (протянуть) ноги*).

Необходимо пояснить, что для квалификации выражения *лицо кавказской национальности* как однозначно эвфемистического недостаточно словарного материала, а деэвфемизмы *крыша съезжает (съехала), едет (поехала) у кого-л.* и *спать с кем-л.* имеют в БТС помету «разг.-сниж.», которую автор объясняет так: «Для слов, содержащих намеренно грубоватую экспрессию».

В том случае, когда авторами толковых словарей указывается на просторечность выражения, ими часто, как уже было упомянуто, не отмечается эмотивная составляющая лексической единицы (бранность, неодобрительность, вульгарность и т. п.). Представляется верным говорить в таком случае не о деэвфемистичности словосочетания или выражения в литературной речи, а его неупотребительности в ней в силу функционального несоответствия. Более того, лексические единицы *протягивать (протянуть) ноги* и *сожительствовать с кем-л.* не отмечаются как просторечные ни в одном из словарей.

Необходимо обратить внимание и на встречающееся нелогичное соположение помет в словарных статьях «Словаря эвфемизмов русского языка» (Сеничкина 2008). В случае со словосочетанием *отхожее место* представляется не совсем удачной одновременная характеристика ее как стертого эвфемизма и деэвфемизма, представляющих собой разные степени эвфемизации одновременно, однако подобное сочетание помет, вероятно, обозначает для эвфемизма *отхожее место* эвфемистичность в просторечии и деэвфемистичность в литературном языке, не совсем удачно обозначенную исследователем.

Не до конца понятно также, что исследователем подразумевается под устаревшим деэвфемизмом в словарной статье к выражению *уличная женщина (девица)*, идет ли речь о нечастотности использования этого сочетания слов в современном русском языке, о устаревании классификации этой единицы как деэвфемистической или о чем-то ином. В основном подкорпусе с 2000 года обнаруживается пять вхождений выражения «уличная женщина», два из которых можно считать выполняющими эвфемистическую функцию с силу наличия положительно окрашенного лексического окружения («Итальянская трагикомическая история "благородной уличной женщины"», «Это красивая история средневекового рыцаря, который повстречал уличную женщину, проститутку. В глазах окружающих она вполне оправдывала свой образ жизни. Однако этот рыцарь-поэт увидел в ней нечто иное – прекрасное и достойное любви. Кроме того, он рассмотрел в ней добродетель и неустанно это подчеркивал») и два с выражением «уличная девица». Важным представляется тот факт, что во втором контексте эвфемистическая функция все же ослабляется из-за наличия прямой запретной номинации.

Выражение *мать твою* квалифицируется Е. П. Сеничкиной как стертый бранный эвфемизм, что вызывает вопросы, т. к. стертый эвфемизм по мнению автора воспринимается как прямое

обозначение, но в отличие от деэвфемизмов не характеризуется приобретением отрицательной оценки.

Действительно, значительная по количеству часть деэвфемизмов оказывается неоднозначной. Так, лексические единицы *идти на фиг* и *идти на хрен* в отличие от *мать твою* не квалифицируются в «Словаре русской брани...» как эвфемистические, что вызывает вопрос о возможности выполнения этими деэвфемизмами эвфемистической функции в просторечии (Мокиенко, Никитина 2004: 339, 357). В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка обнаруживается эвфемистический контекст только для неоднословного словосочетания *идти на фиг*: «Идите на фиг, – сказала она добродушно» [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)]. Выполнению эвфемистической функции в этом предложении способствует лексема *добродушно*, которая с одной стороны является положительно окрашенной, а с другой – обозначает отсутствие у говорящего стремления оскорбить, обидеть собеседника.

Проиллюстрируем эвфемистический потенциал некоторых других выбранных деэвфемизмов. Не подтверждается квалификация лексических единиц *заборные слова*, *лицо кавказкой национальности* исключительно как деэвфемистических в настоящее время. Анализ современных контекстов в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) демонстрирует возможность выполнения эти лексическими единицами эвфемистической функции. Для неоднословного сочетания *заборные слова* показательным оказываются контексты «По вдохновенному выражению Лехино лица было видно, что он очень гордился знанием русского ненорматива. В то время как «век свободы не видать» было написано «вкруговую», вдоль подола панциря, заборное слово из трех букв Леха старательно-заглавно выводил в самом центре» [Светлана Коф. В Иерусалиме секса нет // «Волга», 2011], «Одни специалисты-словесники, анализируя наш разговорный и литературный язык, хватаются за головы и

стонут: «Русский язык настолько засорен “заборными словами”, что погибает!» [Мона Платонова. Если жизнь без мата // «Вечерняя Москва», 2002.12.09]. Эвфемистическая функция этой лексической единицы проявляется в первом контексте ввиду явной интенции автора не вызвать культурный шок у читателя и содержание языковых единиц с положительной оценкой (*вдохновенный, гордился, старательно-заглавно*), а во втором актуализируется наличием кавычек.

Словосочетание *лица кавказской национальности* в текстах способны выполнять эвфемистическую функцию, однако происходит это нерегулярно. В контекстах «Основным аргументом противников интенсификации миграционных процессов является угроза этнических конфликтов. На обывательском уровне данная угроза трансформируется в различные национальные “фобии”, особенно к так называемым “лицам кавказской национальности”» [Александр Крутов. Россию спасут мигранты // «Богатей» (Саратов), 2003.05.29)] и «У меня есть друг – “лицо кавказской национальности”, хотя по половому органу и не скажешь» [Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)] данная лексическая единица может квалифицироваться как эвфемистическая, чему способствует маркер «так называемым» вкуче с общей характеристикой контекста как нейтрального в первом примере и наличие языкового эвфемизма *половой орган*, что не позволяет сочетанию слов *лица кавказской национальности* квалифицироваться как дезэвфемизм, во втором примере. Однако само появление в 2011 году новости о возможном введении штрафов за употребление этого выражения и подобных ему, свидетельствует также о его грубости и «нетолерантности».

Для эвфемизма *жить с кем-л.* с точки зрения выполнения им эвфемистической функции показателен такой контекст: «Вот Бунин, к примеру, и Горький... – сам себя озадачивал Бурцев. – Один – дворянин, другой – пролетарий. И разные, можно сказать, во всем. Но взгляд на семейную жизнь почему-то у них совпадал: Бунин жил

и с женой, и с юной начинающей поэтессой, и Горький жил с женой и, соответственно, с молодой актрисой. Вероятно, в такой обстановке подходили они к писательскому труду как-то ответственной, что ли... А Маяковский?.. Он тоже ответственно подходил... Он в это самое время жил с Бриками: Лилей и Осипом. Ну, с Лилей, понятно» [Олег Воропаев. Предзимний сезон // «Бельские просторы», 2018]. Невнимательный читатель сможет дешифровать истинный смысл этого выражения только при обращении к последней фразе, которая дополнительно указывает на сущность обозначаемого.

Столь же сложно в некоторых контекстах распознать эвфемистический смысл выражения *сожительствовать с кем-л.* Обычно дешифровке способствуют однотематичные лексемы и словосочетания, как в следующих контекстах: «Однажды на старом кладбище она написала прутиком на дорожке «кто такая спящая в подземелье», и я поведал ей романтическую историю об одной буйной французской принцессе, одержимой бесом сладострастия. Доходило до того, что эта своенравная и презиравшая законы красавица въезжала на коне в церковь за приглянувшимся ей юношей или мужчиной, захватывала его и под страхом смерти заставляла сожительствовать с нею» [Юрий Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003], «Историки утверждают, что император отличался довольно развращенной фантазией. В частности, древнеримского монарха подозревают в том, что он сожительствовал с тремя своими сестрами. Доподлинно это неизвестно» [Константин Дворецкий. Корабли для оргий и налог с проституток // lenta.ru, 2019.07.01]. Введение в сущность обозначаемого обеспечивает слово *сладострастие* в первом контексте и словосочетание *развращенная фантазия* – во втором. Эвфемистичность контекста поддерживается в целом нейтральным языковым окружением и дополнительно книжной лексикой в первом случае.

Не сопровождаемые иллюстративным материалом деэвфемизмы также демонстрируют непоследовательность в проявлении

эвфемистической функции, однако употребление их как эвфемизмов практически не обнаруживается в материалах НКРЯ.

В рамках исследования были проанализированы 22 словарные статьи, включающие неоднословные дезэвфемизмы. При обращении к словарям различных типов и к основному и журнальному подкорпусам НКРЯ было доказано, что не все дезэвфемизмы имеют отрицательную оценку в современном русском языке, многие из них последовательно выполняют эвфемистическую функцию в различных контекстах, а пометы, которыми сопровождаются эти лексические единицы в толковых и фразеологических словарях, непоследовательно указывают на их просторечный, разговорный характер или демонстрируют их отрицательный компонент значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Крысин Л. П. 1996.** Эвфемизмы в современной русской речи. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры.
- Кузнецов С. А. 2000.** Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт.
- Москвин В. П. 1999.** Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка: учеб. Пособие к спецкурсу. Волгоград: Перемена.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2007.** Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2004.** Словарь русской брани матизмы, обцензизмы, эвфемизмы. СПб: Норинт.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ).** <https://ruscorpora.ru/>
(Дата обращения: 20.11.2021)
- Сеничкина Е. П. 2008.** Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта.
- Шмелев Д. Н. 1979.** Эвфемизмы. – Филин Ф. П. (ред.). Русский язык: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия.

DERBI: DEUTSCHER REGELBASIERTER INFLEKTOR

Maksim Shmalts (Moscow, Tübingen)

INTRODUCTION

Inflectors are used in various fields of natural language processing (NLP). Among these are the following scenarios: rule-based texts and textual datasets generation, automatic grammatical error correction, implementation of spell checkers. Since different languages have inflection systems developed to varying degrees, the importance of an inflector depends on the complicity of the inflection system of the target language. While NLP tools for the languages with low developed inflection (the most obvious example is English) can avoid using an inflector directly, as the rules of inflection might be obtained while training on a large enough annotated dataset or be assigned directly due to their little number, processing of the languages possessing high developed inflection may be imagined less probable without a model handling and analysing all the range of word forms.

The German language has the inflection system sufficiently complicated to require implementing an inflection model to be processed with high performance. It concerns a wide range of parts of speech: adjectives, nouns, verbs et al. can be inflected in German; thus dealing with the problems involving forms building (see above) by German text processing becomes complicated without an approach to automatic inflection

modeling. However, we were unable to find a model that would describe the whole inflection system for German. For that reason we developed DERBI: DEutscher RegelBasierter Inflektor. The model can handle basic and most widespread cases performing sufficiently: DERBI was evaluated on a dataset containing approx. 31k tokens and performed with mean accuracy over 0.94 on it. In this paper we present the model referring to the approach it is built in accordance with.

First we will take a brief overview on the open resource tools for modeling German inflection; then we will discuss problems that may occur by building an inflector for the German language and define prerequisites; we will inspect the architecture of the proposed model; finally, we will present its performance and move to conclusions.

GERMAN INFLECTORS OVERVIEW

There are several commonly used approaches to modeling inflection.

The first one we inspect is compiling a lexicon that would contain information about each form of the words in it. Lexicons thus present a limited list of word forms with reference to their lemmas and morphological features: for example, an item in a pseudo-lexicon for English could look as follows: *formula+NOM+PL->formulae*. This solution is explicit and extremely precise; however it has a property overriding its significant advantages: the list is limited, and thus a lexicon-based model has no potential to process items that are out of the lexicon.

To deal with this drawback we might appeal to finite state transducers (FST): a mechanism allowing to describe regular models of inflection. Finite state transducers alternate only a part of the word in a defined way under defined conditions and can be composed as a list of rules, e.g. modeling finite forms of english verbs, we must adopt the rule of adding *-(e)s* in 3.SG. With this approach we would not have to explicitly mention each word any more, if it follows the rules, but, in contrast to lexicon-based models, FST-based models fail to handle exceptions from the regu-

lar models. It becomes clear that combining these two approaches may eliminate the problems of them taken separately. That method is known as the rule-based approach: regular inflection is modeled by FSTs while exceptions are pointed explicitly in a lexicon. First a model checks if the input matches any of the exceptions and only then passes it to FST. The rule-based approach thus embraces both cases and theoretically can even deal with non-existent words.

Machine learning (ML) takes place in some models, but its effectiveness for the languages having complicated inflection is doubtful; for that reason in this paper we will focus on the rule-based approach and omit ML-based models.

While conducting research, we encountered several inflectors for the German language; all of them have a significant disadvantage though: either they are lexicon-based, or they are applicable only to a specified parts of speech. Unfortunately, we were unable to find a model that could inflect a word regardless of whether it is of a defined part of speech or/and is in the lexicon. In *Table 1* we cite some of the models pointing to their approach and applicability regarding part of speech.

Table 1

Model (path at Github)	Domain	Approach
ulrischa / GermanNumerus	Sg/Pl forms of nouns	rule-based
gambolputty / german-nouns	All noun forms	lexicon-based
tdaneico / zmerge-utils	All parts of speech	lexicon-based
Konjugators / console-conjugator	All verb forms	rule-based

Thus we can conclude that it is complicated (if not impossible) to encounter an open resource inflector for the German language embracing the whole inflectional system.

PREREQUISITES

Wishing to fill a gap in inflection models for German, we first had to take into account specific features of the language that could oblige us to build the architecture of the model in accordance with them.

The first property we must pay attention to is a high degree of morphological and POS ambiguity in some of the cases arising due to two factors. The German language has developed case, number and person syncretism in parts of its morphology. It is noticeably especially (but not only) in adjective forms: almost a half of them have flexion *-en* (e.g. *klein-en* «small-M.SG.ACC», «small-PL.DAT» et al.); it concerns verbs (the same forms for 1.SG and 3.SG of Präteritum), nouns and more as well. Another reason for ambiguity is regular conversion, especially verbal substantivation (cf. *leben* «to live» and *Leben* «life»). The ambiguity challenges us seriously, as the correct output is possible only with the correct rules choice, and the correct choice depends on the morphological features, which means there must be no place for ambiguity. This property forces us to use a morphological analyser to solve the challenge. That means first of all the input must be analysed and provided with morphological features and POS tags for the inflector to know exactly how to handle it.

The second property we must take into account is a word formation way leading to compounds. Words in German can be concatenated to form a new one, which means that German vocabulary is potentially limitless. A consequence of that consists in definitive invalidness of lexicon-based models for the German language, leaving us only the rule-based approach.

These are obviously not all the properties of German forcing us to adopt the model for them, but the ones that affect it the most. Finally, having observed the important features of the language, we can formulate the prerequisites to the model: we need to implement a rule-based model describing the whole inflection system of the German language that would have a built-in morphological analyser for defining morphological features and part of speech.

ARCHITECTURE OF THE MODEL

One of the most accurate and effective morphological analysers is offered within the German pipelines by spaCy. It offers numerous features, among these are defining morphological features, syntactic dependencies, part of speech. Rich functionality and sufficient accuracy became the reasons we chose the morphological analyser from spaCy. Following spaCy, DERBI adopts Universal POS tags and Universal Features tagsets with some slight extensions and modifications (see below).

The rules for FSTs and the lexicons are written the same way and present expressions $A+B \rightarrow C$, where A is the word or the regular expression pattern (for lexicons and FSTs respectively) and B are the conditions (i.e. tagset of the form *category1-feature1*, *category2-feature2*, ...) to be matched for the rule to be applicable; C is the output. Despite the rules and the lexicons being composed similarly, they work differently. Since a lexicon must contain accurate and full information about forms, partial match of tags (B) is not valid for the rule to be applied (referring to the example of a pseudo lexicon unit above, *formula+NOM* is not enough to have *formulae* as the output). Thus the lexicon expression requires full match; moreover, if a lexicon rule was applied, the output is considered to be the answer, so the output does not go through further rules. Note however, that verbs omit this principle, as they can have a separable/inseparable prefix that might have to be processed further with FSTs. The rules for FST, in contrast, accept partial match of tags (B) with the input tags. In fact, the lexicon rules diverge from the FST rules because the FST rules are meant to be a decomposition of regular rules of inflection into less complicated ones. The common approach to constructing a FST is not to assign output (C) to each combination of tags, but to separate the combinations into shorter clusters of tags, preferably into single tags (it can remind of decomposition of a quadratic equation into multiplication of non-quadratic expressions). For instance, we would prefer to have a separate rule for forming Präteritum stem and separate rules for forming per-

sonal forms (1.SG, 2.SG et al.) flexions rather than to have merged rules for building the Präteritum stem and adding the flexion in one step. Thus FSTs build a word form step by step, and thus rules for FSTs describe these steps, which allows partial match. Some examples of lexicon rules and FST rules are cited below, (1)-(3), (4)-(5) respectively (FST rule examples given are for adjective formation):

- (1) kein+Case=Acc|Gender=Masc|Number=Sing|Prontype=Ind->keinen
- (2) hoch+Degree=Sup->höchst
- (3) sein+Mood=Imp|Number=Sing|Person=2->sei
- (4) \$+Degree=Cmp->er
- (5) \$+Case=Gen|Declination=Strong|Gender=*|Number=Plur->er!
- (6) (?<!!)\$+Case=*|Declination=*|Gender=*|Number=*->en

Now we will give a short explanation of the process conducted by inflection with DERBI. First of all the input word and the input tags (describing the desired form) are preprocessed: the input word is put into the lower case, revised to consist only of letters of the German alphabet; then it is analysed with spaCy and provided with morphological and POS tags; the POS tag is put aside for a while, the model will need it later. Now it is time to preprocess the input tags: they are capitalised so that a user does not have to take into account the lower/upper case (cf. *VerbForm* by Universal Features vs *Verbform* by DERBI), put in alphabetically ascending order by the morphological categories they belong to. Then the initial morphological tags obtained from spaCy analyser are overridden with the input ones where applicable, which forms the final tags to be passed. The initial features of the categories not mentioned in the input tags remain the same. That allows a user to point explicitly only to the features she or he wishes to alternate. For instance, if we want to change only the number but not the case and the gender of an article, we do not need to duplicate the last ones as they will be obtained via spaCy.

As the input is processed, the input word is passed to the corresponding rules set by its POS (that is why we put it aside; we need it only now).

Then comes the classic rule-based approach: we pass the pair of the word and the final tags through the lexicon rules, then (if none of the lexicon expressions matched) through the FST rules.

Taking into account that spaCy performs better analysing a word in its context, we left for DERBI the possibility to process not a single word, but a text; to use the feature, a user must point clearly to the words she or he wishes to inflect. So the final step consists in inserting the inflected words back into the text.

We will also provide a short example of usage in *Table 2*; the input text was «DERBI sein machen, damit es all Entwickler ein Möglichkeit geben, jedes deutsche Wort automatisch zu beugen»:

Table 2

Input word	Input tags	Output
sein	Number: Sing, Person: 3, Verbform: Fin	ist
machen	Verbform: Part	gemacht
all	Case: Dat, Number: Plur	allen
ein	Gender: Fem	eine
deutsche	Case: Acc, Declination: Weak, Number: Plur	deutschen

PERFORMANCE

Evaluation was conducted on «de_lit-ud-test.txt» dataset from Universal Dependencies German LIT threebank. The dataset contains approx. 31k tokens and performed with mean accuracy over 0.94 on; regardless of the spaCy pipeline the results are comparable, which does not allow us to point to a more effective pipeline to use. The evaluation results are collected in *Table 3*.

Table 3

	de_core_news_md	de_core_news_sm	de_core_news_lg
Overall	0.947	0.949	0.95
ADJ	0.81	0.847	0.841
ADP	0.998	0.998	0.998
ADV	0.969	0.972	0.968
AUX	0.915	0.921	0.912
CCONJ	1.0	1.0	1.0
DET	0.988	0.992	0.988
INTJ	1.0	1.0	1.0
NOUN	0.958	0.959	0.962
NUM	0.935	0.987	0.914
PART	1.0	1.0	1.0
PRON	0.921	0.929	0.928
PROPN	0.941	0.926	0.916
SCONJ	0.999	0.999	0.996
VERB	0.813	0.792	0.824
X	1.0	1.0	1.0

Evaluation was conducted the following way: for each token in the dataset we stored information about its 1) word form; 2) lemma and 3) morphological features after analysis from spaCy. The lemma and the morphological features became the input, the word form was the correct answer. Then we iterated over the dataset on each step trying to predict the correct form and comparing the output with the correct word form.

It is important to note that some features of the architecture predetermined some of the errors. As the model based on spaCy and takes its output as a part of input, errors in prediction of morphological features or/and POS from spaCy lead to errors in DERBI; DERBI might build the form with obtained from spaCy data correctly, whereas that correct form would be not what the user expected to be built.

The most subjected to errors parts of speech are adjectives and verbs. It can be explained: spaCy does not define the declension type (strong, weak or mixed) of an adjective; in the German language the flexion of an adjective depends on the type of declension though. Thus some forms are built incorrectly due to the lack of morphological information. The challenge with verbs consists in separable/inseparable prefixes that cannot always be separated correctly using FST, as a verb can begin with a character sequence that might be a prefix, but is not (cf. *an-rufen* «to call», *an-* is a prefix vs *an-tworten* «to answer», *an-* is not a prefix). Another source of the errors might be the variability of the forms (e.g. *dem Kind* vs *dem Kind-e*, both are «the-SG.DAT child-SG.DAT»).

CONCLUSION

Inflectors are used for various purposes in NLP and are quite important tool raising models' performance. In this paper we presented DERBI – a rule-based inflector for the German language that takes into account the most significant properties of German and deals with them. The model handles the most basic cases and performs with an adequate accuracy (over 0.94 on the test dataset).

DERBI is set up in a GitHub repository, the path to it is maxschmaltz/DERBI. The model is an open source project and distributed under the Apache License, Version 2.0. The more detailed information about the model and usage is enclosed in the README file in the repository.

REFERENCES

<https://github.com>
<https://github.com/gambolputty/german-nouns>
<https://github.com/Konjugators/console-conjugator>
<https://github.com/maxschmaltz/DERBI>
<https://github.com/tdaneyko/zmorge-utils>

<https://github.com/ulrischa/GermanNumerus>
<https://pymorphy2.readthedocs.io/en/latest/>
<https://spacy.io>
<https://universaldependencies.org/u/feat/index.html>
<https://universaldependencies.org/u/pos/>
https://universaldependencies.org/treebanks/de_lit/index.html
<https://www.apache.org/licenses/LICENSE-2.0>

SUMMARIES

I

THE IMAGE OF THE CREATOR-POET IN *AUTOMATIC VERSES* BY BORIS POPLAVSKY

G. Mamatov (Novosibirsk)

Many researchers of B. Poplavsky's works have analyzed his book *Automatic verses* and written about its surrealistic nature, which is due to the influence of Bretonian tradition and Z. Freud's experiments with the sphere of unconscious. Undoubtedly, the form of the poems goes back to the poem *Magnetic fields* by A. Breton and Ph. Soupault. This is indicated by polymetry as well as other experiments in rhythm, rhyme, syntax, and punctuation. The system of images in *Automatic verses* correlates with poetics of French surrealism (motives of a dream, water, and a dungeon as traditional symbols of unconscious and markers of withdrawal into oneself).

However, in his articles, B. Poplavsky has stated that the principle of automatism is based not on the description of what one sees while in a state of distorted consciousness, but on a strict selection of the most significant for creating a piece of art. Having analyzed *Automatic verses*, we concluded that the book's composition builds on clear division into cycles consisting of poems united by similarities in motive, image, space and time structures. Recurring images create integrity of the book and link all

the cycles with each other. This observation allows to talk about a semantic core of Poplavsky's book and his retreat from principles of illogicality and chaoticity that are typical for surrealist poetics.

We have distinguished 46 cycles united by the image of the creator-poet. The lyrical hero appears in all the cycles in different incarnations, which brings to mind a mirror. All the characters in *Automatic verses* are reflections of the lyrical hero, who passes the way from underground or underwater hell into the divine sphere of art. This plot is based on a mythologeme of Orpheus in hell. The myth about Orpheus is related to the motive of music, which is present in many of the cycles. Connection with music is obvious in the final poem of the book; the hero-poet is flying and transforming in the stream of stars and sounds. It corresponds with Poplavsky's ideal of the creator, for whom dissolving into music and merging with the world of fantasy is the highest value.

In *Automatic verses*, theme of the creator and his role in the world, which is a central theme for Poplavsky, is implemented in surrealist manner; symbolic and compositional structures are connected with music, which, for the poet, is the supreme art.

“THERE IS FLOTSAM AND JETSAM FLOATING IN THIS
NAVAL BORSCHT” (SOVIET CUISINE IN ILF AND
PETROV'S NOVELS *THE TWELVE CHAIRS* AND
THE GOLDEN CALF)

P. Mamysheva (St. Petersburg)

In 1920s and 1930s, the food policy of the newly formed Soviet Union underwent significant changes. Soviet cuisine has developed, which was completely different from classical Russian culinary tradition. The main difference between the new food policy and the old cuisine was that the new gastronomic tradition was not formed spontaneously, under the influence of needs of the nation, but was built on a theoretical basis and

controlled by government. The attention of the creators and participants of newly formed public cuisine was drawn not to culinary, but to organizational issues.

The Twelve Chairs and *The Golden Calf* by I. Ilf and E. Petrov are considered to be an encyclopedia of Soviet life in 1920s and 1930s. The authors depicted many cultural realities of the period when the New Economic Policy (NEP) was curtailed and the industrialization started. The peculiarities of the new food culture were also reflected in *The Twelve Chairs* and *The Golden Calf*. This article focuses on cuisine references in these novels, including slogans and tropes related to gastronomic theme. Frequency, specifics of their usage, and their role in the dilogy are analyzed in detail.

BETWEEN LITERARY THEORY AND SOCIAL ANALYSIS:
ON PRAGMATICS AND EPISTEMOLOGY OF
BORIS EIKHENBAUM'S *MOI VREMENNİK*

S. Popov (St. Petersburg)

In his autobiographical book *Moi vremennik*, Boris Eikhenbaum records such events from his past that are usually listed in a utilitarian or even referential narrative. The memoirist talks about his family history, his childhood and student years, different stages of his studies, and a wide range of his research and literary interests.

It is worth noting that Eikhenbaum describes those facts and events as traumatic: for example, his childhood was overshadowed by the anti-Semitic attitude of the inhabitants of his hometown of Voronezh; in the student community of Saint Petersburg, he was not accepted because of his provincial background. The autobiographical text ends, however, in an optimistic modality – with the October Revolution, joining the OPOJAZ, and taking a more productive social position (as opposed to the marginal position already familiar to Eikhenbaum).

In *Moi vremennik*, autobiographical notes are followed by three theoretical articles. In those articles, Eikhenbaum defines literary process as a horizontally arranged space in which various agents interact with each other and transgressively overcome traditional literary positions and hierarchies, as well as create new positions and hierarchies. As a result of their struggle with each other, there comes a change in the structure of the literary field. These literary models can be used in the analysis of social relations (and in the analysis of the social and biographical trajectory of Eikhenbaum himself as well).

In the case of *Moi vremennik*, autobiographical writing turns out to be a conceptualization of a certain social structure and theoretical explications serve as a kind of metacommentary on the social experience of an individual subject – namely the author of the book.

“ARMENIAN TEXT” IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY: ORIGIN AND DEVELOPMENT

V. Shulenina (Moscow)

In Russian literature of the first half of the 20th century, there can be found a complex of textual associations with Armenia that make it possible to talk about the existence of a specific “Armenian text” comparable to “Petersburgian,” “Moscowian,” “Novgorodian,” and other “regional texts.” In this article, “Armenian text” is analyzed on the example of works by V. Bryusov, M. Gorky, A. Bely, and O. Mandelstam.

The appearance in Russian literature of the imagery of Armenia, glorified in antiquity by the gusans, and its further development throughout the 20th century were accompanied by active intercultural communication. A significant contribution to the formation of Russian-Armenian relations was made by M. Gorky and V. Bryusov, who worked on the publication of the *Collection of Armenian Literature* (1916) and the anthology

The Poetry of Armenia and Its Unity Through the Ages (1916). These writers were amongst the first ones that sought to deeply comprehend the cultural heritage of Armenia and study the stages of its historical development.

As for genres, “Armenian text” is represented by small forms – travel essays and poetic cycles. Due to new trends in literature, caused by the process of formation of the Soviet power, travelogues received different assessments in the literary environment. *Armenia* (1928) by A. Bely and *Through the Union of Soviets* (1929) by M. Gorky, depicting the active construction of socialism and the labor of the workers, received positive feedback and allowed the writers to participate in the plenary session of the organizing committee of the Union of Writers of the USSR in 1932. On the contrary, O. Mandelstam was accused of old-fashioned style and narcissism after the publication of his *Journey to Armenia* (1933).

The works that recreate the unique imagery of Armenia are the result of the writers’ subjective perception. The evaluation of the “foreign” in the context of “Armenian text” is inextricably linked with the rich imagery of authorial style and autostereotypes about a non-native culture. The motive structure of travelogues and poetic cycles is based on their thematic identity with substratum landmarks. As a result, the reader discovers not only the young USSR, but also the ancient homeland of the ashughs (folk singers of Transcaucasia). Landscape, material, cultural and historical categories of perception can be distinguished. Armenian cultural heritage entered a new wave of actualization due to the work of Russian writers in the first half of the 20th century.

A FOREIGN MINISTRY OFFICIAL, WHO WAS FAMILIAR WITH ALEXANDER PUSHKIN, AND HIS DESCENDANTS IN ESTONIA

A. Simagina (Tallinn)

This article tells the life story of Mikhail Ivanovich Gubin, a Treasurer of the Ministry of Foreign Affairs, who met with Alexander Pushkin on official business several times in the early 1830s.

Thanks to the church registers and other materials found in the archives, it was possible to restore the biography of M. I. Gubin and his father, as well as to obtain information about the numerous descendants of Mikhail Ivanovich.

It was established that Leonid Mikhailovich Gubin, one of the sons of M. I. Gubin, was the father of Vladimir Leonidovich Gubin, a member of the Committee of Russian Émigrés in Estonia.

On the basis of archival documents, the biography of V. L. Gubin was restored. Among other things, his activities in the Committee of Russian Émigrés are covered, including his participation in putting into order the cemetery of the soldiers and officers of the Northwestern Army in Tallinn, on the site of which a chapel in memory of the perished was recreated in 2022.

Much of the information set out in this article has never been published before.

THE SOCIOCULTURAL SPACE OF SOVIET CLOSED CITIES: CULTURAL HERITAGE AND RETHINKING IN POST-SOVIET DOCUMENTARY PROSE

O. Zhuravlova (Riga)

Relying on egotexts, the author considers some characteristic features of the social environment that has formed in Soviet closed cities under the influence of regime, status, administrative and socioeconomic factors. The author explores the complex of problems associated with the implementation of the Soviet nuclear project and its impact on generational memory.

The creation of closed cities dates back to the post-war period. In the process of their development, a certain social environment has formed there. It had specific features different from the standard model of society of small towns in Russia, such as total secrecy and strict regime. Wages in closed cities differed favorably from those in other cities, which made working in closed cities attractive for specialists, despite the fact that work in the construction of the nuclear industry was hard and likely to have negative impact on health, up to a lethal outcome. The system of formation of closed cities included strict selection of personnel. Engineers and technical workers, who were high-level specialists, were considered to be the elite of the society.

In closed cities, a specific type of population has formed, with such characteristics as acceptance of restrictions on freedom of movement and willingness to work towards a shared goal. All of the above contributed to the creation of a unique identity of a closed city resident.

II

THE CONCEPTION OF A FREQUENCY DICTIONARY OF BORIS RYZHY'S LANGUAGE

P. Baranovsky (Kaliningrad)

This article describes the conception of a frequency dictionary of Boris Ryzhy's language. The purpose is to create a frequency dictionary of the poet's language. His poetical works (513 poems, 46,201 word forms) are used as material for the dictionary.

Taking into account the previous experience and state-of-the-art capability for the development of lexicography, it seems to us that the conception of such kind of a frequency dictionary is scientifically productive and promising.

It is planned to include in the dictionary: 1) alphabetical list; 2) ranking list of lexical items; 3) the statistical structure of Boris Ryzhy's vocabulary; 4) ranked list; 5) glossary of proper nouns; 6) glossary of color vocabulary; 7) appendices. Along with quantitative data, the dictionary will contain grammatical characteristics, the type of meaning (direct/figurative) of the lexeme, and the context.

For working on the verification and systematization of lexical items, we applied the methodology of standardized data processing procedures as well as the method of comparative analysis of statistical results. The identification and counting of the lexemes were carried out using the Python programming language. In addition, the computer program Hypertext Search for Companion Words in an Author's Texts was used.

The most important principles of the proposed conception of the dictionary are the quantitative and qualitative expansion of the list of sections, the inclusion of ranking lists, mentioning the context, and attention to the semantic potential.

Thus, the implementation of this conception will make it possible to identify the relationship between linguistic means used by poet and

particular aspects of his worldview and will also provide the possibility of a more systematic and convenient correlation of the data of the frequency dictionary of the poet's language and the frequency dictionary of the national language.

<ISTORIA PRO + ACC>:
NEW IN THE GRAMMAR OF CONSTRUCTIONS

A. Bazarzhapova (St. Petersburg)

The article deals with the peripheral zone of the lexical and grammatical characteristics of the Russian word *istoria*, which appears to undergo a number of processes actively proceeding in modern everyday discourse – resemantization and desemantization.

An analysis of the corpus material shows that the dictionaries do not contain reflexes of these semantic processes.

Resemantization implies that, in particular circumstances, the word *istoria* loses its natural meaning and, on the one hand, acquires a meaning of ‘undefined object’ (e.g., *Nepravil'nye glagoly – eto takaya istoria, kotoruju nado postojanno povtor'at', kak tablitsu umnozhenia*) or, on the other hand, acquires a meaning of ‘particular object’ that is known to both interlocutors from the context (e.g., *Beshenykh deneg stoit vs'a eta istoria* = the trip costs a fortune).

Desemantization suggests that *istoria* loses its lexical meaning without acquiring a new one but is becoming a part of some fixed expressions. One of such expressions containing desemantized *istoria* is a collocation <*Istoria pro + Acc*> (the full realization is <(Eto) *istoria (ne) pro to, chto/kak/pochemu...*>). The noticeable fact is that this collocation can be used according both to the dictionary definition ‘story about sth’ and the new meaning – ‘correspondence or incorrespondence of one situation to another situation’.

This article attempts to analyze the semantic modification of the word *istoria* as an element of the collocation. Despite not being recorded in

dictionaries, new meanings of the word *istoria* determine the originality of the communicative behavior of the word in everyday discourse and require special attention of linguists and lexicographers.

THE ROLE OF FAIRY TALE IN THE DEVELOPMENT OF MONOLOGICAL SPEECH IN RUSSIAN-ITALIAN BILINGUAL CHILDREN

I. Demjanova (Tallinn)

In modern society, the phenomenon of bilingualism is becoming more and more widespread. For example, in Italy, in recent years, the number of bilingual people has been steadily increasing. This is due to an increase in migratory flows of people who come to Italy for various reasons and stay for a long period. The presence of people who speak other language than Italian favors the creation of bilingualism and biculturalism.

Is it easy to maintain bilingualism in the absence or limitation of inputs in one of the languages? Is it possible to teach bilingual children using fairy tales? Can fairy tales facilitate the development and enrichment of the lexicon? This article discusses the role of fairy tales in the linguistic development of Russian-Italian bilingual children and their vocabulary enrichment, presents the results of tests on the dominant language of bilingual children and provides some practical examples, ideas and exercises on how to apply the methodology of fairy tales in order to improve students' grammar and enlarge their vocabulary.

THE SPECIFICITY OF THE HIERARCHY WITHIN THE ART HISTORY TERMINOLOGICAL SYSTEM

P. Dovgopyat (St. Petersburg)

The relevance of this study is due to the appeal to the problem of the lack of a clearly defined structure in the terminological system of art history. Within the framework of this study, the features of the hierarchy of art history terminology are considered for the first time.

The purpose of this study is to establish the specificity of the structure of the art history terminological system. In the course of this study, the following hypothesis was formulated: the uncertainty of the terminological status of lexical units related to the key concepts of art history indicates the absence of a clearly defined core of the terminological system of this scientific discipline.

Linguistic research methods include definitional analysis and elements of semasiological analysis. As a result, such feature of the art history terminological system as the absence of a core was revealed, which indicates the absence of the head of this scientific discipline. Lexical units denoting the key concepts of art criticism are determinologized due to the excessive broadness and abstractness of meanings bordering on the lack of definition. The boundaries of the art history terminological system are blurred due to the consubstantial nature of most art history terms.

The scientific status of the art history terminological system is preserved due to the existence of special art history terms within it. Thus, the absence of a clearly defined hierarchy within the art history terminological system testifies to its flexibility and originality.

THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE FUTURE: GENDER-NEUTRAL OR GENDER-INCLUSIVE?

I. Grigoryeva (Minsk)

Modern linguistics is anthropocentric in nature and takes into consideration changes of gender roles in social communication. The relevance of the present research is determined by the social openness to change resulting from self-realization possibilities of all society members and the necessity of accurate nomination for communication participants, as the grammatical system of the Russian language does not have adequate means of expression of gender neutrality and gender inclusiveness. The third gender remains excluded from the system of grammatical forms in Russian. The third gender is a term used for people who do not identify with male or female or man or woman, i.e., consider themselves people of a gender which does not fit in the traditional binary system.

This article examines the problem of the third gender in languages, focusing on the Russian language. It demonstrates the interaction of such notions as the norm, sexuality, sex, gender role, gender expression, and gender identity in defining the term 'gender'. The componential and contrastive analysis of dictionary definitions reveals similarities and differences in gender perception on linguistic and cultural levels, which leads to the discussion of gender roles in modern society taking into account non-binary paradigm. Thus, gender is defined as a set of semantic characteristics reflecting the categories of femininity, masculinity, and androgyny implemented by all language levels. This article determines lexical and grammatical means of third gender manifestation in the German, English, and Russian languages.

Being rigid in terms of grammar, at the current stage of its development the Russian language does not allow inclusion of new items into the grammatical and lexical systems. So, the problem of gender neutrality or gender accentuation in the Russian language is still acute, which highlights the importance of a deeper and more detailed study.

RESTING AND A LITTLE NERVOUS:
AN UNUSUAL SYNONYMOUS CONVERGENCE
IN EVERYDAY RUSSIAN SPEECH

T. Kolosovskaya (St. Petersburg)

This study was carried out within the framework of construction grammar (CxG), an actively developing field in modern linguistics. Following the creators of this area, the present paper uses the concept of construction. The relevance of the research is due to an increase in Russian oral and written discourse of a number of fixed expressions of various kinds that require a linguistic description of both their internal structure and relations with other similar formations. The constructions <P – N₁ is resting> and <P – N₁ V₁ nervously> are evaluative and contain many variables within themselves, and the synonymy of these models is confirmed by the possible use of the units *is resting* and *nervously* in the same context and with a similar meaning.

IMPLEMENTATION OF PHONETIC REFLEXIVES
IN MODERN RUSSIAN PROSE (ON THE EXAMPLE
OF *A GLOOM IS CAST UPON THE ANCIENT STEPS*
BY A. CHUDAKOV, *BRISBANE* BY E. VODOLAZKIN,
AND *TUDOI* BY M. STEPNOVA)

E. Koreshkova (Kaliningrad)

This article discusses the main aspects of the implementation of phonetic reflexives in modern prose. In relation to the functionality of speech acts, reflexives serve as a generic concept that is directly aimed at clarifying the meaning and its interpretation. The influence of context and semantics on reflexives as a whole is also considered. The article offers the author's understanding of the term 'reflexive', which is one of the classes of discursive units of oral speech.

WHO AND HOW RESTS: THE SETS OF KEYWORDS IN EXTRAVERT AND INTROVERT STORIES ABOUT LEISURE TIME

E. Kostina (St. Petersburg)

This article presents the results of the linguistic experiment related to the selection of the sets of keywords in the monologues of two informants: a typical extravert and a deep introvert – on the topic “How do you spend your free time?”. Selected sets of keywords are considered in relation to the psychotype of each speaker.

According to the results of the experiment, sets of keywords are analyzed in the following areas: the content of thematic groups, the category of place and time, evaluativeness, the index of ease of reading and the degree of readability, semantic fullness, hedging, digressions from a given monologue theme, paralinguistics.

IS THERE A LIMIT TO INTENSIFICATION IN LANGUAGE: FROM ADVERB TO HASHTAG

J. Lokalina (St. Petersburg)

This article is devoted to the “transition” of the adverb *sovsem* to the fixed expression *ot slova sovsem* and further to the hashtags created on its basis. This “transition” can be represented on the following dynamic “intensification scale”: *sovsem* – *ot slova sovsem* – *#otslovasovsem* – *#otSlovaSovsem* – *#OtSlovaSovsem* – *#otslovaSOVSEM* – *#OTSLOVASOVSEM*. The article analyzes such a peculiarity of the modern Russian language as hyperbolization. In particular, it analyzes the semantics of the adverb *sovsem*. Adverb is considered as the reason for the appearance of an intensifier in the language. The article pays attention to the specifics of the use of the hashtag *#otslovasovsem* in three social networks: VKontakte, Instagram, and Twitter. Important criteria for analysis are the function of the hashtag

and its graphic features (as a way of intensification). The features of the use of #otslovasovsem in modern Internet communication is characterized based on the collected material. The results of the analysis are presented using examples of quotations from personal blogs of Internet users.

FROM HYPERCORRECTION TO HYPERPOLITENESS: ON ONE COMMON ANOMALY IN STUDENT SPEECH

V. Lozhkina (St. Petersburg)

This article analyzes the speech formula of the “new Russian politeness” <Mozhno/mozhete/mozhesh'/mogu li... pozhaluysta + Inf/Acc>. The speaker's desire to speak correctly and beautifully (and, in the present case, also hyperpolitely), without having the skills of such speech, sometimes leads to an opposite result – a speech error as a product of hypercorrection.

Variants of this speech formula, which apparently was transferred into Russian from English (the ‘May I please...’ construction), are actively functioning in the lexicon of modern students. During the study, it turned out that young people do not perceive the “abnormality” of this speech formula. In contrast, a request with a modal word (*Mozhno/mozhete/mozhesh'/mogu li...*) not supported by the politeness marker *pozhaluysta* seems rude to students.

There are currently 50 contexts in the user subcorpus of this study. As the analysis of this material showed, the speech formula under consideration occurs in two main communicative situations: 1) when a student addresses a teacher, more often in the form of a question (*Mozhete pozhaluysta sfofografirovat' yeshche raz? / Mogu li ya vystupit' v drugoy raz, pozhaluysta? / Mozhete togda, pozhaluysta, otmenit' moyu zayavku v LMS? Spasibo*); 2) in communication between students and classmates (*Mozhno sylku, pozhaluysta. / A mozhno, pozhaluysta, adres podderzhki*).

It is noteworthy that this formula is also actively used in the Internet correspondence of students. Moreover, in messengers, it is supplemented with emoticons, either expressing embarrassment (*mozhete rasskazat'*,

pozhaluysta, chto zadali? (🙏🙏) or emphasizing request (*a možhno pozhaluysta ne pottera* 🙏). Spelling of this formula can be different: *mozhesh' pzh*, *mozhno pliz*, etc., as well as its punctuation.

The frequency of this phenomenon forces, at least, to record it and describe as fully as possible before evaluating it.

LANGUAGE REFLECTION STRATEGIES IN JOSEPH BRODSKY'S POETRY: LEVEL OF THE LEXICAL MEANING OF A WORD

A. Muzychuk (St. Petersburg)

This article aims to explore the expressive potential of components of word meaning in Joseph Brodsky's idiostyle. Component organization of the lexical meaning of a word is one of the levels of the poet's linguistic reflection to which little attention has been paid so far. Thus, splitting the semantics of words into components is relevant in terms of linguistic study of Brodsky's creative approach towards language.

Individual semantic filling of the intentional model is realized by the means of representation of the hyponimic-hyperonimic relations included in the core of the lexical meaning. Its realization also requires a unique semantic valency of a specific poetic context. Brodsky's striving for the accuracy of poetic expression is of a linguistic nature. Constructions with clarifying words, such as "more accurately", "more precisely", as well as various poetic definitions result from the intensive intellectual search for the meaning of the word relevant in the context.

The approach to studying the potential possibilities of the language system from the position of a semantic description of the components of lexical meaning reveals that Brodsky uses numerous lexical-semantic variants of language units and the degree of their expressiveness in the poem is determined not by the occasional use of the word, but by the context of a poetic work or even the entire corpus of poems.

IDIOM FORMS OF RUSSIAN EVERYDAY SPEECH AS A GRAMMATICAL CONSTRUCTION

Nan Wu (St. Petersburg)

This article is devoted to the description of the lexical and grammatical characteristics of idiom forms (FI_d) identified on the material of the corpus of Russian everyday speech “One Day of Speech”. 30 word forms in more than 140 contexts became a concrete material for analysis. All of them are distinguished by a number of common features: stability, non-compositionality, ambiguity, high frequency of use by all Russian speakers, and reproducibility. From a grammatical point of view, FI_ds are divided into verbal (*ne gorit, ne svetit*) and nominal (*po ponatiam, na khal'avu, do duri, po idee*), with an unconditional predominance of nominal (93.3 %). The grammatical approach, within the tradition of construction grammar (CxG), allows us to describe all this material as a set of minimal grammatical structures, such as <Ne + N1> (*ne vopros*), <Ne bez + N2> (*ne bez etogo*), <(Ne) v + N4> (*(ne) v kajf*), and so on. From a semantic point of view, FI_ds can be monosemantic (*v nature*) and polysemantic (*ni o chyom, po zhizni*), they can enter into synonymous relations with each other (*do duri, do figa* – ‘a lot’; *po barabanu, pofig, bez raznitsy* – ‘does not matter’). Revealing the features of FI_ds is important in different aspects: colloquialistics, linguodidactics, theory of speech acts, linguistic expertise.

A CONTRASTIVE ANALYSIS OF CONSONANT SYSTEMS OF THE VIETNAMESE AND RUSSIAN LANGUAGES

P. Nguyễn Hạnh (Moscow)

This article discusses the distinguished features of consonant inventories of the Vietnamese and Russian languages. The main attention is devoted to analyzing the phonetic similarities and differences between conso-

nant systems in these languages. This topic is relevant since there are not enough studies comparing consonant systems in the Vietnamese and Russian languages.

In this article, consonant systems of the Russian and Vietnamese languages are analyzed and the distinguished features of these systems are defined on the basis of the received data. The study was carried out using descriptive and comparative methods. The article also contains a brief literature overview based on studies of different researchers from Vietnam, Russia, and other countries.

Results of this study show that consonant systems in Vietnamese and Russian are differentiated by the number of phonemic elements, besides, each of the studied systems has its specific articulatory characteristics. In addition to that, the functions of consonants in these languages are different.

This study is a new attempt in comparing consonant systems of Vietnamese and Russian in detail, using the latest research data. The results provided in this article may be relevant to researchers and students studying Russian and/or Vietnamese.

CONTACT VERB *PREDSTAVL'AESH'* ON THE GRAMMATICALIZATION SCALE

M. Rosip (St. Petersburg)

The purpose of the present study is to describe the functioning of the contact verb *predstavl'aesh'* in Russian spontaneous speech. The analysis of speech corpus material allows us to trace the process of grammaticalization of this form and visualize it on the “introductory scale” which includes five points.

At the leftmost point, the form *predstavl'aesh'* is not yet an introductory word, but a lexical verb capable of attaching a noun in the accusative (e.g., *Predstavl'aesh' takuju vot scenu / da?*).

At the second point, the same lexical verb attaches a subordinate clause; its extension with a noun is almost impossible (e.g., *Predstav'laesh' / kak na nego povlijala moja detskaja pros'ba* “kupi mne pianino”).

At the third point of the scale, the verb form enters the path of grammaticalization: the subordinate clause is reduced to a single predicative, an introductory element appears (e.g., *Ochen zdorovo / dazhe ne predstav'laesh' kak veselo*).

At the fourth point of the scale, the form *predstav'laesh'* is used as part of an introductory-rhetorical construction with a subordinate word, but without a dependent clause; from this point, the semantics of the introductory begins to intensify (e.g., *I on / eto / nu vidimo / machinist zadnee / eto / steklo / ili kak oni / nu ja ne znaju / kak on zametil / chto polsostava otcepilos'. Nu predstav'laesh' / kak?*).

This word demonstrates the features of contact verb at the far-right point of the scale, where it is a full-fledged introductory unit; the process of grammaticalization can be considered complete (e.g., *Predstav'laesh' / sama seb'a prinjala v pionery*).

Most of the uses in the analyzed contexts correlate with point five, although the word form *predstav'laesh'* as a contact verb is not recorded in any of the classical academic dictionaries. Thus, this work may serve as some incentive to update the lexicographic description of the verb *predstav'laesh'* which is relevant for modern colloquialistics.

ON THE HETEROGENEITY (CONTROVERSY) OF POLYLEXEMIC DEEUPHEMISMS IN THE *DICTIONARY OF RUSSIAN EUPHEMISMS* BY E. P. SENICHKINA

E. Yakovleva (St. Petersburg)

Russian researchers (L. P. Krysin, V. P. Moskvina, D. N. Shmelev, and others) interpret euphemisms as “lexical items that serve to replace such words or expressions that seem undesirable, impolite, or too harsh to a speaker in specific situations.”

It is well known that different euphemism classifications exist, but separating deeuphemisms – a special type of euphemisms proposed by E. P. Senichkina – turns out to be doubtful. Deeuphemisms are considered former euphemisms that have lost ability to euphemise and acquired a negative connotation. In the present article, the mentioned lexical items are examined in terms of labels accompanying them in dictionaries, particularly in the *Dictionary of Russian euphemisms* by E. P. Senichkina, and in terms of fulfilling or not fulfilling a euphemistic function in various texts.

The results show that dictionary entries describing deeuphemisms often contain several labels that should not be placed nearby (for example, labels indicating two different degrees of euphemization). An appeal to the main and journal subcorpus of the National Corpus of the Russian Language proves that not all deeuphemisms have a negative connotation in modern Russian and many of them consistently fulfill a euphemistic function in various contexts.

DERBI: DEUTSCHER REGELBASIERTER INFLEKTOR

Maksim Shmalts (Moscow, Tübingen)

Inflectors are used in various fields of natural language processing (NLP). Among these are the following scenarios: rule-based texts and textual datasets generation, automatic grammatical error correction, implementation of spell checkers. Since different languages have inflection systems developed to varying degrees, the importance of an inflector depends on the complicity of the inflection system of the target language. While NLP tools for the languages with low developed inflection (the most obvious example is English) can avoid using an inflector directly, as the rules of inflection might be obtained while training on a large enough annotated dataset or be assigned directly due to their little number, processing of the languages possessing high developed inflection may be imagined less

probable without a model handling and analyzing all the range of word forms.

Inflectors are used for various purposes in NLP and are quite important tool raising models' performance. In this paper we presented DERBI – a rule-based inflector for the German language that takes into account the most significant properties of German and deals with them. The model handles the most basic cases and performs with an adequate accuracy (over 0.94 on the test dataset).

DERBI is set up in a GitHub repository, the path to it is maxschmaltz/DERBI. The model is an open source project and distributed under the Apache License, Version 2.0. The more detailed information about the model and usage is enclosed in the README file in the repository.